А. ЛУНАЧАРСКІЙ

ИДЕИ ВЪ МАСКАХЪ

К-ВО
„ЗАРЯ“

А. Луначарскій.

ИДЕИ ВЪ МАСКАХЪ

Книгоиздательство „ЗАРЯ".
Москва.—1912.

Пров 1955
Нр.

197561

Типографія „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“, 3-я Тверск.-Ямская, 34.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый вниманію публики сборникъ содержитъ въ себѣ маленькія фантазіи и пьесы, написанныя въ разное время и не объединенныя какою-либо одной идеей; но авторъ собралъ здѣсь исключительно тѣ свои беллетристическія работы,—частью появлявшіяся уже въ печати, частью еще не опубликованныя, — которыя строго отвѣчаютъ заглавію „Идеи въ маскахъ“. Заглавіе это кажется мнѣ достаточно яснымъ, чтобы не нуждаться ни въ какихъ комментаріяхъ, какъ не нуждаются въ нихъ, надѣюсь, и самыя фантазіи и пьесы.

Большинство фантазій уже появлялись въ печати: „Арфа“, „Лунный свѣтъ“ и „Скрипачъ“—въ „Русской Мысли“ въ 1902 году; „Философъ, который смѣется“—въ томъ же году въ газетѣ „Курьеръ“ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими утерянными мною вещами; „Мудрый Чарудатта“ и „Крылья“—въ журналѣ „Правда“ въ 1904 году; „Флорентійская ночь“—въ газетѣ „Кіевская Мысль“ въ 1910 году, наконецъ, „Воскресенье“—тамъ же въ 1911 году.

Пьесы появляются вновь. Изъ нихъ „Гости въ одиночкѣ“ написана въ 1906 году и была нѣсколько разъ публично читана авторомъ въ Петербургѣ. „Юный Леонардо“ написанъ въ 1909 году, остальныя пьесы въ 1911 году.

Авторъ.

11/x.
Парижъ.

МУДРЫЙ ЧАРУДАТТА.

Послѣ многоопытной жизни и многократнаго проникновеннаго чтенія Ведъ Чарудатта, достопочтенный брахманъ, удалился въ пещеру между скалъ для углубленія въ себя и въ великое Ничто, Амтманъ, составляющій все и граничащій съ ничѣмъ.

Подолгу сидѣлъ Чарудатта, голодный и изможденный самобичеваніемъ, во тьмѣ своей пещеры, неподвижный и важный, и Все - Ничто обволакивало его, какъ бездонная ночь, весь міръ расплывался, все смѣшивалось, и только глухое пространство держало на своемъ лонѣ маленькую искру, которой имя — душа Чарудатты. Но вотъ и пространство свертывалось въ точку, ибо тамъ, гдѣ нѣтъ окружности, нѣтъ и центра, гдѣ нѣтъ конца, нѣтъ и начала. Черная точка,—Амтманъ,—совпадала съ свѣтлой точкой,—душой Чарудатты,—и гасила ее въ безразличіи... Послѣ этого уже ничего не существовало... А ручьи бѣжали въ горахъ, извивались серебристыми змѣями на лучахъ горячаго солнца, тремя шагами проходящаго равнину небесъ; ручьи падали съ шумомъ съ уступовъ, журчали по камнямъ, они поили горныхъ козочекъ, которыя иногда пугливо подбѣгали къ темной дырѣ между скалъ, нюхая воздухъ хорошенькими мордочками, и заглядывали въ темноту;

тамъ бѣлѣлась борода безчувственнаго Чарудатты, который осязалъ Амтманъ, Все - Ничто. Козочки не думали, что онѣ ничто, и рѣзво бѣжали дальше со скалы на скалу, Чарудатта же сидѣлъ на мѣстѣ и ничуть не становился мудрѣе.

„Мнѣ странно,—сказалъ себѣ Чарудатта, стоя у порога пещеры и глядя въ скалистую долину, озаренную солнцемъ,—мнѣ странно... Я знаю теперь все, ибо знаю, что и скалы, и небеса, я, солнце, орелъ — все есть амтманъ... Но я ничего не знаю, ибо не знаю, почему именно небеса, солнце, орелъ, почему скалы и я. Почему міръ не иной? Куда онъ идетъ? Или зачѣмъ онъ сидитъ на мѣстѣ? Почему именно въ такія одежды одѣтъ этотъ Амтманъ и зачѣмъ онѣ такъ пышны? Иногда мнѣ кажется, что я открылъ пеструю коробку и увидѣлъ, что въ ней пусто... И мнѣ загадочно, для чего коробкѣ быть яркой и вообще существовать, если она заключаетъ въ себѣ пустоту? Или Амтманъ самъ по себѣ, а коробка сама по себѣ?.. Тогда, право, коробка интереснѣе пустоты... Вотъ уже пятнадцать разъ лицезрѣлъ я Амтманъ, и, мнѣ кажется, я сильно глупѣю съ каждымъ разомъ, память моя меркнетъ, я словно валюсь въ бездну и что-то кричитъ во мнѣ: „Спасайся, достопочтенный Чарудатта, иначе Амтманъ проглотитъ тебя, ибо онъ не жизнь, а смерть!“

Чарудатта сказалъ себѣ все это и, замѣтивъ, что онъ сильно утомленъ, прилегъ прямо на камень подъ лучами горячаго солнца и забылся-было сномъ.

Но кто-то сейчасъ же тронулъ брахмана за пушистую его бороду и сказалъ яснымъ голо-

сомъ: „Вставай, Чарудатта, я хочу что-то показать тебѣ“.

Чарудатта открылъ глаза и поднялъ голову: передъ нимъ стоялъ Ганеза. Ноги его были подобны лунѣ, все тѣло сіяло чѣмъ выше, тѣмъ ярче, лицо же было какъ солнце,—трудно было различить его черты: широкія висящія уши, яркобѣлыя, какъ языки чистѣйшаго пламени, клыки, изумрудные глаза и длинный хоботъ великаго бога мудрости. Въ своихъ четырехъ рукахъ Ганеза держалъ ключъ, открывающій двери тайнъ, перо, которое даетъ безсмертіе и плоть безплотному, мгновенному слову, воздушной маскѣ, свѣтозарной мысли, обоюдовогнутое стекло, усиливающее зрѣніе глаза, и лампу, освѣщающую путь во тьмѣ. Въ хоботѣ же Ганеза держалъ какія-то таблицы.

Чарудатта быстро поднялся и поклонился:

— Привѣтъ тебѣ, Ганеза, сынъ Лакшмы,—сказалъ онъ.

— И тебѣ привѣтъ, любезный Чарудатта. Я люблю умныхъ людей. Мнѣ понравилось, что прозрѣлъ ты ничтожество Амтмана. Вамъ даны глаза, уши, пальцы, ноги и языкъ, мыслящая голова, чтобы видѣть, слышать, осязать, обонять, вкушать и обсуждать, но, конечно, когда не дѣлаешь ничего этого, тогда все кажется однимъ или даже ничѣмъ. Это неудивительно, любезный Чарудатта: міръ—не Амтманъ, это—сила, расколотая на много силъ и обратившаяся противъ себя отъ вѣка. Демоны и камни, растенія и животныя, люди и боги,—все—сочетаніе силъ, все борется другъ съ другомъ и заключаетъ союзы; это великій танецъ силъ съ превращеніемъ однѣхъ въ другія

Богъ становится камнемъ и камень богомъ... Демонъ дѣлается человѣкомъ, а человѣкъ превращается порою въ демона... Но превращеніе это, не правда ли, не безразлично? Почетно для раджи стать брахманомъ, и стоитъ ли для того преодолѣть труды, но не обратно, Чарудатта, не правъ ли я? Итакъ, силы превращаются,—вверхъ и внизъ, — борясь, сочетаясь въ вѣчномъ танцѣ, повсюду... И мудрый, знающій всѣ силы міра и направленіе ихъ, можетъ предвидѣть всѣ столкновенія, побѣды и пораженія, и все будущее ему открыто, ибо оно дано въ настоящемъ, какъ точка пересѣченія двухъ прямыхъ линій дана ихъ направленіемъ. Я дамъ тебѣ ключъ къ составленію таблицъ, перо, чтобы ты записалъ ихъ, я дамъ тебѣ обоюдовогнутое стекло, чтобы ты видѣлъ дальнее и малое какъ близкое и большое, я дамъ тебѣ свѣтъ, и ты просвѣтишься, Чарудатта.

Много, много дней провелъ Чарудатта за составленіемъ таблицъ по даннымъ бога Ганезы.

И когда онѣ были готовы, онъ сталъ провѣрять ихъ.

И вотъ предсказалъ самъ себѣ Чарудатта выпаденіе дождей и засуху, войны раджъ съ ихъ исходомъ, падежъ и приплодъ коровъ, смерть и рожденіе людей, знаменія небесъ и удачу купцовъ,—и все это на одинъ годъ.

И все исполнилось, какъ предсказалъ мудрый Чарудатта.

Тогда составилъ Чарудатта новыя таблицы на слѣдующій годъ и величаво сошелъ съ горъ въ

долины. Торжественно и гордо было на его сердцѣ, ибо оно познало все. И грустно и тоскливо было ему, ибо, идя, онъ думалъ: «Все будетъ такъ, какъ будетъ, и желаніе сердца—пустой обманъ».

Гремятъ огромные барабаны, трубы криками мѣди наполняютъ воздухъ, охаетъ земля подъ бѣгомъ боевыхъ коней, слоновъ и маршемъ безчисленныхъ ногъ. По широкой дорогѣ идетъ войско магараджи Пурушри, сверкая яркостью красокъ. Слоны одѣты въ пурпуръ, а въ крѣпкихъ золоченыхъ башняхъ сидятъ на ихъ спинахъ воинственные раджи въ бѣлыхъ тюрбанахъ съ бриллiантовыми перьями, въ золотыхъ шлемахъ, осыпанныхъ жемчугомъ, и потрясаютъ длинными легкими копьями, наконечники которыхъ рѣжутъ воздухъ и жаждутъ крови какъ жала. У ногъ слоновъ смуглые воины въ цвѣтныхъ одеждахъ ведутъ на цѣпяхъ рыкающихъ тигровъ, пріученныхъ бросаться на врага... Скачетъ на чудныхъ гордыхъ коняхъ молодежь въ шитыхъ золотомъ плащахъ, и солнце смотрится въ клинки ихъ сабель какъ красавица въ зеркало.

И на бѣломъ слонѣ, завѣшанномъ коврами и тончайшими шалями, сверкающій алмазами, въ коронѣ, сотканной какъ-будто изъ лучей луны и солнца, горделиво опираясь на аметистовый жезлъ, движется повелитель этого великолѣпія, этой стремительной силы, самъ магараджа Пурушри, спокойный и увѣренный какъ Индра.

И всталъ передъ нимъ Чарудатта. Въ лохмотьяхъ его одежды нагая грудь покрыта пушистымъ снѣгомъ его почтенной бороды... Лицо его какъ темная бронза отъ лучей, лобъ его, подобный вы-

пуклой башнѣ, увѣнчанъ апылезннымъ тюрбаномъ, глаза сіяютъ мудростью и скорбью, и жестомъ болѣе важнымъ, чѣмъ повелительный знакъ царя, Чарудатта остановилъ потокъ воиновъ и сказалъ:

— Злосчастный раджа Пурушри, знай, обманутый, что ты и всѣ твои ляжете грудой бѣлыхъ костей въ ущельѣ Нуръ, ибо тамъ подстережетъ тебя твой врагъ и, кинувшись справа и слѣва, будетъ рубить и рубить... Они будутъ какъ тигры, вы—какъ напуганныя овцы, ваши слоны будутъ ревѣть, поднимая хоботы къ небу, и топтать васъ среди темной ночи... Смерть будетъ клокотать въ ущельѣ, а надъ нимъ не видно будетъ ни одной звѣзды... Ты будешь лежать на днѣ ущелья, слушать замирающій вой и лязгъ боя и тщетно станешь пытаться слабѣющей рукой зажать рану, изъ которой будетъ бить твоя кровь... И черное небо надъ тобою... И помощи нѣтъ... И ты исчезнешь, раджа Пурушри.

— Въ ущельѣ Нуръ, говоришь ты, достопочтенный брахманъ?

— Да, я знаю и минуту, и пядь земли, на которой ты будешь стоять, когда кинжалъ поразитъ тебя.

— Благодарю тебя, мудрый, дарю тебѣ 25 коровъ бѣлыхъ какъ снѣгъ. Я не пойду въ ущелье Нуръ, но изберу другую дорогу. А, коварный Датханада! Я знаю теперь, гдѣ ты подстерегаешь меня: твой замыселъ обрушится на твою же голову.

— Но ты не можешь не идти въ ущелье Нуръ, раджа,—сказалъ брахманъ.

— Почему же, досточтимый?

— Потому что этого нѣтъ въ моихъ таблицахъ.

— Ну, это меня не касается,—отвѣтилъ раджа.

И войско повернуло назадъ по мановенію его жезла.

Раджа Пурушри побѣдилъ своихъ враговъ.

Мудрый Чарудатта вернулся въ пещеру и долго провѣрялъ свои таблицы. Однако, онъ не могъ отыскать въ нихъ никакой ошибки. Тогда онъ рѣшилъ еще разъ провѣрить себя и еще разъ отправился въ міръ.

И вотъ онъ проходилъ возлѣ небогатаго дома.

Въ немногихъ шагахъ отъ него, подъ купой пальмъ былъ раскинутъ шатеръ: тамъ стояло ложе, и на немъ вытянулся бѣдный больной. Когда-то онъ былъ, навѣрное, красавецъ, но губы его изсохли, кожа обтянула лицо, глаза полупотухли и волосы прилипли къ влажному лбу.

Надъ нимъ склонилась, его ласкала цвѣтущая жена его и покрывала его грудь ароматными волосами, цѣлуя его губы, вѣяла на него опахаломъ и улыбалась и пѣла:

„Недугъ пройдетъ, потому что любовь моя бодрствуетъ: можетъ ли демонъ болѣзни вынести сосѣдство горячей любви? Моя любовь горяча, она сожжетъ ему черныя крылья, и онъ едва улетитъ визжа, какъ побитый щенокъ. Потому что я люблю, люблю тебя, мой повелитель!

„Ты опять встанешь стройный какъ пальма, и тогда ты сильною рукою прижмешь къ груди свою подругу. О, какой поцѣлуй я выпью съ твоихъ

губъ! Ты сядешь на коня и поѣдешь въ гости къ раджѣ, а я, стоя на порогѣ, буду тобой любоваться, пока ты не исчезнешь на поворотѣ, но моя мысль будетъ летѣть, летѣть за тобою, какъ бѣлая голубка, потому что я люблю, люблю тебя, мой повелитель!

„Не надо стонать, надо улыбнуться. Я буду пѣть тебѣ, танцовать передъ тобою, я тихо буду ударять въ бубенъ и кружиться, тихо-тихо изгибаясь и посылая тебѣ поцѣлуи, и ты улыбнешься и назовешь меня своею милой, потому что любовь сильнѣе недуга“...

Печальный и гнѣвный стоялъ Чарудатта у шатра, наконецъ, онъ сказалъ:

— Горе, горе!

— О, Магадева, кто это? Зачѣмъ возвѣщаешь ты горе, брахманъ?

— Горе надъ тобою женщина.

— Умретъ супругъ мой?—спросила она, задыхаясь, и сдѣлала шагъ къ нему. Огонь сверкнулъ въ ея прелестныхъ глазахъ.

— Нѣтъ, не пройдетъ и луны, какъ онъ будетъ здоровъ...

— О, тогда нѣтъ горя на свѣтѣ!

— Но не пройдетъ и двухъ лунъ послѣ этого, какъ ты станешь украдкой цѣловать другого, измѣнница!

— Ты лжешь, брахманъ!—вся вспыхнувъ, крикнула красавица, а больной, поднявъ голову, смотрѣлъ на высокаго старика.

— Я не лгу, клянусь тебѣ этой бородой, клянусь небесами, клянусь тебѣ Варуной-всевидцемъ, что ты измѣнишь своему мужу... Изслѣдуй глубину

твоего сердца. Лишь его болѣзнь распалила снова и нѣжность твою, и твою страсть, а раньше? Не думалось ли тебѣ иногда: ласки моего мужа всегда одинаковы, и не спрашивала ли ты себя при видѣ красавца: какъ-то онъ ласкалъ бы? И не думала ли, что пріятно впервые обнажить свои прелести и впервые давать новыя наслажденія и что этого уже не будетъ съ мужемъ?

— Этого не будетъ, не будетъ, старикъ,—шептала она.

— Это будетъ, и ничто не спасетъ тебя.

— Ты лжешь, ты лжешь, хотя ты и ясновидецъ. Свято чту я мою любовь къ супругу, и, если подлое, глупое сердце самки порождаетъ тѣ низкія думы, о которыхъ говоришь ты, если оно ведетъ меня къ позору измѣны, смотри же, недопеченный мудрецъ, какъ расправляется любовь съ глупымъ сердцемъ, и знай, что не будетъ того, о чемъ ты каркаешь намъ, сѣдой воронъ, не будетъ, не будетъ!..

И она быстрѣе мысли вонзила тонкій ножъ въ свое сердце и упала, обливаясь кровью. Страшно вскрикнулъ выздоравливающій, поднялся и грянулся мертвый на ея трупъ.

Мрачный и смятенный, униженный и разбитый, торопливо шелъ Чарудатта къ пещерѣ уединенія. И страннѣе всего было ему, что гдѣ-то на днѣ сердца пѣла новая пѣсня, тихо, словно трещала цикада.

Долго провѣрялъ таблицы Чарудатта и нигдѣ не отыскалъ ошибки. Тогда онъ громко вскри-

чалъ: «Ганеза, злой духъ, обманщикъ, одурачившій старика, да падетъ проклятіе на твою лживую голову, ибо подъ почтеннымъ черепомъ слона ты носишь умъ змѣи!

И въ тотъ самый мигъ, какъ онъ произнесъ эти богохульныя слова, передъ нимъ явился божественнѣйшій, великій мудрый и благосклонный Ганеза.

При видѣ блистательнаго бога Чарудатта смирился и съ ожиданіемъ вперилъ въ него свои взоры.

— Досточтимый Чарудатта, — сказалъ богъ-слонъ, сіяя своими изумрудными глазами,—ты напрасно сердишься на Ганезу. Вотъ человѣкъ идетъ ночью по дорогѣ, и на пути его яма: ясно, что онъ упадетъ въ яму. Но вотъ знающій кричитъ ему: „Стой, яма у ногъ у твоихъ!“ Тогда человѣкъ, если онъ твердъ какъ раджа Пурушри, свернетъ немного и все-же пойдетъ къ своей цѣли, хотя и другимъ путемъ. Иной, быть-можетъ, вернется вспять, если ты не крикнешь ему: «Яма не велика, есть исходъ!“ Иной, слабый духомъ, вздрогнетъ отъ твоихъ словъ и въ страхѣ передъ невольнымъ паденіемъ низвергнется въ пропасть самъ... Такого бы надо нѣжно взять за руку и вывести его на дорогу, миновавъ всѣ опасности. Въ твои таблицы ты не включилъ себя, познающаго, а познаніе неизбѣжнаго будущаго своего и людей окружающихъ само есть новая сила, опираясь на которую, можно побѣдить мнимую неизбѣжность, ибо, выясняя ее, ты бралъ лишь окружающее, но не свое познаніе.

Чарудатта былъ пристыженъ, но цикада, на-

чавшая стрекотать въ его сердцѣ послѣ трагедіи любви, имъ вызванной, стала пѣть теперь какъ птичка.

— Итакъ, человѣкъ свободенъ?—вырвалось у него.

— Въ чемъ свобода человѣка?—ласково отвѣтилъ Ганеза.—Не въ возможности ли исполнять желанія сердца? Гдѣ другая свобода, какъ понять и опредѣлить ее? Но этого мало,—само желаніе сердца должно быть постигнуто какъ благо, ибо бываютъ неразумныя желанія, которыя по достиженіи оказываются зломъ. Малыя желанія пересѣкаютъ дорогу большому и увлекаютъ людей въ сторону, — это не свобода еще, малые холмы вблизи заслоняютъ большія горы вдали; такъ бываетъ у иныхъ людей и съ желаніями сердца, — это еще не свобода, но понять всѣ желанія и установить главенство главнаго, важность важнаго, незначительность малаго, все привести въ созвучіе и желанія, искажающія общій строй сердечной музыки, сумѣть подавить познаніемъ,—вотъ что значитъ черезъ познаніе добиться свободы. Познать же неизбѣжный ходъ вещей и, познавъ, измѣнить его въ сторону желаній — значитъ свободно творить. Не правъ ли я, Чарудатта?

— Но вѣдь можно составить такія таблицы,— сказалъ Чарудатта, — гдѣ и познаніе познающаго заняло бы свое мѣсто. Тогда все будущее, какъ оно будетъ, выйдя уже изъ рукъ человѣка, было бы намъ открыто?

— Да! И тогда ужъ нельзя было бы ни надѣяться, ни познавать, да и бороться стало бы много

скучнѣе, какъ скучно актеру въ сотый разъ играть давно извѣстную роль.

— Но ты-то, ты-то, Ганеза, знаешь все будущее? Не равнодушенъ ли ты ко всему чрезъ чрезмѣрное познаніе?

— Человѣку—прекрасное чоловѣческое. Что же касается твоего вопроса, то это тайна.

Сказавъ это, Ганеза улыбнулся и... расплылся. Одно горячее солнце на мѣстѣ его лица сверкало въ проснувшіеся глаза брахмана.

И послѣ раздумья сказалъ мудрый Чарудатта:

— Стыдно человѣку, которому приснился такой сонъ, сидѣть въ пещерѣ и не идти къ людямъ для завоеванія человѣчески-прекраснаго на землѣ.

Онъ всталъ и пошелъ, прямой и величавый, этотъ пушистобородый Чарудатта, а въ сердцѣ его звонко пѣла птичка радости.

СКРИПАЧЪ.

Въ первый разъ я увидалъ его на Soirée musicale у королевы неаполитанской. Я былъ приглашенъ туда съ особымъ вниманіемъ. Я рѣдко игралъ такъ, какъ тогда. Я игралъ хватающую за сердце жалобу прекрасной души, рвущейся къ небу отъ запятнанной кровью земли. Я тогда ничего не видѣлъ кругомъ, но я видѣлъ его, это проклятіе Франціи и міра, этотъ бичъ Божій, этого геніальнаго губителя, исчадіе самого ада. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, одѣтый въ синій мундиръ и бѣлый жилетъ, его толстыя ноги въ лосиныхъ панталонахъ, чулкахъ и башмакахъ были заложены одна на другую, руки скрещены на груди, подбородокъ опущенной головы упирался въ грудь... На мертвенно-блѣдномъ лицѣ ко лбу рѣзко спускалась прядь темныхъ волосъ... Изрѣдка онъ поднималъ на меня глаза, полные мрачнаго огня.

Когда мой дорогой инструментъ зарыдалъ гдѣ-то высоко - высоко, среди лучистыхъ звѣздъ и волнъ эфира, зарыдалъ дрожащимъ плачемъ надорваннаго изболѣвшагося сердца,—онъ закрылъ вдругъ глаза рукою... Я кончилъ... Шепотъ одобренія, комплименты. Императоръ всталъ и, не говоря ни слова, ушелъ въ другую комнату...

Прошло два дня... Я давалъ урокъ молодому барону Тибо де-Буассонъ, когда мнѣ доложили о

прибытіи флигель-адъютанта императора. Меня требовали немедленно въ большой Тріанонъ вмѣстѣ съ моею скрипкой. Я былъ страшно взволнованъ. Итакъ, это чудовище, это страшное сердце почуяло всесмиряющую силу музыки?.. Голосъ міровой души уже затронулъ льды этого скованнаго морозомъ духа? Отецъ Орфей! Св. Цецилія! Помогите скромному служителю гармоніи проникнуть во мракъ души, гдѣ царствуетъ сатана. Я всегда вѣрилъ въ музыку, никогда не была она для меня забавой, но утѣшительницей слабыхъ и учительницей гордыхъ.

Я вошелъ съ бьющимся сердцемъ въ комнату, гдѣ находился императоръ. Онъ сидѣлъ у открытаго окна, изъ котораго была видна длинная аллея буль-де-нежа, а вдали нимфа фонтана. Былъ тихій ранній вечеръ. Онъ былъ одѣтъ въ тотъ же костюмъ; тотъ же мраморный лобъ съ прядью опущенныхъ наискось волосъ, тѣ же мрачные, словно недовѣрчивые глаза, а на губахъ выраженіе желчной раздражительности, руки нетерпѣливо звенѣли брелоками часовъ.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ своимъ сухимъ и какъ-будто досадливымъ голосомъ.

Я молча отвѣсилъ глубокій поклонъ.

— Я прошу васъ играть.

И онъ отвернулся къ саду. Рука, игравшая брелоками, остановилась. Я вынулъ скрипку и тихо сталъ настраивать ее. Императоръ нетерпѣливо оглянулся на меня сердито-вопросительными глазами. Я еще разъ поклонился и провелъ смычкомъ по струнамъ. Онъ сейчасъ же отвернулся къ окну.

Боже мой... какъ я игралъ! Это была прелюдія къ нащему разговору, потому что я рѣшилъ поговорить съ нимъ... Да я рѣшилъ. Да поможетъ мнѣ Богъ! И прежде нужно очаровать лютаго звѣря, размягчить, разслабить, изнѣжить его... Самое розовое, самое сладостное и нѣжное давалъ я ему, самое грустное, полное чистыхъ, какъ роса, слезъ... Лучи заката, безконечно болѣе печальнаго и святого, чѣмъ тотъ, который онъ созерцалъ, пѣснь заходящаго солнца, прозрачную, широкую, задумчивую... Она ширилась и переходила въ горячій религіозный экстазъ, умиленный и восторженный... И, оборвавшись на серединѣ, она глухо зарыдала, моя скрипка зарыдала, трепеща и содрогаясь, какъ горько обиженное дитя на груди матери-природы... какъ женихъ на гробу умершей невѣсты... Я опустилъ скрипку. Онъ смотрѣлъ въ садъ, залитый оранжевымъ страннымъ свѣтомъ. Послѣ минутной паузы я началъ со страшно бьющимся сердцемъ:

— Государь, музыка—душа жизни, міра... Государь, вы видите, вы чувствуете, вы слышите, какъ печальна жизнь, какъ преходяща! Государь, мы всѣ скоропреходящіе цвѣты, государь!.. О! Надо любить другъ-друга, сливаться другъ съ другомъ, какъ звуки сливаются... Вѣдь надъ нами смерть, государь. Любовь, миръ, жалость—это красота, грустная красота, которою позолочена хрупкая жизнь наша, но зачѣмъ вносить сюда вражду, кровь?.. О, славолюбіе!.. О, государь, нельзя не жалѣть людей, вѣдь у нихъ сердца, которыя такъ способны страдать. Горе тому, горе, кто прибавляетъ на чашку страданія въ вѣсахъ жизни... ради кого льются

слезы ненависти и отчаянія, ради кого земля багровѣетъ кровью людской!..

Императоръ смотрѣлъ на меня. Мнѣ казалось, что онъ былъ удивленъ. Но лицо его было въ тѣни, и я видѣлъ лишь его гордую круглую голову на фонѣ окна и умирающаго дня.

— Что за чортъ!—сказалъ, наконецъ, императоръ.—Вы священникъ или масонъ? Неужели вы думаете, что если мнѣ нравится ваше птичье чиликанье, то я позволю вамъ учить меня жить?

— Государь, — отвѣтилъ я, вспыхнувъ и весь дрожа,—моя музыка не чиликанье, она бьетъ изъ самаго моего сердца! Вѣрьте, художникъ потому и художникъ, что онъ болѣе чутко и глубже понимаетъ жизнь: онъ можетъ учить, государь!

— Можетъ быть, мнѣ и надо было бы знать про вашу душу и подражать ей, если бы я хотѣлъ управлять смычкомъ; по несчастью, я управляю мечомъ и скипетромъ, а для этого нужна иная душа. Иное нужно, чтобы васъ любили женщины, иное, чтобы быть сладкоголосымъ папскимъ кастратомъ...

Онъ всталъ.

— Играйте, но не разговаривайте,—добавилъ онъ и, выходя изъ комнаты, сказалъ еще:—Вы можете идти...

ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

— Что за чудная ночь!

Пауза.

— Да!.. — отвѣчаетъ раздумчиво звучный баритонъ.

Я не вижу ихъ. Они наверху, на балконѣ второго этажа, а я стою у моего окна. Неистово свѣтитъ луна. Все искрится, серебрится... листья, прудъ, бѣлая стѣна... Тѣни ровно ложатся на озаренную землю. Легкія облачка вьются изящной бѣлой дымкой на темномъ небѣ. Все тихо и, должно быть, счастливо... должно быть, счастливо.

Ничто не спитъ, но все грезитъ... Въ груди растетъ что-то смутное, щекочущее, страшное и злое... Право, злое...

— Пойте,—говоритъ женскій голосъ.

— Нѣтъ, Нина, не нужно... все такъ красиво... не хочется звуковъ, кромѣ этого шелеста листьевъ...

— Нѣтъ, пойте что-нибудь... хочется вашего голоса... Что-нибудь ласковое.

Пауза.

И бархатный, мягкій баритонъ вдругъ запѣлъ красивую мечтательную итальянскую арію. Словъ я не разбиралъ, но звуки были мягки и глубоки, въ нихъ трепетало счастье, очарованное на минуту, задумавшееся не надолго, но полное огня и сознанія своей божественной силы.

Когда онъ замолчалъ, тишина стала еще красивѣе. Вся природа точно тихонько вздохнула. Должно быть, она прижалась къ нему, потому что она спросила тихо:

— Хорошо вамъ?

— Хорошо ли? Нина, что за счастье жить, какая прелесть жизнь, какое очарованіе!..

— Мнѣ хочется, чтобы вы были счастливы... оченъ, очень счастливы.

Проклятіе, проклятіе, проклятіе. Злое нѣчто, жгучее, колючее нѣчто растетъ въ груди и поднимается къ горлу; какая-то нетерпѣливая судорога пробѣгаетъ по тѣлу и заставляетъ стиснуть зубы. О, крикнуть имъ что-нибудь гадкое, крикнуть: „Молчите! Не мѣшайте мнѣ спать!“ Выругаться. Я прошелся по комнатѣ и опять подошелъ къ окну. А жасмины какъ пахнутъ. А въ пруду что-то тихо плещется среди чуднаго столба серебристыхъ искръ и бликовъ.

— Луна... Какая она милая, скромная, тихая!— говоритъ женскій голосъ.

— Но въ ней есть что-то манящее, волшебное, таинственное,—вторитъ баритонъ.

Луна. Астарта! Старая, блѣдная, злая богиня, дразняшая, ядовитая, солнце покойниковъ! Луна, врагъ мой, пробудительница наболѣвшей мечты, гробокопательница, бередящая мои раны.

Я грозилъ ей кулакомъ. О, ты неумолимая, насмѣшливая дьяволица!

Все открылось снова, всѣ язвы, всѣ глубины! Дымъ, чадъ, удушливый туманъ одурманилъ мой мозгъ, сердце бьется, все существо проситъ счастья... которое невозможно! Одиночество дразнитъ

меня заодно съ луной... прошлое киваетъ мертвой головой... безотрадно стелется голое будущее!.. Тишина, блики, ароматы!.. Боже!.. Сжальтесь!.. Сжальтесь!.. Отчаяніе гнететъ меня, отчаяніе жметъ меня!

— О! Любишь, любишь,—шепчетъ женскій голосъ.

И я слышу поцѣлуи...

И вдругъ все злое во мнѣ поднялось сразу, взбушевалось и вырвалось рыданіемъ. Я упалъ на колѣни, ударился головой о подоконникъ и плакалъ неудержимо, громко. Наконецъ, я овладѣлъ собой.

— Что же это, что же это?—говорилъ тихо женскій голосъ. — Это тотъ странный человѣкъ внизу. Слышите?

— Онъ пересталъ плакать... Должно-быть, онъ глубоко несчастный человѣкъ, если вся эта роскошь вызываетъ въ немъ только отчаяніе.

А я сидѣлъ согнувшись, безучастный.

Со слезами все схлынуло. Мертво внутри, пусто, недвижимо.

Голосовъ больше не слышно. Все такъ же пышно, такъ же торжественно сіяетъ ночь..

Издали доносятся полузаглушенные звуки рояля...

И тамъ... и тамъ счастливые люди.

Звонокъ. Что тамъ еще? Медленно встаю и безучастно иду отворить. Какой-то человѣкъ передаетъ мнѣ свертокъ и говоритъ:

— Вамъ приказали передать.

— Кто?

— Барыня наша.

Что за чертовщина? Развертываю пакетъ: ви-

нограда, персики, жасминъ, розы... и маленькая записка: „Простите, простите, милый. Мы такъ счастливы, а вы такъ несчастны. Простите. Конечно, мы чужіе, но сейчасъ я такъ люблю васъ... Это смѣшно, правда, что я вамъ послала? Ну, смѣйтесь, смѣйтесь!.. Жму вашу руку. Вѣдь вы молодой, что вы такъ грустите? Простите, но только я такъ счастлива".

Совершенно растерявшись, стоялъ я передъ этими фруктами, этими цвѣтами и смотрѣлъ на эти тонкіе листочки, ясно видные при свѣтѣ луны. Смѣяться? Нѣтъ, мнѣ не смѣшно... Я не понимаю, не знаю... Я чувствую что-то... Хорошее? Нѣтъ, не знаю... Вотъ странная ласка... вотъ чудачка-то!

Я задумчиво подошелъ къ окну... „Мы такъ счастливы"... Но вѣдь все хорошее, и этотъ свѣтъ, и этотъ запахъ, и это благоуханіе, и эта ласка молодого счастливаго сердца,—все только дразнитъ меня.

Взять револьверъ и вдругъ... бацъ! Какъ они тамъ перепугаются. Вотъ такъ отвѣтъ на подарокъ... Сумасшедшій, но вѣрный, вѣрный отвѣтъ...

КРЫЛЬЯ.

I.

Весь садъ благоухалъ. Высокіе темные кипарисы красиво сгибались подъ приливомъ теплыхъ волнъ воздуха, а въ рамкѣ кипарисовъ молодо, свѣжо, ароматно и сладко цвѣли миндальныя, фисташковыя и лимонныя деревья.

На мраморныхъ ступеняхъ маленькой бесѣдки въ формѣ ротонды сидѣлъ мастеръ Леонардо, склонившись къ землѣ. Въ рукахъ его была небольшая палочка. У его ногъ былъ начертанъ сложный геометрическій чертежъ, но сейчасъ вниманіе его было привлечено въ другую сторону: онъ слѣдилъ любопытными и серьезными глазами за маленькой букашкой, быстро ползавшей по песку. Мастеръ Леонардо постукивалъ своей палочкой то впереди, то сбоку букашки, то клалъ палку передъ нею, то быстро отнималъ ее. Вдругъ надъ его головою раздался смѣхъ... Мастеръ Леонардо увидѣлъ какую-то острую тѣнь, чернымъ угломъ задергавшуюся на пескѣ, бѣломъ подъ лучами южнаго солнца.

Онъ поднялъ глаза. Передъ нимъ стоялъ небольшой человѣкъ, пожилыхъ лѣтъ, въ поношенномъ платьѣ темно-синяго цвѣта и остроконечной шапкѣ на сѣдѣющей головѣ. Его лицо было жел-

то, крупныя черты играли и двигались, носъ заглядывалъ въ беззубый ротъ, острая сѣдая бородка хотѣла пощекотать носъ, губы и брови какъ-то извивались, а глаза, мутные и странные, смотрѣли, напротивъ, съ пугающей, полумертвой неподвижностью, сквозь собесѣдника въ пространство.

— Хе-хе-хе! Изслѣдуете, изслѣдуете, маэстро?— задребезжалъ маленькій человѣкъ.

— Да... не знаю, точны ли мои наблюденія,— отвѣтилъ Леонардо съ доброй улыбкой на своихъ дѣтскихъ губахъ, красныхъ подъ бѣлокурыми усами,— но мнѣ сдается, что у этого насѣкомаго чувство слуха отсутствуетъ вовсе, чувство же зрѣнія крайне несовершенно... его длинные усы или, вѣрнѣе, щупальцы доставляютъ ему однако многочисленныя представленія объ окружающемъ, видимо, достаточно точныя,—вѣдь иначе, какъ могъ бы жить этотъ родъ въ теченіе времени не меньшаго, думается мнѣ, чѣмъ существованіе нашей породы.

— Пхэ!—фыркнулъ недовольно человѣчекъ. — Къ чему же эти ваши наблюденія?

— Любопытно,—отвѣтилъ мастеръ, сіяя на собесѣдника своими ясными голубыми глазами.

— А, любопытно! О, мастеръ, копающійся въ землѣ, вы очень напоминаете мнѣ любезное вашему сердцу насѣкомое,—вы преданы вашимъ пяти чувствамъ, которыя на дѣлѣ то же, что усы этой букашки; вы все хотите, чтобы они учили васъ... Хи-хи! Давали бы вамъ точныя свѣдѣнія! Что же? Для того, чтобы ползать во прахѣ, ихъ достаточ-

но, пожалуй... Но они никогда не научатъ васъ летать!

Леонардо чуть замѣтно вздрогнулъ. Онъ всталъ, отбросилъ своей изящной рукой густыя пряди волосъ, обнаживъ свой выпуклый, бѣлый лобъ, и промолвилъ!

— Думаю, что ваши сверхъестественныя искания, Пополони, даютъ еще меньшіе результаты.

И онъ пошелъ по дорожкѣ къ выходу сада.

— Думаете,—насмѣшливо скрипѣлъ Пополони, идя за нимъ, и все лицо его шевелилось и складывалось въ тысячу хитрыхъ улыбокъ, между тѣмъ какъ глаза смотрѣли съ неподвижнымъ озлобленіемъ на спину мастера, словно видя сквозь нее что-то отвратительное.—Думаете? Но не буду я Пиппо Пополони, если я не леталъ вчера и не полечу сегодня еще выше.

Леонардо остановился и, смѣясь, оглянулся на чудака.

— Ну, что за вздоръ, синьоръ Пополони!

— Нѣтъ, не вздоръ, а истина: я леталъ вчера,— это такъ же точно, какъ то, что сіяетъ солнце и благоухаютъ миндали... Я леталъ такъ свободно и такъ дѣйствительно, какъ вонъ тѣ ласточки, даже какъ тотъ чуть видимый соколъ, вонъ, во славѣ лучей самого солнца, этого пылающаго діаманта на перстнѣ перста Господня. Вы улыбаетесь... Конечно, вы думаете, что я леталъ во снѣ, но клянусь вамъ св. Іоанномъ и св. Павломъ, которые также были восхищены до седьмого неба, что по крайней мѣрѣ на второмъ небѣ я былъ. Да, да, я не только видѣлъ спящій Миланъ подъ собою, не только созерцалъ широкій кругъ Ломбардіи и об-

лакообразныя вершины Альпъ на сѣверѣ, но, вознесшись выше, я увидалъ уже смутно подъ собою темный узоръ земель, омываемыхъ свѣтящимся моремъ... Можете не вѣрить, но я видѣлъ, какъ земной дискъ, укрѣпленный силой Божіей, покоится въ темнѣющемъ пространствѣ. Межъ тѣмъ хрустальный кругъ луны приближался. Черезъ одно изъ его отверстій я пролетѣлъ на второе небо, и матовая луна, какъ огромное блюдо изъ опала, была подо мною. На обратной его сторонѣ виденъ другой рисунокъ,—не тотъ, который суждено наблюдать вамъ, безкрылымъ, не страшная картина Каина, созерцающаго распростертаго брата,—тамъ ясными красками начертано перстомъ Божіимъ изображеніе агнца и семи чиновъ ангельскихъ, поющихъ ему „Аллилуйя!“ На второмъ небѣ носится много духовъ. Видомъ они напоминаютъ большихъ ночныхъ мотыльковъ и также носятъ на мохнатыхъ спинахъ изображеніе головы Адама, на груди же изображеніе терноваго вѣнца и святой чаши, лица у нихъ похожи на лица красивыхъ дѣвушекъ изъ Голландіи: это не ангелы, это просто духи эфирныхъ пространствъ; ими правитъ архангелъ, господинъ луны.

Старикъ говорилъ возбужденно, махая правой рукой, глаза его устремились впередъ, и въ нихъ горѣли двѣ искры. Лѣвая рука сжалась конвульсивно въ кулакъ. Онъ взглянулъ на мастера и крикнулъ:

— Смѣетесь, улыбаетесь, мастеръ! Смѣйтесь!

— Какъ же это вы взгромоздились,—спросилъ Леонардо,—такъ высоко?

— У меня были крылья,—большія рыжія крылья, похожія на крылья совъ. Сегодня получу серебряныя, какъ у лебедя, и вознесусь на третье или четвертое небо... И для этого стоитъ лишь шестьдесятъ разъ прочесть молитву, сочиненную однимъ шотландскимъ аббатомъ, къ сожалѣнію, на отвратительной латыни, и выпить глотокъ вотъ этого.

Старикъ дрожащею рукою показалъ мастеру пузырекъ съ темной влагой.

— Это фантасмогенъ,—сказалъ онъ.

Леонардо какъ-то грустно смотрѣлъ на крылатаго человѣка и, наконецъ, сказалъ ему:

— Я прошу васъ заглянуть въ мою мастерскую.

— Что я могу увидѣть тамъ?—вскричалъ Пополони.—Что можете вы показать мнѣ? Раскрашенное полотно? Куклы изъ гипса? Желѣзные винты и колеса?

— Я покажу вамъ крылья.

— Крылья?

Пипо Пополони громко захохоталъ, махнулъ рукою и быстро удалился.

II.

Наступилъ вечеръ того же дня. На днѣ узкой улицы было уже темно, дома, обращенные на востокъ, были коричнево-сѣрыми, а тѣ, что стояли напротивъ,—внизу темные, — синѣли съ каждымъ этажомъ, а ихъ черепичныя кровли казались выкрашенными въ кровь и кое-гдѣ сіяло на солнцѣ стекло.

Мастеръ Леонардо въ черномъ плащѣ и беретѣ шелъ по этой улицѣ, задумчиво склонивъ голову. Его длинная золотистая борода красивымъ матовымъ пятномъ рисовалась на бархатѣ его плаща. Рѣдкіе прохожіе снимали шапки: одни—просто передъ очевидно зажиточнымъ синьоромъ, другіе—узнавая придворнаго мастера.

Около одного грязнаго и высокаго дома, стиснутаго двумя другими съ боковъ, Леонардо остановился. Онъ вошелъ въ черную дыру его двери и крикнулъ:

— Слышитъ меня кто-нибудь?

Отвѣта не было, но гдѣ-то раздался глухой кашель.

— Вѣдь это домъ Лодовико Рокко? — громко спросилъ художникъ.

— Это его домъ,—отвѣчалъ сиплый мужской голосъ, и изъ темноты, изъ-подъ лѣстницы вышла старуха со сгорбленной широкой спиной и раздвинутыми локтями, очень похожая на большого сѣраго паука. Изъ-подъ чепца она взглянула злыми глазами на пришельца.

— Здѣсь живетъ сицилійскій лѣкарь синьоръ Пиппо Пополони?

— Лѣкарь? Клянусь св. Лукой, патрономъ живописцевъ, какъ вы, а также и лѣкарей, какъ синьоръ Пополони, онъ врядъ ли лѣчилъ хоть одного человѣка въ Миланѣ во всѣ эти шесть лѣтъ... И пусть Мадонна откажетъ мнѣ въ своемъ заступничествѣ, если я когда-нибудь проглочу хоть одну его микстуру, хотя бы моя поясница болѣла въ десять разъ больше... Лѣкарь! Онъ больше по-

хожъ на колдуна, сказала бы я, если бы не боялась произносить такое проклятое слово.

— Ну, ну, почтенная матрона! Вы, навѣрное, не такъ много смыслите въ наукѣ, чтобы судить о врачебномъ искусствѣ синьора Пополони, — сказалъ мастеръ, добродушно смѣясь.

— Нѣтъ, слава пресвятой Троицѣ и всѣмъ святымъ, я мало смыслю въ наукѣ, которая вся недалека отъ чернокнижія... Я мало смыслю въ ней, съ вашего позволенія, многомудрый синьоръ да-Винчи.

И старуха сердито повернула къ художнику свою широкую сѣрую поясницу.

— Но мнѣ все-же нужно видѣть синьора Пиппо.

— Это легко сдѣлать, если онъ отворитъ вамъ дверь. Онъ живетъ черезъ двѣ лѣстницы направо.

Старуха скрылась въ темнотѣ, бормоча:

— Собратъ пришелъ къ собрату.

Леонардо вышелъ назадъ на улицу и въ сумеркахъ набросалъ спину, чепецъ и толстыя растопыренныя руки старухи въ своемъ альбомѣ. Потомъ, улыбаясь подъ усами своими дѣтскими губами, онъ пошелъ по каменной лѣстницѣ и очутился около указанныхъ дверей. Онъ попробовалъ ихъ. Дверь была не заперта, и онъ вошелъ въ комнату. На столѣ, заставленномъ пузырьками и всякой грязной посудой, горѣлъ тусклый фонарь. На полкахъ и у стѣнъ стояли свитки, почтенные фоліанты... всюду много пыли и грязи. Окно было открыто настежъ. Въ него виднѣлся сумракъ вечера, сѣро-коричневый, мрачный фасадъ противо-

положнаго дома и полоса неба. Углы комнаты тонули въ тѣни.

— Синьоръ Пополони! — мягко позвалъ Леонардо.

Отвѣта не было. Художникъ прислушался. Въ одномъ углу онъ услыхалъ прерывистое дыханіе спящаго.

— Ба!—сказалъ онъ и, взявши фонарь, пошелъ по направленію къ звуку.

Кругъ свѣта, колеблясь, дошелъ до угла и вскарабкался на сѣрую стѣну. У ея подножія на кучѣ рухляди, покрытой кое-какъ старымъ ковромъ, лежалъ человѣкъ. Его ноги и голова свѣшивались почти до полу. На судорожно вздрагивавшей груди лежали его скрюченныя руки. Леонардо освѣтилъ лицо: жилы на лбу напружились, все лицо, запрокинутое, было странно и почти страшно, мертвые глаза стеклянисто свѣтились при свѣтѣ фонаря, изо рта по щекѣ, испещренной сѣтью посинѣвшихъ жилъ, текла липкая пѣна.

— Летаетъ,—сказалъ тихо Леонардо.—На которомъ-то небѣ этотъ несчастный?

Онъ присѣлъ на стопу фоліантовъ, наскоро набросалъ два эскиза въ альбомѣ,—эскизы, на которыхъ мѣтко схвачены были и мертвенность лица, похожаго на лицо удавленника, и судорожная поза, и что-то жалкое во всемъ тѣлѣ, брошенномъ кое-какъ въ уголъ на кучу рухляди, покрытой старенькимъ ковромъ. На одномъ изъ эскизовъ мастеръ написалъ: „Такъ вы летаете мастеръ Пополони. Но, можетъ быть, вы летаете духомъ? О, вѣрьте мнѣ, что вашъ фантасмогенъ будетъ разжигать вашъ мозгъ, лишь пока дышитъ грудь и

освѣжаетъ воздухомъ кровь, питающую голову, но когда ваши мнимые полеты, эти припадки искусственной болѣзни, испортятъ дивный механизмъ тѣла,—грудь замретъ, кровь сгустится, мозгъ окоченѣетъ и ночь поглотитъ тебя, бѣдный братъ. Ты ищешь побольше жизни, а найдешь скорую смерть. Но что изъ того? Ты счастливъ теперь, ты видишь третье и четвертое небо. Но хотя бы ты поднялся до седьмого, ты не вылетишь изъ круга собственныхъ грезъ: то, что ты видишь,—только смѣсь обрывковъ, читанныхъ въ твоихъ чудовищныхъ фоліантахъ, и сказокъ твоего бѣднаго воображенія. Но умъ въ сіяющемъ полетѣ воистину открываетъ новыя небеса и земли. Я хочу иныхъ крыльевъ. Умъ человѣка—шестикрылый серафимъ, мощно парящій на пяти чувствахъ и силѣ памяти, и я знаю, что и мое бренное тѣло когда-то завоюетъ себѣ воздухъ, потому что умъ подаритъ ему плотскія крылья и крылатые корабли".

Леонардо вырвалъ этотъ листокъ, нѣжно и заботливо уложилъ, Пополони поудобнѣе, всунулъ ему въ скрюченные пальцы его портретъ съ подписью и вышелъ.

Было темно. Прямо въ щель улицы свѣтилъ молодой мѣсяцъ. Леонардо расправилъ члены и, поднявши руки, воскликнулъ:

— Мы полетимъ когда нибудь на дѣлѣ!..

III.

— Наглый глупецъ,—ворчалъ Пополони.—Наглый глупецъ!..

Онъ шелъ по аллеѣ платановъ на земляномъ валу, направляясь отъ города Campo Larso. Утро ужъ брезжило. Свѣжій вѣтеръ дулъ ему въ лицо съ большихъ каналовъ.

— Но какъ мнѣ скверно! Какъ болитъ голова!.. Неужели онъ правъ? Неужели это явленіе мозга? Никогда. Тогда и вся вселенная... тоже явленіе мозга? Какъ болитъ голова!

Вдругъ Пополони услыхалъ голоса.

— Видишь, опять согнулась эта ось, — говорилъ одинъ голосъ;—всѣ оси недостаточно прочны, но если ихъ сдѣлать неполыми, какъ ты совѣтуешь, мы мало выиграемъ въ прочности, но много проиграемъ въ вѣсѣ. Въ этомъ вѣдь вся задача.

Пополони остановился.

— Ужъ не онъ ли, не глупецъ ли?

— Синьоръ Леонардо,—отвѣчаетъ другой голосъ,—вѣтеръ крѣпчаетъ, и въ этотъ разъ можно взлетѣть довольно высоко. Позвольте мнѣ.

— Нѣтъ, я попробую самъ.

Пополони раздвинулъ вѣтки кустовъ, росшихъ по сторонамъ аллеи, и увидѣлъ на откосѣ вала огромную, чудовищную птицу, длинныя острыя крылья которой смутно бѣлѣли при загоравшейся зарѣ. Эти крылья вдругъ дрогнули, раза два медленно развернулись и поднялись, какъ крылья бабочки, сидящей на вѣткѣ. Потомъ они задвигались чаще, и длиннокрылая птица красиво и плавно

поднялась навстрѣчу утреннему вѣтру, все выше и выше... Пополони окаменѣлъ, глядя вверхъ, раскрывъ ротъ.

— Брависсимо, мастеръ!—кричалъ вслѣдъ птицѣ человѣкъ, стоявшій на откосѣ вала.

Птица стала медленно опускаться и сѣла на землю въ двухъ-трехстахъ шагахъ. Человѣкъ, представлявшійся Пополони дымчатымъ силуэтомъ, сбѣжалъ съ откоса, послышались радостные голоса, и крылья, странно качнувшись и сложившись, приникли къ землѣ и поволочились вверхъ по откосу прямо къ Пополони. И мимо ошеломленнаго Пиппо, возбужденные и веселые, прошли, волоча крылатый механизмъ, мастеръ Леонардо съ ученикомъ. Это былъ онъ... Безкрылый глупецъ.

Пиппо желчно сжалъ губы, его бородка дернулась къ носу, носъ опустился къ бородкѣ, и онъ побрелъ назадъ къ городу, стараясь не думать, потому что отъ мыслей болѣла его отравленная голова.

АРФА.

Я долго принадлежала старому кантору въ маленькой деревушкѣ. Гдѣ и какъ я родилась, не помню. Инструменты одухотворяются сознаніемъ лишь позднѣе. Душа ихъ пробуждается лишь душою людей, соприкасаясь съ ней въ царствѣ звуковъ.

Тамъ, въ маленькой деревнѣ, въ комнатѣ старичка я влачила свое существованіе.

Но, впрочемъ, мнѣ не казалось оно плачевнымъ. Я любила моего виртуоза. Онъ первый пробудилъ во мнѣ прекрасные звуки. Я рада была звенѣть и рокотать, аккомпанируя хору свѣжихъ дѣтскихъ голосовъ. «Лучше ничего нѣтъ,—думала я,— вотъ она музыка, вотъ она любовь». Странно было лишь то, что до иныхъ струнъ канторъ не прикасался никогда.

Половина струнъ звучала постоянно, ясно, сознательно, разнообразно, другія звучали и дрожали лишь изрѣдка, я сознавала ихъ смутно, онѣ казались мнѣ бѣдными, блѣдными... А нѣкоторыя струны молчали. Но я знала, что онѣ есть у меня...

Какъ-то я стояла у окна. Оно было раскрыто: луна сіяла на небѣ, блестѣли серебристые тополя переливчато, ихъ гладилъ вѣтерокъ и благословляло голубое сіяніе. И вотъ вѣтеръ пахнулъ въ окно и тронулъ дыханіемъ мои струны. И всѣ онѣ

издали слабый стонъ. И тѣ застонали, которыя всегда молчали. И тутъ я затосковала на минуту. Ахъ, какъ я затосковала! Всѣ струны, которыя молчали, шепнули: „Еще“. Но вѣтеръ не трогалъ ихъ больше. А имъ хотѣлось пѣть. Понимали ли вещи вокругъ меня, понимали ли люди, что я умоляю позволить мнѣ пѣть, что я жажду звучать, потому что я живу, наслаждаюсь, люблю. О, зазвучать всѣми струнами! Но, должно быть, онѣ не красивы, не нужны людямъ. Лишь нѣкоторыя имъ нужны, другія онѣ трогаютъ рѣдко,—онѣ немощны и жалки,—а многихъ, многихъ струнъ онѣ чуждаются, избѣгаютъ. Отчего у меня не меньше струнъ?.. Когда канторъ подходилъ ко мнѣ, я была въ восторгѣ, я охотно отдавалась ему и пѣла, и мечтала: вотъ онъ коснется и ихъ, тѣхъ отвергнутыхъ, непроснувшихся струнъ. Нѣтъ, онъ всегда миновалъ ихъ, упорно играя все тѣ же мелодіи. Конечно, это жемчужины красоты, вѣнецъ музыки эти мелодіи. Какъ я благодарна моему виртуозу!

Какъ-то разъ я стояла одна, погруженная въ мой полусонъ полуодушевленнаго тѣла. Вдругъ голоса. Одинъ сочный, громкій. Входитъ мой канторъ въ своемъ пожелтѣвшемъ сюртучкѣ, широкихъ брюкахъ, съ лысой головой и слезящимися глазами, а за нимъ высокій старецъ во славѣ серебристыхъ кудрей, съ блестящими черными глазами. Власть въ его губахъ, въ его жестахъ. Онъ громко говорилъ:

— Такъ ты попалъ въ канторы, старина? Учишь пѣть котятъ и щенковъ? На чемъ же ты аккомпанируешь?

— Вотъ она, — сказалъ весело мой владѣлецъ, указывая на меня пальцемъ.

— На арфѣ?—спросилъ чудный незнакомецъ и положилъ на меня свою нервную руку. — Благородный инструментъ, если кто умѣетъ играть.

— Она разстроена. Вѣдь я играю на ней все то же да то же.

— А слышалъ ты, старина, мою музыку на плачъ дѣтей Израиля?.. Нѣтъ? Ну, слушай же.

И онъ взялъ меня, обнялъ своими горячими руками. Онъ немного подтянулъ иныя струны, трепетавшія подъ его пальцами. И вдругъ, Боже! Я ли, я ли это? Какіе вздохи ангеловъ наполнили комнатку, что за золото, что за молитвы, что за чистыя слезы! Какія рыданія полились изъ-подъ дорогихъ пальцевъ, которыя я цѣловала, какія глубины открылись!

И звуки, росли, гремѣли... Теперь месть, месть звучала: я вся дрожала отъ неиспытаннаго еще гнѣва, я призывала проклятія: „Блаженъ, кто разобьетъ о камень твоихъ младенцевъ“. Молчалъ старый канторъ, молчала толпа подъ окномъ, бурно вздымалась грудь вдохновеннаго маэстро, а я еще звучала счастьемъ новой жизни. Такъ вотъ она музыка, вотъ она жизнь! Такъ вотъ тѣ струны, которыя я сама стала презирать, которыя словно умирали во мракѣ молчанія.

И сколько счастья открылъ онъ мнѣ! Онъ игралъ на мнѣ „Пѣсню пѣсней“, и я плакала отъ страсти, звенѣла жгучимъ зноемъ, трепетала, шептала замирая... Міръ открылъ онъ мнѣ во мнѣ самой... О, жизнь! Ты прекрасна, неизмѣрима. О, повелитель мой, царь, волшебникъ, богъ мой! И онъ гово-

рилъ: „Откуда у тебя такой инструментъ? Я тебѣ подарю прекрасную фисгармонію, а ты уступи мнѣ свою красавицу. Что за форма, что за голосъ! Рѣдкая арфа!“

И онъ взялъ меня.

ФИЛОСОФЪ, КОТОРЫЙ СМѢЕТСЯ.

Мы сидѣли на ступеняхъ храма Посейдона.

Весь рынокъ, обрамленный колоннадами храмовъ и гимназій, былъ передъ нами со всѣмъ своимъ немолчнымъ, многоязычнымъ, хлопотливымъ шумомъ. Тысячи моряковъ и рабовъ разгружали барки и тріеры. Кое-гдѣ кучками собрались купцы въ палліумахъ и восточныхъ одеждахъ. Страстно жестикулируя, разговаривали между собой финикіяне и сирійцы. Изрѣдка виднѣлся важный египтянинъ съ голымъ черепомъ, а вокругъ этруски, греки и другіе.

Намъ видны были также зеленыя рощи справа и слѣва отъ города, холмы, покрытые кустарниками, и высокіе кипарисы, а впереди позолоченное солнцемъ, кипящее серебряной пѣной веселое море... Блестя парусами уходила вдаль стройная тіера, и сквозь гулъ рынковъ прорывалась иногда далекая пѣсня гребцовъ.

Онъ стоялъ, прислонившись къ высокой, женственно-красивой бѣлой колоннѣ, а я любовался имъ.

Статная величественная фигура въ широкихъ, вольныхъ складкахъ бѣлаго гиматія съ чуднымъ лицомъ, могучимъ лбомъ, на которомъ не было ни облачка, ни морщинки, съ бровями высоко приподнятыми и ясными, лучистыми глазами, опу-

шенными длинными, нѣжными рѣсницами. Подбородокъ былъ рѣзокъ и полонъ воли, но на мягкихъ губахъ покоилась олимпійская усмѣшка.

— Познающій — выше страданій, — говорилъ онъ, глядя въ морской просторъ, и легкій вѣтеръ игралъ его русыми волосами.—Познай, что міръ есть разнообразіе. Разнообразіе, это—душа міра. Въ потокѣ атомовъ и въ хаосѣ ихъ столкновеній рождаются измѣнчивые узоры міровъ, безконечно играющихъ между собою... Непредвидимое сочетаніе мельчайшихъ частицъ вѣчно вновь рождаетъ чудесное. И ничто не стойко. Неизмѣримо въ нашихъ глазахъ время существованія этого космоса, который мы сейчасъ познаемъ,—на самомъ же дѣлѣ онъ измѣнчивъ и несется въ пространствѣ со страшной быстротой въ невѣдомое... Да, на самомъ дѣлѣ онъ есть мгновенное сцѣпленіе вѣчныхъ частицъ и великъ лишь по сравненію съ нашей жизнью. И тѣмъ не менѣе у насъ есть возможность познавать вѣчные законы буйной игры Всебытія. Если ты знаешь, что сущность міра есть всегда новое сочетаніе всегда той же матеріи, то ты поймешь, какъ забавна и занимательна жизнь, и весело примешь участіе въ общей игрѣ.

Онъ перевелъ на насъ свои ласковые глаза.

— Міръ какъ бы стремится удовлетворить своей собственной ненасытной любознательности... Надо, чтобы было интересно. Понимаете ли вы меня? Горе и радость преходящи: наблюдайте съ улыбкой на устахъ и угадывайте въ причудахъ жизни ея вѣчные законы, ибо это значитъ открывать передъ собою все новые горизонты. Я срывалъ завѣсу за

завѣсой, и вотъ бытіе не имѣетъ дна нигдѣ, и даже мельчайшая вещь—бездонна. Странствовать изъ страны въ страну, до истоковъ Нила такъ же любопытно, какъ углубиться въ строеніе гранатоваго зерна. Я лично полагаю, что легче дойти до истоковъ Нила, чѣмъ исчерпать зерно, ибо міръ весь во всякой своей части. Понимаете ли вы меня? Мы окружены океаномъ сладостнѣйшаго нектара познанія. Пей, пей полными глотками! Ты напьешься до радости и восторга, а океанъ все будетъ гостепріимно рокотать: „Пей меня, пей!“ Что же касается до радости и горя, то они преходящи. Смѣшнѣе всего, что люди слишкомъ серьезны. Что сказали бы вы о пузырѣ, поднявшемся со дна илистаго пруда и который заботился бы о своемъ завѣщаніи? Но поистинѣ всѣ мы сонъ,—поэтому надо радоваться и не изсушать веселый, жадный къ познанію умъ заботами. Но и глупость, конечно, служитъ къ разнообразію временъ и сама подлежитъ изслѣдованію познающаго.

Въ это время мимо насъ прошла толпа людей. Ростовщикъ Гиппонаксъ и его слуги вмѣстѣ со слугами архонта вели купца Анастасія и его жену, чтобы продать ихъ какъ рабовъ за неуплату долга.

Когда Анастасій увидѣлъ Демокрита, онъ остановился и закричалъ: „Гиппонаксъ, сегодня, быть можетъ, меня увезутъ въ страны варваровъ,—дай мнѣ сказать слово этому мужу!“

Тогда ведущіе по знаку заплывшаго желтымъ жиромъ Гиппонакса остановились.

Рванувшись всѣмъ тѣломъ къ мудрецу, съ рас-

трепанными волосами, падавшими на горящіе какъ у волка глаза, съ раздувшейся шеей,—Анастасій закричалъ искривленными губами:

— Ты, который смѣешься, ты всѣхъ сдѣлалъ безжалостными! Ты не знаешь, что такое горе, и всѣмъ окружающимъ закрываешь на него глаза. Да пошлютъ тебѣ боги разореніе, болѣзнь и рабство, какъ мнѣ несчастному! Пусть ты, обливаясь потомъ и слезами, ворочаешь тяжкимъ весломъ въ трюмѣ корабля, и пусть почаще свиститъ надъ тобой бичъ надсмотрщика. Пусть и ты увидишь, о, Демокритъ, какъ твоихъ близкихъ отнимутъ у тебя... на-вѣки.

Онъ зарыдалъ.

— Пусть ты увидишь, какъ рухнетъ все, чѣмъ ты дорожилъ, и все милое тебѣ чужіе расхитятъ на поруганіе... Но впрочемъ развѣ тебѣ мило что-нибудь и развѣ ты кого-нибудь любишь?

Своими сіяющими глазами смотрѣлъ на бѣшенаго мудреца, и улыбка трепетала вокругъ его изящныхъ устъ.

— Анастасій, страданія и страсти туманятъ взоръ и умъ,—сказалъ онъ,—ты правъ,—быть можетъ, несчастье сдѣлало бы и меня глупцомъ, и чтобы ядовитая стрѣла страданія труднѣе могла проникнуть въ мое сердце, я люблю всѣхъ равно... Другъ,—обратился онъ къ Гиппонаксу,—сколько долженъ тебѣ человѣкъ?

— Три таланта серебра.

— Мое имѣніе стоитъ меньше, но все-же больше, чѣмъ ты выручишь отъ продажи этой семьи. Возьми то, чѣмъ я владѣю, и пусть человѣкъ этотъ будетъ свободенъ.

Тутъ Анастасій бросился на колѣни, и радость освѣтила его измученное лицо, а мы, ученики Философа, стали прославлять его.

Демокритъ разсмѣялся.

— О, граждане Абдериты! Имущество мое невелико, разъ я отдалъ его и ужъ не могу дать вторично, но вы прославляете меня. Мудрость же неисчерпаема и можетъ утолить миріады страдальцевъ. Я даю ее всѣмъ, и рука моя не оскудѣваетъ, но никто еще не благодарилъ меня за это столь горячо. Вотъ, теперь и я благодѣтель, граждане Абдериты, теперь и я утѣшитель!..

И съ громкимъ смѣхомъ мудрецъ пошелъ къ морю. Мы же не рѣшились слѣдовать за нимъ.

СТАТУЭТКА.

— Но вѣдь это у васъ рѣдкая вещица,—говорилъ я, разсматривая со всѣхъ сторонъ тонкую фарфоровую статуэтку.

Что за прелесть! Что за нѣжное миловидное личико! Что за смѣющіяся губки и какъ граціозно прижатъ къ нимъ пальчикъ, словно съ просьбой не открывать нашей общей тайны маленькому желтому старику, который стоитъ около меня.

Комната маленькая, темная, заваленная хламомъ. Онъ—столяръ, обойщикъ и занимается починкой и продажей старой мебели.

— Откуда это у васъ?

— Богъ далъ, сударь, отвѣчаетъ желтый старичокъ, кривя ротъ.

— Чудесная вещь! Художественная вещь!.. Продайте ее мнѣ.

— Какъ можно, сударъ?

— Почему же? Я дамъ хорошія деньги.

— Что же, сударь, или вы такъ о насъ полагаете, что мы ужъ и любить не можемъ хорошихъ вещей? Вотъ вы—знатокъ, надо думать, а удивились вещицѣ,—стало быть, вещица она хорошая. У васъ даже, сударь, глаза блестятъ. Я и раньше продавать ее не собирался, а теперь и подавно.

— Чудакъ, на что вамъ она?

— А вамъ, сударь, на что?

— Но я собираю красивыя вещи.

— И много насбирали?

— Немало.

— Ну, а у меня одна всего-то и есть... Зачѣмъ же продавать?

— Да она у васъ въ вашей конурѣ и виду не имѣетъ!

— Имѣетъ, коли вы разглядѣли.

— Наконецъ, я вамъ дамъ за нее пятьдесятъ рублей.

— И за пятьсотъ не продамъ!.. Моя!

— Чудакъ вы! Я вѣдь любитель, цѣнитель, я живу красотою, я только и дѣлаю, что любуюсь на все изящное. И у меня она будетъ стоять въ свѣтломъ залѣ на пьедесталѣ изъ мрамора, на виду, и ею будутъ наслаждаться художники и прекрасныя дамы.

— Моя-съ!

— Берите скорѣе сто рублей, и по рукамъ.

— Это очень обидно, сударь. Сказано мною, не продамъ. Я въ своемъ словѣ твердъ.

— Но это сумасшествіе. Вѣдь это все равно, какъ если бы вы купили ее для себя за сто рублей. Такія вещи вамъ совершенно не по средствамъ. Вѣдь поймите,—это же для васъ совершенно безумная роскошь.

— А я вамъ скажу, сударь, что и вы не настолько богаты, чтобы унести отсюда эту бездѣлку. Не продамъ! За золотыя горы не продамъ! Попалась мнѣ вещица нѣжная, рѣдкостная, однаединая... Вотъ... И завидуйте мнѣ, знатоки. Умирать буду—въ куски расшибу.

— Старый сумасбродъ!—крикнулъ я и вышелъ изъ темной и вонючей лавочки.

Но однако же нельзя, нельзя оставлять это чудное произведеніе здѣсь, въ грязи и мракѣ, гдѣ оно ежеминутно можетъ погибнуть. Я ничего не видѣлъ аристократичнѣе, благороднѣе этой безконечно-милой, невыразимо-симпатичной улыбающейся фарфоровой шалуньи. Вѣдь это очаровательная мечта какого-нибудь горячаго сердца, вѣдь это любовь какой-нибудь художественной души! Развѣ не видно, что въ каждую черту ея вложено любованіе, нѣжность, умиленіе, что восторгомъ порождена ея обаятельная грація?

Проклятіе! Упрямый старикъ просто сумасшедшій. Изъ благоговѣнія къ памяти неизвѣстнаго мастера нужно выручить этотъ фарфоровый сонъ изъ міра пыли, лохмотьевъ, дыма, водки и клея.

Я вернулся...

— Хозяинъ,—сказалъ я входя,—назначайте цѣну. Я не хочу торговаться. Мнѣ помнится, вы сказали: пятьсотъ. Я откровенно скажу вамъ: мнѣ очень трудно заплатить столько, но берите пятьсотъ...

— Убирайтесь!—заоралъ вдругъ злобно желтый старикашка.—Моя!—и онъ такъ махнулъ молоткомъ въ обнаженной, худой и жилистой рукѣ, что я попятился.

Но видѣніе меня преслѣдуетъ. Я просто влюбленъ въ эту околдовывающую куколку, въ завитки ея волосъ, въ ея веселые глазки, розовый ротъ, въ это хитрое, невинное, умненькое личико.

„Хорошо,—подумалъ я,—ты не хочешь продать? Я украду у тебя ее. Надо пойти подъ какимъ-нибудь предлогомъ, чтобы высмотрѣть мѣсто“.

И я пошелъ къ старику. Онъ копался у порога лавочки, гдѣ свѣтлѣе, трудясь надъ диваномъ, опрокинутымъ брюхомъ вверхъ; три ножки нелѣпо торчали въ воздухѣ; брюхо было во многихъ мѣстахъ распорото, и виднѣлась соломенная требуха и желѣзныя внутренности этого безсмысленнаго существа. Возлѣ, на солнышкѣ, сидѣлъ большой сѣрый котъ, важный и аккуратный, со сладко прищуренными глазами. Старикъ напѣвалъ какую-то пѣсню. Котъ мурлыкалъ другую.

— Здравствуйте,—сказалъ я.

— А, здравствуйте, сударь! Вы что же? За куклой? Она уже тю-тю!

— Тю-тю?—повторилъ я машинально.

— Вотъ мой Василій Васильевичъ постарался,—сказалъ столяръ, указывая на кота клещами.—Опрокинулъ ее и... вдрызгъ, сударь, въ порошокъ, можно сказать...

Я дрожалъ отъ негодованія. Старикъ завозился надъ животомъ дивана. Котъ самодовольно зѣвнулъ и свернулся клубкомъ, нѣжась на солнцѣ.

— Негодяй!—крикнулъ я, наконецъ.—Негодяй, что-жъ ты надѣлалъ!

Старикъ изумленно посмотрѣлъ на меня.

— Какое существо погубили! Убить васъ мало за это, вмѣстѣ съ котомъ вашимъ.

— Да вы не безпокойтесь очень-то, сударь.

— Вѣдь я любилъ ее, любилъ ее, мерзавецъ!

Еще минута, и я хватилъ бы его по башкѣ какимъ-нибудь инструментомъ.

— Гдѣ осколки?

— Въ мусорную яму кинулъ: дребезги однѣ... не склеишь.

Лицо его было серьезно.

— Вы сами того не стоите, что эта жемчужина...

— Все можетъ быть, сударь...

ЭЛЕМЕНТЫ ДУШИ.

Вотъ что слышалъ я въ одинъ тихій вечеръ, безмолвно стоя надъ мягкимъ болотомъ.

Въ ясномъ вечернемъ небѣ красиво сверкала лучистая звѣзда. Съ ея лучами тихо слетѣло на землю граціозное существо, нѣжно-голубое, эфирное, трепетное. Оно повисло на вѣтвяхъ раскидистаго дуба.

Галопомъ примчался усталый олень и едва не упалъ у подножія дуба. Бока его тяжело раздувались, пѣна текла по изящной мордѣ, въ глазахъ его горѣлъ ужасъ.

За рога откинутой назадъ головы ухватилась наѣздница, сіяющая въ своей наготѣ, съ вихремъ рыжихъ волосъ вокругъ ужаснаго лица. Что за пара глазъ горячихъ и торжествующихъ, что за горделивое дыханіе и какая божественно-жестокая усмѣшка пурпуровыхъ устъ!

А изъ вспѣнившагося и забулькавшаго болота поднялся до пояса зеленый полубогъ со спокойными какъ омутъ глазами. Полубогъ покосился на дикую наѣздницу и сказалъ съ лѣнивой усмѣшкой дочери звѣзды:

— Эка непосѣда! Все-то она суетится! Достойно ли это божественности нашего существа? Божественность заключается въ безмятежномъ покоѣ... Я всегда спокоенъ. Лежу и дремлю...

Иногда потянусь и зѣвну такъ сладко... Шуршатъ мои камыши, тихая жизнь зарождается, снуетъ въ моихъ водахъ... Всюду жизнь, но молчаливая. Приходили люди, — хлопъ-хлопъ!—напустили огня, дыму и вони, закрасили мою воду кровью моихъ утокъ... О, звѣри!.. А у меня на днѣ мягко, зелено, тепло и уютно. Удивляюсь, какой у меня запасъ усталости: отдыхаю, отдыхаю, — и вѣчно отдыхъ мнѣ сладокъ, а я никогда и не работалъ, никогда и не суетился.

— Вотъ видишь,—сказала съ хохотомъ наѣздница,—а я никогда не отдыхала, и однако все мое тѣло проситъ движенія, пляски, скачки, изступленія, страсти!

И она вдругъ крикнула страшно и звонко съ такимъ призывомъ и такой ярой удалью, что эхо дрогнуло, откликаясь многократно, хищные звѣри подали голосъ, жвачные затрепетали...

— Охъ,—поморщился сынъ болотъ, — что ты кричишь? Какой у тебя во всемъ дурной вкусъ... Нѣтъ, что хорошо въ жизни, такъ это сонъ. Не полное забвеніе, а несокрушимый покой,—и онъ сладко, сладко потянулся.—Каждый вечеръ,—продолжалъ онъ,—я вижу надъ собою звѣзды. Я люблю ихъ. Онѣ горятъ въ тихомъ небѣ и въ моемъ болотѣ. Я сержусь на бекасовъ и лягушекъ, если они мутятъ болотное отраженіе моихъ небесныхъ красавицъ. Вѣдь это подаренныя мнѣ изъ симпатіи портреты ихъ. У насъ много родственнаго. Мы—боги, мы — спокойны. Не правда ли, посланница звѣзды?

— Я не знаю,—прошептала та, — я родилась отъ звѣзднаго луча и чистаго воздуха, я земная.

Какъ отраженіе звѣздъ въ твоемъ болотѣ. Я не знаю...

— Ммъ... Такъ ты не съ неба?

— Но неба нѣтъ...

— Та-та-та! Такъ и ты не знаешь ничего про нравы звѣздъ? Однако несомнѣнно одно: онѣ тихи, какъ и я.

— Кто знаетъ? Быть-можетъ, это необъятные міры изъ кипящаго, взрывающаго, воющаго огня, можетъ-быть, самый страшный земной хаосъ—тишина и миръ передъ бѣшенствомъ звѣздъ. Я не знаю... Лучъ, отецъ мой, родился, быть-можетъ, среди чудовищныхъ вихрей, пламеннаго смятенія, но онъ мчался долго-долго холодной пустыней и все забылъ. Я родилась отъ него и легкаго пара земли: я ничего не знаю.

— Сомнѣваюсь, чтобы звѣзды безумствовали. Продолжаю считать ихъ за милыя, скромныя, лучистыя существа, которыхъ обладаю очень похожими портретами... Можетъ-быть, я ограниченъ. Но ограниченность—великая сила и большое достоинство. Слишкомъ пытливый умъ—явленіе болѣзненное, какъ и такая непосидливость, какъ у этой дикарки.

Женщина на оленѣ захохотала.

— А!—крикнула она.—Какъ я хочу кого-нибудь мучить! Сжать кого-нибудь въ объятьяхъ такъ, чтобы кости захрустѣли, поцѣловать такъ, чтобы выпить изъ него душу. Не знаю, куда дѣть себя. О, куда мнѣ дѣть себя!.. Хочу умчаться, хочу кинуться въ пропасть, хочу брызгаться, летя стремглавъ въ пѣнѣ водопада!

Она раскрыла свои бѣлыя объятья.

Все схватить и задушить!.. У меня судорога въ каждомъ мускулѣ: вопли и стоны толпятся въ груди моей... Любить и ненавидѣть! Цѣловать и терзать!.. Тосковать, наслаждаться, страдать!.. Что вы можете понимать въ этомъ, — ты, воздушная, и ты, водяной?..

— Ты просто-напросто истеричка! — сказалъ болотный богъ.—У меня флегматическій темпераментъ, божественный, ровный, прекрасно уравновѣшенный, а ты сангвинична до невозможности, вѣчно въ нездоровомъ возбужденіи.

— Зачѣмъ я?—зашептала звѣздная женщина.—Къ чему я? Мнѣ грустно. Я ничего не знаю... Мои источники возвышенны и пламенны, я—дитя лучезарныхъ міровъ... но они такъ далеки. Зачѣмъ они уронили меня сюда? Здѣсь тяжко. Мнѣ нехорошо здѣсь. Я рвусь къ свѣту, но у меня нѣтъ силъ. Зачѣмъ это призрачное тѣло? Я не хочу жить.

— Ты меланхолична,—зѣвнувъ, сказалъ болотный богъ,—ты тоже неуравновѣшенна. Только я счастливъ.

— Поди ты!—сказала амазонка.—Лучше сгинуть, чѣмъ такъ валяться въ илѣ! Ты-то богъ? Ты—животное, большая лягушка. Холодный... Брръ! Противный!

— А ты—жестокая, безжалостная, — сказала эфирная богиня,—грубая, ненасытная, кровожадная, сладострастная, низменная.

— А ты—пустая тѣнь, безплотная тоска, никому не нужный порывъ въ высь, никому, никому ненужный и тщетный. Ты—тѣнь тѣни, ты—свѣтящееся ничто.

— Да, мнѣ тяжело съ вами... Я изъ другого міра.

— А знаете, кумушки, говорятъ, мы втроемъ смахиваемъ на человѣческую душу?

— Вздоръ!—крикнула наѣздница.

— Можетъ - быть, — шепнула свѣтящаяся сиротка.

— Но все это метафизика... И лучше всего пойти мнѣ спать,—закончилъ болотный богъ.

НОЧЬ ВО ФЛОРЕНЦІИ.

Было уже два часа пополуночи, когда отзвонили послѣдніе звоны на колокольнѣ монастыря Санъ-Марко и окончилась рождественская ранняя месса.

Въ тѣсной кельѣ пріора по случаю великаго праздника три большія серебряныя лампады горѣли передъ трагическимъ распятіемъ, работы школы Донателло

И на обычно мрачномъ лицѣ пріора сегодня что-то свѣтилось. Его толстыя губы сложились въ полуулыбку, въ глазахъ вмѣсто обычнаго лихорадочнаго и какого-то зловѣщаго пламени можно было уловить выраженіе насмѣшливой ласки.

Пріоръ, войдя въ келью, широко и картинно перекрестился передъ Христомъ и обернулся къ двери.

Въ дверяхъ остановился, какъ бы въ нерѣшительности, мірянинъ, одѣтый въ благопристойный черный костюмъ изъ тонкаго флорентійскаго сукна, въ рукахъ онъ держалъ черную шляпу. Глаза его были опущены и совсѣмъ скрыты длинными рѣсницами, лицо, красивое, хотя немолодое, было блѣдно и какъ бы смертельно утомлено.

Пріоръ съ минуту смотрѣлъ на мірянина не-то съ насмѣшкой, не-то съ презрительной жалостью.

Наконецъ, онъ заговорилъ, съ явно притворнымъ негодованіемъ, — онъ былъ въ праздничномъ настроеніи, сердиться серьезно ему и не хотѣлось, и казалось неумѣстнымъ.

— Такъ ты не можешь радоваться, многогрѣшная мазилка.

Мірянинъ безпомощно и покорно развелъ руками, не поднимая глазъ.

— Твое сердце не прыгаетъ подъ удары рождественскихъ колоколовъ? Для тебя не горитъ въ небесахъ виѳлеемская звѣзда? Ты не устремляешься всѣмъ помышленіемъ къ новорожденному свѣту?

— Преподобный отецъ, Спаситель родился полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, но гдѣ спасеніе? Я вижу вокругъ потопъ грѣха, мерзости и муки, смерти и вражды. Преподобный отецъ, все, что рождается, осуждено на страданіе, низости, борьбу и умираніе. Ваши колокола не заглушаютъ скорбнаго стона, которымъ полны мои уши. Простите, если я смѣю такъ говорить...

— Развѣ не говорилъ ты мнѣ этого уже десятки разъ, негодный пачкунъ?

— Свидѣтельство, что вы не разу не отвѣтили мнѣ, преподобный отецъ,—съ живостью возразилъ мірянинъ.

— Я не отвѣтилъ ему? Я не отвѣтилъ ему? Да неужели ты думаешь, злосчастный Сандро, что твои вопросы новы и могутъ смутить христіанскую мудрость? Неужели ты думаешь, что мнѣ недостаточно было бы взять въ монастырской библіотекѣ любой фоліантъ съ твореніями любого отца церкви, чтобы засыпать тебя золотыми и

полновѣсными аргументами? Но что мнѣ диспутировать съ тобой? Вмѣсто праздныхъ разговоровъ даю тебѣ добрый совѣтъ: молись и постись, а если нужно, похлещи себя по плечамъ передъ святымъ Доминикомъ и дѣлай такъ и усугубляй, пока Господь не внемлетъ тебѣ, не отгонитъ отъ тебя гнуснаго бѣса сомнѣнія и не пошлетъ ангела кроткаго разумѣнія.

Пріоръ помолчалъ, потомъ, протягивая для поцѣлуя свою большую, темную руку, прибавилъ:

— Иди домой, у меня много еще работы на эту ночь.

Сандро поколебался, потомъ рѣшительно шагнулъ впередъ и, цѣлуя руку монаха, опустился на колѣни.

— Отецъ мой,—говорилъ онъ страстнымъ шопотомъ, — я два раза изображалъ Его рожденіе. Первый разъ, когда живъ былъ еще великій старикъ. Тамъ я изобразилъ много прекрасныхъ и гордыхъ людей, знатнѣйшихъ нашихъ гражданъ. Я писалъ эту картину съ любовью и спокойствіемъ. Но вамъ, отецъ, она, конечно, не понравилась. Они красовались тамъ, какъ-будто рядомъ и нѣтъ новорожденнаго Христа и его Присноблаженной Матери. Но потомъ вы объяснили мнѣ мою ноющую тоску, вы раскрыли мнѣ глаза на весь безысходный ужасъ жизни, и внутреннія раны моего сердца открылись и точатъ кровь, слезы и гной. Я люблю Спасителя, я жажду Спасителя, и когда я писалъ мою вторую картину, мнѣ казалось, что весь міръ полонъ жаждой, и я бросилъ толпы людей къ подножію Его, я бросилъ ихъ, отчаянныхъ, бѣгущихъ, вопящихъ о помощи среди

потопа грѣха и пожара страданій. Я даже невѣрующихъ привелъ къ нему, ибо жажда спасенія больше невѣрія, жажда спасенія можетъ наполнить бездну невѣрія и еще литься черезъ край. Но вы говорите, что жажда ваша утолена уже полторы тысячи лѣтъ назадъ, вы говорите, что бьетъ источникъ воды живой и кто напьется ея, не будетъ жаждать во-вѣкъ, но я жажду, жажду, преподобный отецъ, и всѣ кругомъ терзаются отъ жажды: губы ихъ потрескались и внутренности высохли, они пьютъ кровь другъ друга и не могутъ напиться...

Голосъ Сандро сильно дрожалъ, онъ поднялъ на пріора огромные темные глаза, полные слезъ.

Братъ Джираламо выпрямился какъ натянутая струна, длинная нижняя губа жестко и зло закрыла его ротъ, мрачные глаза метали искры. Онъ толкнулъ ногой художника и грозно, по присущей ему манерѣ, монументально-картинно поднялъ свою длинную руку кверху.

— Жалкій маляръ, скованный цѣпями плоти,— загремѣлъ онъ,—развѣ ты видишь небеса? Развѣ ты видишь то, что за временемъ, пространствомъ и гробомъ?

— Отецъ, Пресвятая Матерь и дорогія моему сердцу ангелы предстаютъ иногда передъ моимъ воображеніемъ, удостаиваютъ меня лицезрѣнія своей божественной красоты. Но я безсовѣстно лгалъ бы, если бы сказалъ, что когда-либо видѣлъ веселую улыбку на святыхъ устахъ небожителей. И тамъ печаль, и тамъ недоумѣніе и тамъ скорбныя сумерки.

— Пѣнникъ сатаны, порожденія адскаго гос-

подина твоего — всѣ твои богохульныя видѣнія! Что ты знаешь? Если я вырву клочокъ изъ твоей картины и стану показывать, поймутъ ли, къ чему служатъ линіи и краски? Нѣтъ! Для этого ты долженъ видѣть по меньшей мѣрѣ значительную часть картины. Но что видишь ты изъ Господней вселенной? Клочокъ, и клочокъ не картины, а ея изнанки, нѣсколько вервей грубаго полотна. И ты судишь? И ты жалуешься? И ты визгомъ своимъ смущаешь свою душу и чужія?!

Пріоръ длиннымъ, костлявымъ пальцемъ ударилъ въ высокій блѣдный лобъ художника.

— Демонъ поселился въ пустой твоей головѣ; родъ же сей ничѣмъ не изгоняется—только постомъ и молитвой.

Савонарола круто повернулся и подошелъ къ аналою, на которомъ лежалъ, желто освѣщенный лампадами, кусокъ пергамента, наполовину исписанный большими, увѣренными, красивыми буквами.

Когда Сандро вышелъ на улицу, онъ замѣтилъ, что Флоренція въ эту ночь люднѣе и свѣтлѣе, чѣмъ обыкновенно, хотя было очень холодно и порывами дулъ рѣзкій трамонтано.

Художникъ былъ огорченъ. Въ эту торжественную ночь его больныя мысли причиняли ему страданіе особенно острое.

— Только бы не думать,—шепталъ онъ,—хоть минуточку не думать; устать, упасть и уснуть.

Кутаясь въ развѣвающійся плащъ и глубже нахлобучивая свою шапку, онъ шелъ, неясно сознавая, куда идетъ. Шелъ въ гору. Потомъ уже смутно сообразилъ, что идетъ въ Фьезоле, что вышелъ за ворота города, открытыя въ эту свя-

тую ночь. Но не повернулся, а продолжалъ идти вверхъ, противъ вѣтра. Остановился на минуту и глянулъ вверхъ. Небо было совершенно ясно, и огромныя звѣзды молитвенно горѣли. Художнику казалось, что небеса преисполнены благоговѣніемъ и печалью. Онъ вновь пошелъ дальше. Вѣтеръ злился и свистѣлъ ему въ уши. Пальцы, судорожно державшіе полы плаща, одеревенѣли. Шелъ въ какомъ-то забытьи, пошатываясь. И вдругъ споткнулся и тяжело упалъ въ неглубокій ровъ возлѣ дороги.

На краю дороги тотчасъ же появился темный человѣческій силуэтъ. Незнакомецъ нагнулся и протянулъ Сандро руку.

— Человѣку хотѣлось бы, чтобы ангелъ поддерживалъ его на путяхъ его. Но ангела нѣтъ, человѣкъ одинъ и потому спотыкается и падаетъ, и когда-нибудь, быть можетъ, разобьетъ свою голову, и мысль его разсѣется, а безжизненное тѣло сгніетъ,—такъ говорилъ глухой голосъ незнакомца.

— Кто ты?—спросилъ Сандро.

— Я—протягивающій руку упавшему.

Съ этими словами незнакомецъ сильной рукой поднялъ Ботичелли и, взявъ его подъ руку, повелъ вверхъ.

Художникъ при сіяніи звѣздъ всматривался въ фигуру и лицо спутника. Это былъ глубокій старикъ, съ могучей, но уже сгорбленной фигурой. Все лицо его вдоль и поперекъ было изборождено морщинами. Усовъ не было, и видна была тонкая и нервная линія губъ, но со щекъ и подбородка падала на грудь длинная серебряная бо-

рода, и съ нею смѣшивались два густыхъ сѣдыхъ локона, струившихся изъ-подъ кожаной шапки, своей странной формой тѣсно охватывавшей черепъ старика.

— Что за странныя слова сказалъ ты, когда поднималъ меня?—спросилъ Сандро.—Въ нихъ мнѣ чудится какой-то аллегорическій смыслъ.

— Что же я сказалъ?—спросилъ въ свою очередь старикъ, искоса блеснулъ своими странными, словно кошачьими глазами на художника.

— Ты сказалъ, что человѣкъ одинъ и что ангелъ не поддерживаетъ его.

— Я сказалъ истину.

— Ты думаешь, что Творецъ оставилъ безъ помощи свое твореніе?

— А ты думаешь, что тебя сдѣлалъ изъ глины нѣкто, вродѣ Луки делла Роббія, снабдилъ тебя механизмомъ, а въ ноздри твои вдунулъ дыханіе жизни? Можешь вѣрить или не вѣрить мнѣ, но я клянусь тебѣ моимъ сердцемъ, что никто не сотворилъ человѣка.

Художникъ отодвинулся отъ спутника.

— Ты эпикуреецъ?

— Въ пространствѣ и времени бушуютъ элементы, соединяются и распадаются, слѣпо создаютъ и слѣпо разрушаютъ. Выживаетъ, что можетъ жить, а остальное разлагается, чтобы послужить матеріей для новыхъ опытовъ безголоваго и безсердечнаго случая. Такъ, въ игрѣ нелѣпыхъ силъ, возникли зачатки гармоніи. Такъ возникла жизнь и человѣкъ.

Таинственный спутникъ остановился и, протянувъ руку, указалъ художнику на Флоренцію, ра-

зостлавшуюся у ихъ ногъ и еще полную огней, похожую на потухающій костеръ. Темной громадой высилась Санта Марія дель Фіорэ, куполъ Брунелески исполинской круглой тѣнью рисовался на жаркомъ фонѣ мигающихъ огней, на стройной кампанилѣ Джотто горѣли въ честь Родившагося большіе огни и такіе же пламенѣли на башнѣ Синьоріи.

— Вотъ что выстроили люди!—торжественно сказалъ старикъ.—Но это еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что они построятъ. Истинно говорю тебѣ, даже Немвродъ не смѣлъ мечтать о томъ, что шутя построятъ его дальніе потомки. И, можетъ быть, случайно рожденный человѣкъ, раздувшій случайную искру мысли и жизни, продиктуетъ стихіямъ свою свѣтлую, разумную волю. Можетъ быть, онъ побѣдитъ тьму и страданія, и наступитъ миръ въ человѣкахъ, и въ великій порядокъ небесъ внесется побѣдоносный смыслъ.

Старикъ поднялъ руку къ свѣтиламъ, и продолжалъ:

— И тамъ, и тамъ, во многихъ и многихъ мірахъ, вѣроятно, идетъ святая борьба, и всюду страдаютъ и трудятся.

— Но вѣдь это ужасно!

— Быть можетъ, побѣдятъ!

— Но кто оплатитъ страданія?

— А кому ты станешь жаловаться? И на кого? Случаю на случай? Впрочемъ, природа, хотя и безсмысленна, но не только богата; а и не такъ ужъ несправедлива, и если ты не хочешь принять ея случайный даръ,—умри, она не вынуждаетъ тебя жить!

— Твои рѣчи мнѣ страшны. Въ моемъ сердцѣ не вмѣщается эта гордыня.

Старикъ пожалъ плечами:

— Вернись къ пріору, у него теплѣе, быть-можетъ!

— Мнѣ некуда вернуться, дверь захлопнулась за мной.

— Тогда иди со мною вверхъ, противъ вѣтра.

— Мнѣ холодно и я усталъ. И куда идти,— всюду мракъ, и скорбь, и сомнѣніе.

— Пойдемъ по крайней мѣрѣ до той ближайшей хижины, гдѣ тускло мигаетъ огонекъ.

— Что мы найдемъ тамъ?

— Нѣсколько часовъ тому назадъ тамъ родился Спаситель.

Ботичелли вздрогнулъ. Колѣни его подогнулись, онъ крѣпко схватилъ за руку стараго мудреца и прошепталъ:

— Спаситель? Новый?

Каждый новорожденный младенецъ — новый спаситель, ибо сотрудникъ въ великой работѣ всеобщаго спасенія. Пойдемъ.

Они пошли, и черезъ нѣсколько минутъ старикъ широко распахнулъ передъ Ботичелли скрипучую дверь хижины ремесленника. Она была тускло освѣщена, и углы были полны тѣней. Женщина лежала на кровати, худая и блѣдная, съ закрытыми глазами и разметавшимися длинными прядями волосъ. Другая, наклонившись, хлопотала около колыбели, сколоченной изъ нѣсколькихъ досокъ. Отецъ у огня приготовлялъ какое-то питье. На его грубомъ лицѣ нельзя было прочесть никакого опредѣленнаго чувства. Но

когда изъ широко раскрытой двери пахнуло холодомъ, онъ поднялъ голову и сердито крикнулъ:

— Затворите же дверь, вы мнѣ простудите его!

Сандро быстро затворилъ двери.

— Что вамъ нужно, мессере?—спросила женщина, повернувъ къ нему голову, но не разгибая спины.

Сандро безпомощно оглянулся на спутника.

Его не было.

— Я пришелъ...—забормоталъ художникъ, — я пришелъ... поклониться новорожденному.

И, подойдя къ колыбели, онъ, нагнулся, и, разглядѣвъ крѣпкій кулачокъ, торчавшій изъ-подъ тряпья, бережно и благоговѣйно поцѣловалъ его

I.

— Положимъ, я еще не оглохъ, какъ Бетховенъ, и не ослѣпъ, какъ Гомеръ, но къ этому близко, и я не знаю, мучили ли ихъ такія невральгіи? Въ сущности, я хуже, чѣмъ умеръ, потому что мертвые, навѣрно, не страдаютъ, а я страдаю... Страдаю какъ морально, такъ и физически, панъ Дзюбецкій. Страдаю оттого, что распадается мое тѣло, и оттого, что распался мой духъ, мой творческій духъ. И еще оттого страдаю я, что на всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ никого, кто бы меня зналъ... Забытый мертвецъ, панъ Дзюбецкій,—вотъ, что я такое. А предо мною лежатъ скелеты моихъ, сгнившихъ еще раньше меня, дѣтей,—моихъ надеждъ, панъ Михаилъ.

— Ну, не надо все про печальное,—разскажите, лучше что-нибудь хорошенькое: у всякаго человѣка было что-нибудь хорошенькое.

— Разсказывать? Зачѣмъ вамъ разсказывать? Чтобы развлечь васъ? Вотъ вы ничего не читаете, а я читалъ не такъ давно драму, она мнѣ очень напомнила меня и васъ... Да. Въ этой драмѣ есть золотой Наполеонъ. Такой человѣкъ... Онъ хотѣлъ добыть много-много золота, спящаго въ землѣ.

Хотѣлъ пустить его цѣлой рѣкой въ человѣческіе карманы. Думалъ, что это будетъ хорошо. А на самомъ дѣлѣ только самъ разорился. И еще, по дорогѣ, убилъ свою любовь. Свое сердце принесъ въ жертву идолу. Такъ мы всегда дѣлаемъ. Всѣ большія души. Но однихъ судьба награждаетъ хоть славою и сознаніемъ, что они что-то сдѣлали для такъ-называемаго человѣчества, а у другихъ и этого нѣтъ. У меня, напримѣръ. Такъ вотъ Боркманъ, герой той драмы, ходитъ какъ волкъ у себя въ кабинетѣ. Хорошо еще, что у него есть кабинетъ, а не конура, какую вы сдаете мнѣ за семь рублей, панъ Дзюбецкій. Потому что это же могила, любезный мой, а не комната... Такъ о чемъ это я... Боюсь, что у меня опять начнется невральгія. Это мой адъ. Я умеръ—и это мой адъ. За что только? Но объ этомъ не приходится спрашивать. Развѣ на свѣтѣ есть справедливость по сю или по ту сторону?.. Я, кажется, разсказывалъ вамъ о драмѣ? Ага. Такъ вотъ, къ Боркману приходитъ одинъ писаришка, и они жалуются другъ другу, а, говоря отъ сердца, имъ другъ на друга вполнѣ наплевать. Вотъ такъ и мы съ вами. Очень вамъ интересна музыка! Очень вамъ интересно знать про мою оперу и про мои ораторіи и что я умираю безъ піанино, и про то, что у людей уши стали каменныя! Вамъ совсѣмъ про другое интересно услышать. Вы все думаете, какъ бы вамъ выдать замужъ Адель и свести концы съ концами. Вы приходите ко мнѣ, потому что у меня, все-таки есть чай.

— Это даже обидно, то, что вы говорите, если вы хотите знать, панъ Игнатъ.

— Что ужъ намъ съ вами обижаться? Несомнѣнно, что я умру здѣсь, въ этомъ вашемъ склепѣ. Я постараюсь оставить вамъ нѣсколько рублей на похороны. А что касается всѣхъ этихъ сокровищъ... Да, сокровищъ, панъ Дзюбецкій: это сокровища, это кладъ,—вамъ нечего показывать гнилые зубы, потому что я хорошо знаю, что вы все это сожжете въ печкѣ... Вы сожжете въ печкѣ моего „Улисса“, мое „Воскресеніе“, мое „Завѣщаніе Предковъ Внукамъ“, мои думки, мои мазурки. И я очень радъ. Потому что, такимъ образомъ, отъ моихъ произведеній все-таки кому-то будетъ теплѣе. Ха-ха-ха!.. Пани Адель погрѣетъ у огня свои ножки. Вѣдь у нея же всегда худые башмаки... Вотъ какой кашель! Въ настоящемъ гробу такъ не кашляютъ. Я писалъ свою Мазурку, опусъ 34, и тогда первый разъ на бумагу хлынула кровь. Я оставилъ залитыя ею строки, а потомъ дальше писалъ Мазурку. Это кровью писано, панъ Дзюбецкій. Ужъ у меня и тогда не было инструмента. Такъ писалъ, игралъ на собственныхъ нервахъ. Сожгите, сожгите все это. Я отъ времени до времени посылалъ такъ-называемымъ знатокамъ. У людей теперь каменныя души.

Кто-то постучалъ въ дверь:

— Папа, принесли телеграмму для Игнатія Яковлевича.

— Телеграмму? Телеграмму для меня? Что за смѣшныя вещи разсказываете вы, пани Адель? У насъ скоро будетъ свѣтлый праздникъ, но на всемъ свѣтѣ нѣтъ человѣка, который поздравилъ бы съ нимъ Игнатія Лощинскаго. Но, впрочемъ,

дайте сюда эту телеграмму... Ха-ха-ха: „Ковно. Музыкальное училище Зейдель“. Да вѣдь это же семь лѣтъ тому назадъ, что я ушелъ оттуда. Это трогательно все-таки: Сара Эмануиловна послала телеграмму въ консерваторію въ Варшаву. Я дѣйствительно говорилъ ей, уѣзжая, будто буду работать въ консерваторіи. Я говорилъ это въ отчаяніи; я и не былъ въ Варшавѣ. Все-таки мои ноты чему-нибудь послужили. Вотъ, оказывается, тамъ знали мой адресъ, и телеграмма дошла.

— Это телеграмма съ оплаченнымъ отвѣтомъ.

— Да, она съ оплаченнымъ отвѣтомъ. Теперь надо ее распечатать и прочитать. Вы смѣетесь, что у меня такъ прыгаютъ руки. Но я никогда не получалъ телеграммъ. Глаза у меня слабы, а ваша лампа ни къ чорту не годится. Что? Вы прочтете? Покорно́ благодарю. Нѣтъ, я прочту самъ. „Дорогой маэстро“... Вотъ это уже совсѣмъ смѣшно. Я прочиталъ два слова, и слезы мнѣ мѣшаютъ. Это совсѣмъ смѣшно. „Дорогой маэстро, краковское музыкальное общество выбрало для пасхальнаго концерта вашу ораторію „Воскресеніе“, имѣвшуюся у насъ въ рукописи. Просимъ сообщить точный адресъ. Необходимо присутствіе. Деньги на дорогу телеграфируемъ“.

Смертельно блѣдный Лощинскій долго смотрѣлъ на телеграмму, въ то время какъ ахали Адель и ея отецъ. Потомъ онъ откинулся на спинку своего дрянного мягкаго кресла. Изъ его закрытыхъ глазъ по тощимъ щекамъ катились слезы.

— Вамъ нехорошо, Игнатій Яковлевичъ? — спросила Адель.

— Развѣ мнѣ можетъ быть теперь нехорошо?

II.

— Вотъ это я понимаю! Вы знаете, достоуважаемый панъ Дзюбецкій, сколько они мнѣ прислали денегъ? Они прислали мнѣ триста рублей. Но съ этимъ можно объѣхать вокругъ свѣта! И они пишутъ мнѣ, что берлинское издательство Кусевицкаго... Не кто-нибудь, а Кусевицкій, первый виртуозъ на контрабасѣ и знаменитый дирижеръ, предлагаетъ мнѣ продать ему всѣ мои творенія. Это значитъ, что я теперь Крезъ. Это значитъ, что мы ѣдемъ всѣ въ Краковъ. И вы, и Адель. Что? Возраженія? Нѣтъ, теперь я самъ кто-нибудь, и мои слова значатъ что-нибудь. Чтобы я допустилъ ваше отсутствіе на первомъ концертѣ, гдѣ будетъ впервые исполняться мое твореніе? Одного я боюсь ужасно, какъ бы намъ не опоздать. Надо ѣхать сегодня. Я хотѣлъ заказать себѣ платье, но я куплю готовое. Не надо, чтобы бросалась въ глаза моя бѣдность. Подумаютъ, что я хочу кого-то разжалобить... А говорятъ, что не бываетъ чудесъ! Это—чудо!

III.

Въ огромной залѣ опернаго театра было совсѣмъ темно. Публики не было слышно. Она присмирѣла. Ей было страшно. На залитой огнями сценѣ стройная фигура дирижера царила надъ сотней музыкантовъ, но ихъ не было видно. Казалось, что ихъ не видно потому, что тутъ кто-то умиралъ. Кто-то, для всѣхъ страшно

важный, нужный и дорогой. Можетъ быть, это угасало солнце? Можетъ быть, это оно замирало и вспыхивало какъ потухающая лампа, каждый разъ конвульсивнѣе и слабѣе и, можетъ быть, это холодѣющій и пустѣющій міръ сдержанно рыдаетъ, боясь громкимъ плачемъ сократить роковыя минуты? Или, можетъ быть, это умираетъ Богъ и покидаетъ все живое, разумное и страдающее въ жертву слѣпой, безжалостной машинѣ? И все живое, разумное и страдающее—испуганное, трепещущее шепчетъ, ропщетъ, умоляетъ что-то неумолимое?

Дирижеръ поднялъ руку, какъ-будто сведенную судорогой, и оркестръ замолкъ.

— Нѣтъ, Онъ не умеръ еще... Еще есть искорка жизни. Вотъ... Вотъ... Теперь уже конецъ,—говоритъ Лощинскій.—Теперь Его будутъ хоронить. Вотъ это его друзья.

Да, это друзья. Какіе они слабые, какіе заброшенные; они идутъ, припадая, колеблющейся стопой. Они останавливаются иногда, заламываютъ руки. Иные закутываютъ себѣ голову, иные падаютъ на землю. Потомъ опять идутъ. Сирые, убитые, отчаявшіеся, не только за него страдающіе, но за себя, устрашенные перспективой безпомощности, безвыходными длинными путями, безнадежно стелющимися впереди.

А это кто же визгливо хохочетъ, кто это невыносимо, невыразимо наглый? Кто это сатанински свищетъ? Кто попираетъ, кто грубо кричитъ угрозы и вновь хохочетъ, бросаетъ издѣвательства, пинаетъ ногой, хлещетъ?

Это враги Его.

А это заваливаютъ камнемъ гробъ. Огромнымъ камнемъ.

Лежитъ на немъ камень тяжелый,

Чтобъ встать изъ гроба онъ не могъ.

Этотъ короткій желѣзный маршъ, глухой и равнодушный: это воины, это власть. Она наложила печать. Она поставила стражу.

Музыка рисуетъ, какъ выглядитъ гробъ. Онъ строгій, сѣрый, подавляюще массивный, непоколебимый, непроницаемый.

Теперь льется рѣка жизни. Какая странная мелодія! Она пошла, она тускла. И въ то же время она хватаетъ за сердце. Вотъ такъ проходятъ дни нашей жизни. Это все пропущено. Это все мертво. Это все страшно, страшно ненужно.

И вотъ теперь-то сознали, что значитъ Его смерть. Сколько времени прошло? Должно быть, очень долго. Теперь вдругъ, можетъ быть, въ какую-нибудь годовщину остро почувствовали, что умеръ, умеръ!

Это у Его гроба какая-то титанка, какая-то большая прекрасная женщина съ растрепанными волосами, въ изодранной одеждѣ. Она царапаетъ окровавленными ногтями камень, она бьется объ него лицомъ. Она кричитъ пронзительно, въ чудовищномъ, сверхживотномъ горѣ. Это страшно. Стало еще страшнѣе: ее схватили тяжелыя руки, ее отрываютъ, волочатъ, хохочутъ, топчутъ. Послѣднія издѣвательства, послѣднія поруганія. Это невыносимо. Въ залѣ кое-гдѣ движеніе. Слышны всхлипыванія. Какой-то истерическій голосъ кричитъ: „Не могу я больше, не могу!“ Сердито ши-

кают, хотят слушать, не хотят проронить звука.

И вдруг глухой громъ, родившійся въ глубинахъ неба или на черномъ днѣ тартара, растущій, приближающійся, все колеблющій. Словно въ самомъ дѣлѣ землетрясеніе грозитъ разрушить театръ. И ударъ, оглушающій, разсѣкающій, отъ котораго ярко становится въ глазахъ, который все сокрушилъ, пронзилъ, и на порогѣ гроба — вотъ Онъ—весь сіянье: Гроза и Радость!

— И все. Больше ничего. Воскресъ. Чего же еще? Тамъ ужъ другое дѣло,—бормочетъ Лощинскій.

Въ залѣ свѣтло. Все еще тихо. Какіе-то шорохи пошли, поползли. Что-то натянутое, словно не знаютъ, что же дѣлать.

Дирижеръ оборачивается къ публикѣ:

— Уважаемая публика, намъ не только досталось надолю высокое счастье открыть исполненный нами, шедевръ, но еще, какъ я узналъ, мы имѣемъ удачу видѣть среди насъ геніальнаго его автора. Игнатій Лащинскій успѣлъ пріѣхать къ началу ораторіи и находится въ залѣ.

Музыканты поднялись какъ одинъ человѣкъ. Раздались звуки туша. Тогда затрещали, словно обильно посыпавшись откуда-то, неистовые апплодисменты. Что-то кричали, топали, махали: всѣ обратились лицомъ къ ложѣ Лощинскаго, а онъ, похожій на скелетъ въ неуклюжемъ сюртукѣ, желтый, съ сивыми волосами, безпомощный, согнувшись и опершись руками на барьеръ, стоялъ и смотрѣлъ передъ собою залитымъ слезами взоромъ.

Онъ почувствовалъ, что кто-то дергаетъ его, и, наскоро обернувшись, увидѣлъ Адель, которая стояла на колѣняхъ и судорожно обнимала его ноги. И опять медленно и какъ-будто равнодушно онъ перевелъ глаза на бѣсновавшуюся отъ восторга публику и прошепталъ:

— Ой, что же это такое? Развѣ это можно пережить?"

IV.

Черезъ три дня онъ умиралъ. Вытянутый, чудовищно худой, съ часто выбѣгавшей струйкой крови на губахъ. При немъ были Адель и докторъ. Докторъ сначала не хотѣлъ пускать цвѣты въ его комнату, а ихъ было много. Какое-то безуміе цвѣтовъ. Лощинскій сказалъ: „Развѣ мнѣ можетъ что-нибудь быть вреднымъ? Нѣтъ, докторъ, ничего. Я и умереть не могу. Не могу больше умереть, увѣряю васъ. Теперь ужъ пустяки—то, что здѣсь лежитъ. Теперь ужъ я тамъ, ужъ я вездѣ. Вотъ только есть еще немного музыки хорошей музыки во мнѣ. Такой, какую я писалъ совсѣмъ молодымъ. Весенней. Это понятно: вѣдь я только опять началъ жить. Мнѣ хотѣлось бы записать это, но и это не пропадетъ. Въ мірѣ ничто не пропадаетъ. И это не философія. Я вижу это яснѣе, чѣмъ васъ и Адель. А вы не плачьте, Адель: вы теперь будете богатой. Смотрите, помогайте же молодымъ артистамъ. У нихъ такъ много горя бываетъ. Ну, это нужно имъ, конечно. Только объ этомъ позаботится судьба, а вы позаботьтесь, чтобы имъ было немножко побольше радост и Вѣдь и это же имъ нужно, ей-Богу".

Вавилонская палочка

(Комедія въ I дѣйствіи).

Л и ц а:

Порфирій Супермедикусъ—знаменитый врачъ.

Лументъ
Меркурій } его ученики.
Фидусъ

Лаура—его дочь.

Люди сеньора Подеста.

Дѣйствіе происходитъ на зарѣ Возрожденія въ Сѣверной Италіи.

Декорація представляетъ садъ за домомъ Порфирія. Грядки съ травами, плодовыя деревья. Справа домъ; видна дверь съ двумя ломбардскими колонками, опирающимися на изображенія аспида и василиска; надъ дверью арабскія письмена. Слѣва заборъ съ калиткой, ведущей въ переулокъ. Глубь сцены занята разросшимися деревьями. Недалеко отъ входа въ домъ густолиственный старый каштанъ, подъ тѣнью котораго стоитъ венеціанское кресло, обложенное подушками съ коврикомъ у ногъ. При поднятіи занавѣса Порфирій сидитъ на этомъ креслѣ, опираясь на костыль съ причудливой костяной ручкой. Это глубокій старикъ, сгорбленный, желтоволосый, со слезящимися глазами и длинной, тоже желтѣющей, уже сѣдой бородой, падающей на грудь. На головѣ его черная бархатная шапочка съ наушниками, одѣтъ онъ въ длинную, ниже колѣнъ, широкую темно-синюю одежду, съ рукавами до локтей, падающими съ нихъ длинными концами. Его худыя руки охвачены другими узкими рукавами гранатоваго цвѣта. Вокругъ шеи и рукъ бѣлые полотняные отвороты. Тощіе кривые пальцы, почернѣвшіе отъ химической работы, унизаны тяжелыми перстнями съ печатями. Тонкія ноги въ чулкахъ обуты въ мѣховыя туфли. На груди цѣпь изъ щитковъ мелкихъ черепахъ, соединенныхъ золотыми колечками. Въ движеніяхъ видна уже дряхлость. Но время-отъ-времени прорывается почти юношеская живость, пересѣкаемая однако жестами боли и немощи.

Опершись на стволъ дерева, стоитъ Фидусъ. Это— очень небольшого роста худой юноша, напоминаю-

щій хищную птицу. Желтъ, узколобъ, горбоносъ, одаренъ кадыкомъ. Изъ-подъ неряшливой шапки виситъ клокъ рыжихъ волосъ. Одежда темно-коричневаго цвѣта грязна, колетъ открываетъ на груди и рукахъ грубое пожелтѣвшее бѣлье. Колѣни протерты. Движенія его рѣзки и угловаты. Говоритъ скрипуче, съ трудомъ выбирая слова. Въ глазахъ странный огонекъ. Иногда, волнуясь, онъ заикается и хватается за горло. Его длинные пальцы часто дрожатъ.

Меркурій сидитъ на скамеечкѣ. Онъ высокъ, смуглъ, улыбка показываетъ молочно-бѣлые зубы межъ черной бородой и усами. На немъ щегольской бархатный беретъ. Черные волосы бахромой пущены на выпуклый лобъ. Глаза темно-каріе, насмѣшливые. Затянутъ въ малиновый колетъ съ широкими складчатыми рукавами, схваченными у кистей рукъ въ щегольскіе годешосы голубого цвѣта. Руки довольно нѣжны, на пальцахъ перстни съ рубиномъ и камеей. На золоченомъ поясѣ бархатная сумочка.

Порфирій (*Говоритъ складно и свободно, хотя въ голосѣ слышется старческое дребезжаніе*). Тивурцій Варсавіензисъ рекомендуетъ желчь лося, рода оленей, живущихъ въ Сиберіи... Но не такъ важенъ составъ, какъ самая варка декокта. Не говоря о крайней тщательности при выборѣ дня и часа, для чего лучше посовѣтоваться со свѣтилами, нужна огромная бдительность. Основа рецепта декокта идетъ отъ св. Іеронима и лишь слегка измѣнена въ согласіи съ сарацинскими данными, почерпнутыми, вѣроятно, въ исчезнувшихъ нынѣ твореніяхъ Аристотеля. Но, какъ извѣстно, именно противъ всего, чѣмъ св. Іеронимъ изустнымъ преданіемъ одарилъ нашу великую науку, ополчается демонъ Кокодриллокефалъ, одинъ изъ упорнѣйшихъ и прилежнѣйшихъ

слугъ Вельзевула. Стоитъ лишь опустить любую формулу, молитву, условленный жестъ, какъ Кокодриллокефалъ лишаетъ декоктъ всякой силы, хотя съ виду все остается какъ-будто неизмѣннымъ. Такъ, однажды, сваривъ великолѣпный декоктъ Іеронима, я вдругъ убѣдился, что онъ не вызываетъ никакого иного дѣйствія, кромѣ сильнѣйшаго поноса. Долго я ломалъ голову... Пересматривалъ всѣ 36 элементовъ его и всю процедуру. Я чувствовалъ, что тутъ замѣшанъ Кокодриллокефалъ, и молился св. Іерониму, дабы онъ вразумилъ меня относительно моего упущенія. И святой пришелъ мнѣ на помощь... Оказалось, что я варилъ декоктъ въ кожаномъ поясѣ, межъ тѣмъ какъ сказано: „Не употребляй въ составѣ и процедурѣ ничего животнаго, кромѣ предуказаннаго“. Демонъ сразу замѣтилъ поясъ, поддерживающій мои панталоны, и истолковалъ его какъ употребленіе животнаго въ продедурѣ. Его аргументъ, очевидно, показался сильнымъ и ангеламъ, охранявшимъ часъ, мѣсто и формулу: отсюда — поносъ.

Меркурій. Но по исправленіи ошибки новый декоктъ опять исцѣлялъ всѣ кашли?

Порфирій. Часто. Я не говорю всегда. Ибо исцѣленіе зависитъ отъ тысячи причинъ, изъ коихъ не всѣ изслѣдованы. Самый кашель можетъ происходить вслѣдствіе проникновенія въ тѣло паровъ: тѣло сырѣетъ, и, судорожно сжимаясь, грудь стремится выдавить воду изъ поръ плоти. Но бываетъ и такъ, что внутренній огонь пылаетъ настолько, что заставляетъ обращаться въ паръ соки тѣла, каковые ищутъ исхода при посредствѣ

кашля. Часто посторонній предметъ застрѣваетъ въ дыхательномъ каналѣ или попадаетъ туда мошка, иногда даже незримая глазу, но щекочущая горло. Мѣсто мошки можетъ занять порой какой-нибудь эльфоподобный маленькій духъ, прокравшійся, напримѣръ, при зѣвотѣ во время молитвы или вообще проникшій въ разинутый и не перекрещенный во-время ротъ. Декоктъ помогаетъ во всѣхъ этихъ случаяхъ. Но бываютъ осложненія. Бываетъ такъ, что святой патронъ даннаго лица или его ангелъ-хранитель, разсердившись на субъекта, наказуютъ его приступами кашля. И здѣсь декоктъ стремится умѣрить кашель, но тогда святой патронъ или святой ангелъ обращаются на небеса къ блаженному Іерониму и говорятъ: „Отче благій, вотъ твоя микстура исцѣляетъ недостойнаго, мною наказаннаго“. И святой цѣлитель говоритъ: „Да не будетъ!“ Тутъ больного начинаетъ мучить кашель пуще прежняго, и декоктъ обращается ему даже во вредъ. Quantum majus,—если прогнѣвана святѣйшая Мадонна или кто-либо изъ высшихъ небожителей. А такъ какъ рѣдко случается, чтобы смертный не оказывался предметомъ гнѣва кого-либо изъ многочисленнаго хора присноблаженныхъ, то ты понимаешь, насколько ограниченной оказывается восхитительная и непреодолимая цѣлебная сила чуднаго сего декокта... Фидусъ, мнѣ кажется, ты совершенно невнимателенъ...

Фидусъ. Я?.. Я слушаю...

Порфирій. Ты считаешь воронъ! Ты дуешься на Лумена за то, что я люблю его, но я люблю его за знанія, а знанія даются вниманіемъ и мо-

литвой. Ты же останешься олухомъ, ибо уши твои — корридоры въ пустой залъ и въ нихъ вѣчный сквознякъ.

Фидусъ. Что же мнѣ слушать эти мелочи?

Порфирій. Мелочи? Меркурій, онъ называетъ это мелочами!

Меркурій. Не сердись, магистеръ, не волнуй себя; ты знаешь, какъ тонки стѣнки твоего желчнаго пузыря: приведя въ волненіе его содержимое, ты рискуешь вызвать прорывъ и разлитіе холеріи по жиламъ, не говоря о томъ, что отъ сердящагося даже справедливо ангелъ отвращаетъ покровъ свой, такъ что и справедливый гнѣвъ можетъ перейти въ грѣховный... Дѣти Ириды, многочадной супруги Асмодея, рѣютъ вокругъ насъ... Да хранитъ насъ мадонна и святая Паціенція!

Порфирій. Съ удовольствіемъ слушаю тебя, мой Меркурій... Ты говоришь какъ мудрецъ. Но, видишь ли, для многоученаго доктора Фидуса декоктъ св. Іеронима отъ всякаго кашля — мелочь. Есть отчего разсердиться! Попробовалъ бы ты сказать это Кокодриллокефалу, олухъ,—демону, которому сей декоктъ не даетъ ни минуты покоя,—онъ бы разъяснилъ тебѣ, какая это мелочь!.. И если завтра кашель станетъ душить тебя и красные глаза твои полѣзутъ на лобъ, жилы надуются какъ веревки, грудь готова будетъ разорваться и въ горлѣ заклокочетъ пѣна съ кровью и желчью,—тогда ты поговоришь о мелочи, завѣщанной святымъ отшельникомъ и исправленной четырьмя арабскими мудрецами, въ томъ числѣ самимъ Авиценной!.. Несчастный!..

Тогда ты станешь умолять меня дать тебѣ полкапли этой мелочи.

Фидусъ. Нѣтъ, магистеръ.

Порфирій. А что же? Ты умрешь какъ собака, захлебнувшись собственной мокротой?

Фидусъ. Нѣтъ, магистеръ.

Порфирій. Нѣтъ, нѣтъ... Безсловесное полуживотное!

Фидусъ. Я выпилъ бы твоей панацеи.

Порфирій (*внезапно успокаиваясь и улыбаясь*). А, хитрецъ, ты выпилъ бы моей панацеи! Но развѣ ты не знаешь, что ее надо принимать съ постомъ и молитвой, во святой вѣрѣ, и что малѣйшее сомнѣніе губитъ ея эффектъ?

Фидусъ. Это-то я знаю. Я знаю также ея несложный составъ... Я вытвердилъ всѣ формулы, еврейскія и арабскія, которыя надо произносить, собирая травы и дестилируя элексиры... Я знаю также, что... что великій Супермедикусъ исцѣлилъ панацеей параличъ торговца краснымъ деревомъ, безсонницу сборщика соляной подати, подергиваніе руки у жены бочара Пепе... Ахъ, я знаю это... Но чего-то я не знаю еще... Да... или, вѣрнѣе, я еще что-то знаю!.. Знаю, что мнѣ никогда не сдѣлать элексира панацеи... Никогда!

Порфирій. Конечно, потому что ты маловѣръ.

Фидусъ. Не сварить мнѣ его, хотя бы вѣра моя была широка какъ Средиземное море и высока какъ Альпы.

Порфирій (*улыбаясь*). Почему же? (*подмигиваетъ Меркурію*).

Фидусъ (*поблѣднѣвъ*). А, ты дѣлаешь знакъ этому франту! Ему-то ты разсказалъ все!

Порфирій (*нѣсколько нахмурившись*). Что ты имѣешь въ виду?

Фидусъ. Ты хочешь знать?

Порфирій. Да, хочу, глупый человѣкъ.

Фидусъ. Хочешь?

Порфирій. Говори же, двуногій оселъ.

Фидусъ. Сказать?

Порфирій. Не истощай моего терпѣнія!..

Фидусъ. Ты думаешь, что я глупъ и ничего не понимаю...

Порфирій. Ты глупъ, это такъ же несомнѣнно, какъ неподвижность земли.

Фидусъ. Ты воображаешь, что я упьюсь твоими формулами, на которыхъ я сломалъ себѣ языкъ?

Порфирій. Почтеніе къ словамъ мудрыхъ, квакающая жаба!

Фидусъ. Что я буду таскаться по ночамъ, указаннымъ звѣздами, и, согнувшись крючкомъ, искать травокъ, листиковъ и корешковъ?

Порфирій. Къ чему ты ведешь свою собачью рѣчь, свинной огрызокъ?

Фидусъ. Нѣтъ, все это второстепенно... Есть что-то другое, дорогой магистеръ... Обманщикъ!

Порфирій (*Взбѣшенный*). Подойди сюда, сынъ ежа и вонючки, чтобы я тебя ударилъ костылемъ.

(*Меркурій улыбается все время, не сходя съ мѣста*).

Фидусъ (*въ страшномъ волненіи*). Га! Ты скрываешь отъ меня суть. Но я узналъ, подсмотрѣлъ, подслушалъ, ибо, воистину, я хочу знать, хочу мочь!

Порфирій. Молчи!.. Закрой богомерзкую яму устъ!

Фидусъ. Покажи мнѣ палочку!

Порфирій (*трясясь отъ гнѣва, поднимается со стула*). Что? Ка... какую?

Фидусъ. Палочку! Вавилонскую палочку, которой ты мѣшаешь всѣ твои варева и твою панацею!.. Ибо сила въ палочкѣ, истина, добро, здоровье, красота, счастье,— все въ палочкѣ, въ вавилонской палочкѣ!.. Покажи мнѣ ее... ты ее показалъ Лумену, ты показалъ ее Меркурію... Я хочу видѣть палочку!

Порфирій (*садясь опять на стулъ и обращаясь къ Меркурію*). Ты слышишь?!

(*Меркурій пожимаетъ плечами*).

Ты не увидишь палочки до конца дней твоихъ, какъ собственныхъ длинныхъ ушей, послѣдняя изъ обезьянъ, ибо палочка—вѣнецъ и награда и не дается дуракамъ.

Фидусъ. Да?

Порфирій. Довольно! Молчать!

Фидусъ. Она не дается дуракамъ? Хорошо... Что-жъ? Хорошо... Я—дуракъ. Я молчу.

(*Грызетъ ногти, дрожитъ*).

(*Изъ дверей дома выбѣгаетъ Лаура, свѣтлокосая дѣвушка флорентійскаго типа, одѣтая въ граціозное бѣлое платье*).

Лаура. Отецъ, Луменъ вернулся! Чуть не весь городъ вышелъ ему навстрѣчу, потому что пизанцы провожаютъ его съ музыкой: онъ исцѣлилъ у нихъ нѣмую дочь синьора Гамбакорта. Онъ исцѣлилъ ее твоею панацеей. Пизанцы хотятъ видѣть тебя, они кричатъ: „Хотимъ видѣть мудрѣйшаго учителя мудраго ученика!“

Порфирій (*поднимаясь съ кресла*). Вотъ это ра-

дость! О, я бѣгу, какъ мальчикъ... Не надо поддержки... Я готовъ отбросить и костыль... Онъ исцѣлилъ нѣмую? Это достойно меня!.. Дочь самого Гамбакорты? Отлично... Я иду навстрѣчу благороднымъ пизанцамъ.

(*Уходитъ съ Меркуріемъ. Его дочь хочетъ слѣдовать за нимъ, но Фидусъ преграждаетъ ей дорогу*).

Фидусъ. Дѣвушка, отчего ты никогда не смотришь на меня?

Лаура (*гордо пожимая плечами*). Что-жъ на тебѣ нарисовано?

Фидусъ. А на Луменѣ?

Лаура. Онъ самъ лучше всякой картины.

Фидусъ. Га! Ты влюблена въ него, Лаура? Ты вожделѣешь къ нему?

Лаура. Молчи! Не оскорбляй дѣвушку, гадъ!

Фидусъ. И онъ льнетъ къ тебѣ. Но ты знаешь почему? Быть можетъ, ты воображаешь, что это ты нужна ему? Нѣтъ, ты нисколько не нужна ему. Онъ знаетъ про вавилонскую палочку, которая припрятана въ вашемъ домѣ и которой магистеръ мѣшаетъ эссенціи. Онъ знаетъ ея волшебную силу, заключенную въ ней еще пророкомъ и чародѣемъ Даніиломъ... О! Да, да! Я вѣдь знаю, я отлично слыхалъ все. У меня длинныя уши, но зато они хорошо слышатъ.

Лаура. Пусти меня... Ты бредишь.

(*Хочетъ пройти, гордо поднявъ хорошенькую голову и презрительно наморщивъ носъ. Фидусъ загораживаетъ ей дорогу снова*).

Фидусъ. Твой мужъ получитъ палочку, вотъ почему Луменъ льнетъ къ тебѣ. Да, да, я слышалъ,—онъ говорилъ Меркурію со смѣхомъ: „За-

получить бы только палочку, а жену можно всегда запирать дома". Луменъ—развратникъ, ему нужны дѣвки со всего города. Хорошій будетъ мужъ у тебя, нечего сказать!

Лаура. Все-то ты врешь и врешь глупо, не похоже на правду: Луменъ живетъ какъ монахъ, а на меня молится какъ на мадонну.

Фидусъ (*упрямо*). Онъ хочетъ палочку, въ ней истина и сила. Ради палочки все можно... Можно жить монахомъ... Можно не ѣсть, не пить, не спать... Можно стать святымъ... Можно стать чортомъ, оклеветать, обворовать, убить... Потому что въ палочкѣ сила и истина, это знаетъ и магистеръ... Безъ палочки все остальное не дѣйствуетъ, а палочка дѣйствуетъ и одна... Палочка...

Лаура. Прочь, ты мнѣ надоѣлъ смертельно.

Фидусъ. А! Если бы хорошенькій Луменъ могъ украсть палочку, онъ ушелъ бы изъ дому, даже не взглянувъ на тебя.

Лаура. Гномъ! Если бы Луменъ хотѣлъ похитить палочку,—онъ давно бы могъ это сдѣлать.

Фидусъ. Ха-ха-ха! Онъ не знаетъ, гдѣ она,—вотъ бѣда его.

Лаура. Онъ знаетъ.

Фидусъ. Нѣтъ, нѣтъ... Онъ не подозрѣваетъ...

Лаура. Я двадцать разъ давала ее ему по ночамъ, потому что отецъ прячетъ ее у меня. Вотъ тебѣ! Когда Луменъ приходитъ ночью къ моему окну и мы говоримъ съ нимъ такъ задушевно, такъ тихо, такъ сладко,—онъ спрашиваетъ иной разъ у меня: „Дай мнѣ палочку, я еще разъ попробую прочесть эти письмена при свѣтѣ нашей подруги-луны".

Фидусъ. О, хитрый воръ!

Лаура. Если бы онъ былъ воръ,—что стоило бы ему взять ее? Я при немъ укладывала ее назадъ въ мою шкатулку. Но она и такъ будетъ принадлежать ему, потому что я буду его женой, и это для него въ милліонъ разъ важнѣе, чѣмъ стать царемъ всего Вавилона.

Фидусъ (*задумчиво*). Что же, онъ прочиталъ письмена?

Лаура. Ихъ никто не можетъ прочесть, даже отецъ.

Фидусъ. Онъ спишетъ ихъ, а въ нихъ-то и есть самая сила.

Лаура. Ихъ нельзя ни запомнить, ни списать, они—какъ сумасбродное кружево.

Фидусъ. Почему же отецъ сталъ прятать у тебя палочку? Вотъ я и поймалъ тебя! Ты все лжешь! Отчего бы палочкѣ быть у тебя?

Лаура. Отецъ пряталъ ее въ тысячѣ мѣстъ, но ему приснился докторъ Рожеръ, который подарилъ ему палочку, и указалъ на мою шкатулку какъ на самое безопасное мѣсто. Она у меня. Это все равно, какъ если бы она уже была у Лумена. Попроси онъ,—я бы отдала ему ее совсѣмъ. Видишь? (*Надменно*). Что ты понимаешь въ любви! Молчишь? Пристыженъ?

(*Величественно проходитъ мимо него налѣво. Въ то время какъ она почти подошла къ калиткѣ, послѣдняя тихо открывается и на порогѣ показывается Лумень. Онъ бѣлокуръ, волосы двумя волнами падаютъ ему на плечи. Онъ похожъ на Рафаэля. На немъ красивый колетъ съ черными цвѣтами по синему фону, его ноги стройны; на плечахъ плащъ, на головѣ шляпа*

съ шарфомъ, конецъ котораго падаетъ на плечо, въ рукахъ длинная палка, черезъ плечо кожаный мѣшокъ. Его желтые сапоги запылены. Увидя его, Фидусъ юркнулъ въ дверь дома).

Лаура. Луменъ!

Луменъ (*вяло*). Я...

Лаура. Ты усталъ?

Луменъ. Смертельно.

Лаура. Гдѣ?

Луменъ (*махнувъ рукой*). Тамъ...

(*Подходитъ къ авансценѣ и садится на кресло Порфирія. Сбрасываетъ мѣшокъ, плащъ и шапку, бросаетъ палку*).

Лаура (*На колѣняхъ около него*). Поцѣлуй же меня.

Луменъ (*Цѣлуя ее*). Я усталъ, ненаглядная.

Лаура. Ты исцѣлилъ дочь Гамбакорты? (*Онъ вяло киваетъ головой*). Можетъ быть, ты влюбился въ нее? (*Онъ тускло улыбается и гладитъ волосы Лауры*). Нѣтъ?

Луменъ (*Нѣжно*). Одну тебя, всегда!

Лаура (*Цѣлуя его руку*). Милый... Всегда? Одну? Отчего же невеселъ?

Луменъ. Отдохну—повеселѣю... Мысли бьются въ моей головѣ... Чувства въ сердцѣ. Я такъ много узналъ, обдумалъ, моя Лаура. Печалиться ли мнѣ? Отчего мнѣ какъ-будто тоскливо? Отчего мнѣ почти страшно какъ-будто, моя дорогая? Развѣ догадка не освѣтила какъ молнія мою голову? Развѣ эту молнію я не сумѣю остановить на моемъ небѣ, превратить въ ласковое солнце на счастье себѣ и людямъ?.. И старому учителю тоже, увѣряю тебя Лаура.

Лаура. О чемъ ты?

Луменъ. Тс! Ты не поймешь этого, но учитель пойметъ,—онъ мудръ.

Лаура. Что-то перемѣнилось?

Луменъ. Что-то? Все, все! Сперва я испугался своей рѣшимости... Самой мысли уже боялся, словно забеременѣлъ яйцомъ василиска. Тѣмъ болѣе—дѣла, но сдѣлалъ. И тогда страхъ мой ослѣпилъ меня на мгновеніе.. На мгновеніе я почувствовалъ себя во тьмѣ. И тутъ новый свѣтъ уже вѣчный. Тогда я опьянѣлъ отъ радости. Но теперь я усталъ. Однако радость бьется во всѣхъ моихъ жилахъ и скоро осилитъ усталость. Бьется и сомнѣніе... Не въ истинѣ, но въ учителѣ: въ силѣ его духа.

Лаура. Но меня-то ты любишь?

Луменъ. Больше жизни... Васъ двухъ я люблю больше жизни, двухъ сверхчеловѣчески прекрасныхъ дѣвъ, и я буду вашимъ мужемъ.

Лаура (*Вокочивъ*). Двухъ дѣвъ?

Луменъ. Тебя и истину.

Лаура (*Успокаиваясь*). А, ну съ нею я еще готова дѣлить тебя, Луменъ. Однако меня ты долженъ любить немножко больше.

Луменъ *улыбается, цѣлуетъ ее въ лобъ, молчитъ. (За сценой крики пѣніе, музыка).*

Лаура. Бѣжимъ туда!

Луменъ. О, нѣтъ! Они надоѣли мнѣ. Иди ты, помоги отцу вернуться. Съ нимъ ли Меркурій?

Лаура. Я думаю... Но мнѣ хочется видѣть пизанцевъ, которые провожали тебя (*Набрасываетъ вуаль на голову*). Пойду... Еще поцѣлую тебя!.. (*Цѣлуетъ его*). У тебя горитъ лобъ?.. Не заболѣй, ми-

лый... Это противная истина воспламенила тебя такъ своими ласками. Я освѣжу твой лобъ (*Машетъ надъ нимъ концами своего покрывала*). Вотъ такъ! Такъ... Иду, прощай... Все-таки ты—странный сегодня (*уходитъ*).

(*Справа входитъ Фидусъ, крадущимися медленными шагами подходитъ къ Лумену и кладетъ ему руку на плечо*).

Фидусъ. Луменъ!

Луменъ. А, другъ Фидусъ... Здорово!..

Фидусъ (*Сдерживая какую-то радость*). Луменъ, только мудрые могутъ овладѣть истиной?

Луменъ. Конечно.

Фидусъ. Ну, апостолъ Павелъ былъ иного мнѣнія и говорилъ, что истина достанется юродивымъ или что-то въ этомъ родѣ.

Луменъ. Это сказано объ истинѣ сердца.

Фидусъ. Развѣ истинъ много?

Луменъ. Ихъ двѣ: истина разума и истина сердца.

Фидусъ. Есть третья сестра, гораздо прекраснѣйшая.

Луменъ. Какая же?

Фидусъ. Истина-мощь. Мочь значитъ знать. Самый сильный волшебникъ обладаетъ этой истиной, и не благодаря знанію только, и не благодаря добродѣтели... но благодаря талисманамъ, не такъ ли?

Луменъ. Я не думаю этого.

Фидусъ. Ты лжешь, Луменъ! Ты исцѣлилъ нѣмую принцессу не знаніемъ, а панацеей (*Луменъ улыбается*).

Фидусъ. Можетъ ли истина-мощь стать удѣломъ малоумнаго?

Луменъ. Въ мощи нѣтъ еще истины.

Фидусъ. Она вся въ ней! Кто можетъ,—тотъ правъ, кто не можетъ,—тотъ ничто. Она вся въ мощи! И когда мощь принадлежитъ глупцу, онъ мудрѣе мудрѣйшихъ. Давидъ побѣдилъ Голіафа. Это потому, что у него была праща, разившая издали. Вы—Голіафы ума, а я—тщедушный Давидъ. Попробуйте сражаться безъ пращи, ибо пращу вашу Богъ отдалъ неразумному. Раскусика эту загадку. Прощай.

(*Хитро и зло улыбаясь, уходитъ. Луменъ равнодушно пожимаетъ плечами и вновь погружается въ задумчивость. Изъ дома выходитъ Меркурій*).

Луменъ (*Встаетъ и быстро идетъ къ нему съ протянутой рукой*). Другъ Меркурій! О, какъ я радъ, что вижу тебя, прежде учителя! Мнѣ такъ много надо разсказать тебѣ.

Меркурій (*Улыбаясь*). Да, ты хочешь похвастать твоими чудесами. Ты хочешь лишній разъ во всѣхъ подробностяхъ разсказать, какъ ты исцѣлилъ прекрасную Джулію Гамбакорта, онѣмѣвшую два года тому назадъ. Отчаяніе отца, недоумѣніе величайшихъ врачей. Твой тріумфъ.

Луменъ. Ахъ, если бы ты зналъ, что кроется подо всѣмъ этимъ! У меня кружится голова, когда я вновь думаю объ этомъ. Что я испыталъ, что я узналъ!.. Умоляю тебя, выслушай меня. Сотри съ лица твою вѣчную улыбку: вѣрь,—то, что я повѣдаю тебѣ, есть нѣчто торжественное и почти страшное.

Меркурій. Садись (*Показываетъ ему на кресло, самъ садится на свою скамью*). Я слушаю.

Луменъ (*Садясь*). Съ самаго начала—первое и уже страшное признаніе. Когда я наблюдалъ примѣненіе панацеи учителемъ, я обратилъ вниманіе на крайнюю настойчивость, съ какой онъ требовалъ абсолютной вѣры въ ея силу, какъ божественную. Ты помнишь, во всѣхъ неудачахъ,—а ихъ было немало,—учитель неизмѣнно ссылался на маловѣріе паціентовъ. И ты отчетливо вспоминаешь, вѣроятно, процедуру внушенія вѣры. Старецъ готовится къ ней долгимъ постомъ и усердной молитвой. Онъ преображается, когда приступаетъ къ паціенту. Онъ выпрямляется, молодѣетъ, глаза наполняются огнемъ, его походка пріобрѣтаетъ царственную важность, голосъ звучитъ глубоко и властно: весь онъ—воплощеніе вѣры въ себя, и когда онъ трижды говоритъ: „Вѣрь. Вѣришь ли?“ - колѣнопреклоненный больной дрожитъ отъ волненія.

Меркурій. Я хорошо знаю все это.

Луменъ. Но ты знаешь также, что самому магистру внушаетъ его вѣру въ панацею не столько подборъ спецій и священныя заклинанія, сколько изумительная палочка, обладающая таинственной силой сохранять жидкости отъ вліянія злыхъ духовъ? (*Меркурій, слегка улыбаясь, киваетъ головой*). Слушай же! (*Хватаетъ его за руку и наклоняется къ нему*). Слушай: я усомнился! (*Смотритъ на него широко раскрытыми глазами. Меркурій улыбается*). Моя голова горѣла. Я думалъ напряженно: что если палочка тутъ совершенно не при ѣмъ? Что если тутъ не при чемъ и самыя спе-

ціи? Вся панацея?!. Чудовищная, но геніальная мысль! (*Меркурій улыбается*).

Луменъ. Но дерзость моя пошла дальше, поддерживаемая рукою Господа, разумѣется. Я вспомнилъ святыхъ апостоловъ, исцѣлявшихъ рукоположеніемъ. И вотъ въ одну ночь... Когда я весь полонъ былъ самыхъ чудныхъ чувствъ, когда я вернулся со счастливаго свиданія и слушалъ ропотъ ручья тамъ, у Каменнаго Дѣда, который, весь освѣщенный луною, склонилъ надъ моей головой свою задумчивую гранитную массу... въ эту ночь, глядя на блѣдныя звѣзды и полную луну, трепеща до слезъ отъ полноты бытія, я, какъ часто со мной бываетъ, вернулся мыслью къ борьбѣ человѣка съ недугами. И вдругъ какимъ-то чудеснымъ способомъ, какимъ-то внезапнымъ откровеніемъ я понялъ все! Яркая мысль какъ бы пронзила всю мою душу: духъ, духъ, духъ исцѣляетъ! Да... Всѣ болѣзни суть слабости души,—душа сильная можетъ пробудить уснувшія силы больной души, и тогда вновь проникаются жизнью и члены тѣла... Да, это такъ! Я почувствовалъ, словно рука моя коснулась истины. Я видѣлъ, что Христосъ и святые улыбаются мнѣ въ блѣдномъ небѣ межъ звѣздами и шепчутъ подъ мелодію водъ великіе цѣлители-чудотворцы: „Такъ, это такъ“. Ахъ, какъ я былъ невыразимо счастливъ! Я обнималъ Истину, я ласкалъ ея священную грудь, цѣловалъ ея высокое чело, глядѣлся въ мудрыя очи ея! Я шепталъ: „Ты моя!“ Она протягивала мнѣ пьянящій кубокъ славы, неувядаемый вѣнецъ безсмертія былъ въ ея другой рукѣ. Она склонилась передо мною, какъ пе-

редъ побѣдителемъ своимъ, эта богиня, эта амазонка, отдающаяся лишь побѣдителямъ. Духъ, исцѣляя духъ, вылѣчиваетъ тѣло! Какъ просто, но какъ геніально! Это переворачиваетъ міръ. И когда я вспомнилъ о вавилонской палочкѣ и снадобьяхъ, и формулахъ,—я улыбнулся съ горделивой жалостью.

Меркурій. Ты былъ счастливъ. Но дальше?

Луменъ. Дальше?.. Самое дерзкое... Безумно мудрое... Ты знаешь, я, конечно, свято исполнилъ все духовное въ самоподготовкѣ и во внушеніи вѣры, ибо здѣсь учитель великъ,—онъ инстинктомъ предугадалъ, хотя и въ туманѣ, нынѣ открытую мною, Луменомъ, истину. Но вмѣсто панацеи я далъ Джуліи Гамбакорта... Ужаснись, обрадуйся, изумляйся, теряя разсудокъ... Простую воду! Да, да, да! И она исцѣлилась!.. (*Вскакиваетъ и лихорадочно ходитъ взадъ и впередъ. Меркурій улыбается*). Когда я, изнуренный постомъ, но весь движимый моею вѣрой, чувствуя себя прямымъ языкомъ пламени, пошелъ къ ней на площадь передъ соборомъ,—толпа ахала, иные склонялись: „Да благословитъ тебя мадонна и святой Лука!“—кричали мнѣ. Она стояла на колѣняхъ на коврѣ. По угламъ были зажжены четыре огромныя свѣчи. Епископъ, ея дядя, поднялъ крестъ, всѣ опустились на колѣни и запѣли: „Nune sumus testimones miraculi, nune adimonstratur omnipotentia domini!“ Я положилъ руку на ея мягкіе волосы, поднялъ къ себѣ смущенное и прекрасное лицо дѣвушки и сказалъ ей: „Crede, virgo, an credis?“ И второй разъ. И третій. За нее отвѣчала плачущая: мать „Credo, domine, adveni incredenziae

теае!“ И каждый разъ я въ самыя очи ея вливалъ вѣру мою. И потомъ безтрепетной рукой я далъ ей... не панацею, нѣтъ, а воду, которую вылилъ въ чашу изъ фіала! Дѣва выпила и смотрѣла на меня съ благоговѣніемъ. Я сказалъ „Да развяжется языкъ твой. Хвали Бога, исцѣлившаго тебя. Дѣвушка, говорю тебѣ: ты можешь глаголать и воспѣвать. Пой же во славу Господню!“ Она сдѣлала страшное усиліе, покачнулась. Мнѣ подумалось вдругъ, что она умретъ сейчасъ... И вотъ въ тишинѣ,—ибо словно пустыней стала Пиза,—прозвенѣлъ слабый, слабый голосокъ, пѣвшій: „Te Deum laudamus“. А дальше нечего разсказывать. Взрывъ общаго восторга и благодарности небу... Но это была вода, Меркурій, вода!.. Исцѣлилъ ея языкъ, духъ мой, а не панацея Супермедикуса!

Меркурій. Другъ мой, я давно не вѣрю въ панацею.

Луменъ. Ты?.. Но ты никогда не говорилъ объ этомъ.

Меркурій. Къ чему? Она исцѣляетъ многихъ.

Луменъ. Но это духъ исцѣляетъ.

Меркурій. Вѣра... Всякій ли духъ можетъ вѣрить, не опираясь на вавилонскую палочку?

Луменъ. Всякій прозрѣвшій.

Меркурій. Боюсь, не скоро еще всѣ слѣпые прозрѣютъ и нѣмые заговорятъ.

Луменъ. Сегодня же подѣлюсь съ учителемъ великимъ открытіемъ.

Меркурій. Да удержитъ тебя отъ того хоть простое человѣколюбіе. Ты убьешь его.

Луменъ. Неужели онъ такъ держится за шелуху, когда я даю ему алмазное зерно?

Меркурій. Во что хочешь ты превратить его жизнь? Его науку? Его подвигъ?

Луменъ. Но истина...

Меркурій. Что есть истина?

Луменъ. Вопросъ Пилата.

Меркурій. Оставшійся безъ отвѣта.

Луменъ. Духъ есть истина.

Меркурій. Кто это знаетъ?

Луменъ. Я!

Меркурій. Не дѣлай изъ своей истины меча для несогласныхъ съ тобой.

Луменъ. Что же, преклоняться мнѣ передъ вавилонской палочкой?

Меркурій. Оставь ее тому, чьей жизни она опора. Жди: ты молодъ, онъ очень старъ.

Луменъ. Онъ мудръ и пойметъ меня.

Меркурій. Знаешь ли ты исторію палочки? Нѣтъ? Такъ слушай же, ибо у магистра нѣтъ тайнъ отъ меня. Эта палочка принадлежала голландцу Рожеру Ванъ-деръ-Гиифту. Тайкомъ говорили о ней медики какъ о талисманѣ, объяснившемъ чудесный успѣхъ лѣченій Рожера. Тогда Порфирій поклялся добыть палочку всякой цѣной. Онъ былъ довольно богатъ. Онъ предлагалъ Рожеру золото, коней, одежды и камни, готовъ былъ продать свой домъ, все заложить, всю работу свою отдать на годы впередъ на откупъ евреямъ. Онъ бредилъ палочкой. Рыжій иностранецъ,—я еще помню его: онъ былъ тученъ съ висящимъ подбородкомъ, жадными и мутными гла-

зами,—рыжій голландецъ улыбался и говорилъ: „Этого еще недостаточно“. Въ одно утро онъ, наконецъ, открылъ свое ужасное условіе. Сластолюбецъ требовалъ къ себѣ жену Порфирія, красавицу Анну, мать твоей Лауры. Чудовище сказало при этомъ: „Она должна быть вся моя... И я предупреждаю тебя, что любовь моя жестока!“ Сперва Порфирій, конечно, возмутился. Онъ отвѣтилъ магу презрительнымъ взглядомъ и на нѣкоторое время пересталъ думать о палочкѣ. Но потомъ страстная мечта о ней превозмогла. Порфирій мучительно колебался. Наконецъ, онъ рѣшился все разсказать женѣ. Сначала онъ сдерживался, потомъ сталъ умолять ее, валялся въ ногахъ, потомъ сталъ съ ней грубъ, начались жалобы на женское себялюбіе и на собственное свое полное одиночество. Жизнь бѣдной женщины превратилась въ адъ. Порфирій блѣднѣлъ, худѣлъ, по ночамъ онъ бредилъ все той же палочкой. Тогда святая женщина пошла къ Рожеру... Семь сутокъ Порфирій бродилъ по улицамъ какъ тѣнь непогребеннаго, подъ утро седьмой ночи онъ нашелъ Анну, обнаженную, окровавленную, съ сумасшедшимъ ужасомъ въ глазахъ у двери своего дома. Вавилонская палочка была въ ея рукахъ. Она осталась у Порфирія. Но Анна, не проронивъ ни слова о томъ, что видѣла и пережила у изверга, исчезнувшаго куда-то безслѣдно съ деньгами Порфирія, умерла черезъ четыре дня... Теперь ты хочешь доказать, что палочка—простой кусочекъ бронзы? (*Лумен молчитъ, задумавшись*). Таи же свои сомнѣнія, свое невѣріе.

Лумен. О, сколько преступленій совершается

ради истины и мощи!.. И какъ часто вмѣсто истины обнимаютъ красиваго бѣса—иллюзію.

Меркурій. Не часто, а всегда.

Луменъ. Что ты говоришь?!

Меркурій. Другъ мой, я полагаю, что истина не для людей, если только вообще она существуетъ, и не есть простой flatus vocis, имя для вещи иллюзорной. Всѣ наши истины лишь временно-благіе обманы, нужные жизни. Когда они перестаютъ быть нужными ей, дряхлѣютъ, когда растущій человѣкъ перерастаетъ, на смѣну приходитъ новый обманъ, привѣтствуемый какъ новая истина. У всякаго обмана лицо правды, у всякой правды спина обмана.

Луменъ. Безотрадный скептицизмъ, который ты скрывалъ отъ меня. Но меня ты не заразишь имъ, ибо я знаю истину и провѣрилъ ее опытомъ.

Меркурій. И Порфирій провѣрилъ свою. Не будемъ спорить. Дѣйствуй, конечно, по-своему. Лѣчи согласно твоей новой истинѣ... но не говори о твоемъ невѣріи старику.

Луменъ. Но какъ могу я умолчать о вѣрѣ, о новой вѣрѣ моей?!

Меркурій. Неужели тебѣ такъ трудно не показать ея торжества надъ старой вѣрой учителя? Оставь его, пока онъ живъ, ворожить на свѣтѣ. Онъ приноситъ мало вреда, гораздо больше пользы, увѣряю тебя.

(*Въ домѣ раздаются пронзительные крики смятенія и ужаса*).

Лаура (*Выбѣгая изъ дверей дома*). Меркурій! Луменъ! Идите, бѣгите! Какое ужасное несчастье!..

Меркурій. Неужели магистеру нехорошо?

Лаура. О, очень!

Луменъ. Бѣдный старикъ!.. Бѣжимъ скорѣе!

(*Изъ двери дома выходитъ Порфирій. Онъ всклокоченъ и взбѣшенъ*).

Порфирій. Мои мальчики, мои дѣти! Бѣгите, ищите, хватайте! Они украли у меня палочку! Вавилонскую палочку! Мою жизнь, мою силу, мое счастье! Ея нѣтъ, нѣтъ!.. Она исчезла вмѣстѣ со шкатулкой Лауры!.. (*Бросается въ кресло и ломаетъ руки*). О, я несчастный! Слышите вы? Палочки нѣтъ!.. Нѣтъ больше панацеи и нѣтъ исцѣленій!.. Теперь Кокдриллокефалъ, Каккачьо, Родобрахій и другіе демоны погубятъ меня... Они отомстятъ мнѣ за долгіе годы моего могущества надъ ними... Гдѣ теперь слава Супермедикуса? Мнѣ остается умереть поскорѣе, ибо ни одно исцѣленіе не удастся мнѣ больше!

Лаура. О, не говорите такихъ страшныхъ вещей, баббо!.. Другіе же лѣчатъ и безъ палочки. Не у всякаго медика есть палочка.

Порфирій. Ея нѣтъ ни у кого, кромѣ моего вора, но зато на свѣтѣ нѣтъ ни одного хорошаго медика, кромѣ меня, а теперь нѣтъ больше и меня. Вся медицина — дымъ безъ палочки... шарлатанство, гаданія, гипотезы, толканіе въ потемкахъ, поиски ощупью. О, моя палочка, путеводный посохъ мой!.. (*Плачетъ*).

Луменъ (*рѣшительно и не обращая вниманія на Меркурія, съ видомъ торжественнымъ выступаетъ впередъ*). Утѣшься, почтенный старецъ, утѣшься въ своей потерѣ. Слушай меня, почти уже сына твоего по плоти, давно сына по духу,—я скажу

тебѣ нѣчто, что сразу остановитъ потоки твоихъ слезъ.

Порфирій. Ты знаешь, гдѣ палочка?

Луменъ. Нѣтъ, но я знаю нѣчто еще болѣе важное.

Порфирій. Что можетъ быть важнѣе?

Луменъ. Я исцѣлилъ твоею силою, мудростью, добродѣтелью дочь синьора Гамбакорта, князя Пизанскаго...

Порфирій. Палочка, палочка исцѣлила ее.

Луменъ. Нѣтъ. Говорю тебѣ: нѣтъ!.. Ибо я не давалъ ей выпить панацеи.

Порфирій. Отчего же она заговорила?

Луменъ (*Раздѣльно*). Я не давалъ ей твоей панецеи!

Порфирій (*Раскрываетъ ротъ и долгимъ тупымъ взоромъ смотритъ на Лумена*). Что же ты далъ ей?

Луменъ. Она исцѣлилась силою твоего духа, преподаннаго ей мною. Я выполнилъ всѣ духовныя твои предписанія, но я далъ ей простой воды. Ты видишь, палочка тутъ не при чемъ. Истинно, истинно говорю тебѣ: исцѣляетъ духъ, то, что ты называешь самоподготовкой и внушеніемъ вѣры. Это исцѣляетъ, въ этомъ твое огромное открытіе, этимъ великъ ты, ты можешь отбросить вавилонскую палочку, какъ выздоровѣвшій отбрасываетъ костыль, и ты увидишь, что попрежнему будешь преуспѣвать и безъ нея.

(*Порфирій слушаетъ съ изумленіемъ и растущимъ безпокойствомъ, Лаура съ надеждой. Меркурій отошелъ въ сторону, улыбается*).

(*Пауза*).

Порфирій. Что ты несешь? Что ты несешь, мальчикъ?

Луменъ. Истинно говорю тебѣ: вавилонская палочка—обманъ, это не болѣе, какъ кусочекъ металла.

Порфирій *(Неожиданно поднимается съ кресла и ударяетъ его костылемъ)*. На, получай! Негодный гусенокъ! А, несчастнѣйшее насѣкомое, палочка не свята больше въ твоихъ глазахъ! А, въ ней ошибался самъ пророкъ Даніилъ и цѣлый рядъ жрецовъ Вавилона, Персіи, Пальмиры и жрецы Magnae Matris, и философы Порфирій и Проклъ, и епископъ Каликстъ, архидіаконъ Григорій, Бенъ-Омри и Даудъ бенъ-Сегаль-каббалистъ, Альбертъ великій и Рожеръ ванъ-деръ-Гиифтъ, всѣ ошибались, ошибся и я, старый дуракъ, Порфирій Супермедикусъ, только ты, только ты, желторотый цыпленокъ, сынъ курицы отъ стервятника, только ты разгадалъ истину, ты, грибъ, не сравнявшійся еще съ землею, но уже червивый, ты, вошь, воспитавшаяся во власахъ моей почтенной брады, ты, мозоль на подошвѣ науки... Ты!.. Ты!..

Меркурій. Не сердись, магистеръ! Ты знаешь, что стѣнки твоего желчнаго пузыря...

Порфирій. Къ чорту мой пузырь! Пусть лопнетъ мой пузырь, пусть желчь моя зальетъ міръ, пусть въ ней захлебнутся неблагодарные ученики! Онъ далъ воды Гамбакортѣ, и она заговорила. Слушайте его, слушайте его, облака, деревья, мои травы, муравьи и мотыльки, слушайте его, ангелы и демоны, окружающіе насъ въ сей часъ, слушайте его и хохочите! Онъ хочетъ, чтобы мы всѣ повѣрили, что нѣмая можетъ заговорить, вы-

пивъ стаканъ воды! О, раздувшаяся водяная крыса, о новый Фалесъ, безсмысленный пѣвецъ водъ, да пошлетъ тебѣ Господь водянку, да захлебнешься ты водою на зарѣ дней!.. Вода, вода!..

Луменъ. Я сказалъ: духъ.

Порфирій. А, духъ! Такъ ты исцѣляешь духомъ, да? При помощи духа? Какого? А не хочешь ли ты на костеръ за это, мой милый чернокнижникъ? Мы знаемъ, чѣмъ пахнутъ эти духовныя исцѣленія,—духомъ зловоннаго козла, смраднымъ духомъ устъ Авадонны. Повтори еще объ исцѣляющемъ духѣ, и мы всей коллегіей потащимъ тебя къ епископу.

Лаура. Баббо, баббо! (*Плачетъ*). Вѣдь это Луменъ, Луменъ, который хочетъ вамъ добра, любитъ васъ, потому что любитъ меня!

Порфирій. Прочь, кукла!.. Для тебя ничто, что онъ позоритъ палочку отца, изрекаетъ хулу на палочку. Это ничто для тебя! Тебѣ важны поцѣлуи, охи, серенады, лунныя ночи, молодость, любовь, свадьба, бракъ, дѣти... Всякая ерунда важна тебѣ, но цѣнностей истинно-важныхъ ты не знаешь. Что такое тебѣ палочка? Я отдалъ за нее все, мое счастье отдалъ я за нее, отдалъ такую любовь, какой и сотая часть не вмѣстилась бы въ десять трухлявыхъ сердецъ Луменовъ, если придать къ нимъ еще и печень, и селезенку, и прочія intestines.—А ты наоборотъ, ты отдала бы за сладкій поцѣлуй, за такъ-называемое счастье и отца, и честь, и Бога, ты бы и палочку отдала, чтобы выскочить за любимаго молокососа, скудоумная дѣвчонка! Развѣ женщины способны на серьезность? Молчи же, цесарка! Что касается

тебя, хулитель, ругатель, духоисцѣляющій обманщикъ, еретикъ, сатанослужитель, дьявололобызатель, адосвященникъ и бѣсоврачъ, то я проклинаю тебя отнынѣ и навѣки и гоню тебя вонъ изъ моего дома!

(*Раздается энергичный стукъ въ калитку*).

Меркурій. Учитель, кто-то пришелъ къ тебѣ.

Порфирій. Всѣхъ къ чорту! Никого не хочу видѣть. Ничего не хочу, кромѣ вавилонской палочки.

Меркурій (*открывая калитку и выглядывая въ переулокъ*). Ба, люди синьора подеста привели Фидуса.

(*Въ калитку входятъ два рослыхъ парня въ латахъ. Они ведутъ Фидуса за плечи*).

Первый стражникъ. Великій Супермедикусъ! Мы нашли твоего ученика въ то время, какъ онъ, размахивая какимъ-то волшебнымъ жезломъ передъ зѣваками предмѣстья, хвасталъ, что съ жезломъ этимъ къ нему перешла вся твоя премудрость. Мы подумали, не укралъ ли онъ твою премудрость. И, разсудивъ, что—это воровство, какъ всякое другое, ибо ты живешь своей премудрэстью какъ портной портняжествомъ и волшебный жезлъ для тебя то же, что шило для сапожника,—взяли молодчика и привели его сюда.

Фидусъ (*падая на колѣни передъ Супермедикусомъ*). Прости меня, учитель... Я укралъ палочку, ибо я знаю, что въ ней истина, мощь, здоровье, богатство, молодость, красота... Учитель... ты не любилъ меня... Я видѣлъ, что палочка никогда не будетъ моей... Потому укралъ. Суди меня Богъ.

Я заслужилъ тысячу лѣтъ чистилища, но я съ ума сошелъ... О, я готовъ былъ разбить твою голову, если бы я думалъ, что ты въ своемъ черепѣ прячешь вавилонскую палочку!

Порфирій. Гдѣ она?

Фидусъ. Вотъ... Возьми (*Отдаетъ ему палочку*). Прости меня!

Порфирій. Сынъ мой, милый сынъ мой... Мнѣ ли прощать тебя?.. Смотри, Меркурій, смотри, Лаура, всѣ смотрите,—онъ возвращаетъ мнѣ палочку... И вѣру мою въ нее. Такъ ты готовъ былъ убить меня, дорогой мальчикъ, только бы добыть палочку?

Фидусъ. О, дорогой учитель, казни меня, но это такъ: лучше сказать всю правду.

Порфирій. О, благородная душа, одержимая жаждой истины!

Фидусъ. Я подслушивалъ, подсматривалъ, притаившись за угломъ или у двери...

Порфирій. О, мой красавчикъ!..

Фидусъ. Сколько разъ я видѣлъ, какъ ты по ночамъ мѣшалъ надъ огнемъ ею въ своихъ котлахъ и тигляхъ!.. Я едва удерживался, чтобы не прыгнуть на тебя изъ темнаго угла какъ звѣрь и не сдавить моими пальцами твою тощую старую шею.

Порфирій. Такъ, такъ, мой сынъ.

Фидусъ. Я готовъ былъ изнасиловать Лауру, чтобы заставить тебя отдать мнѣ ее, а съ нею палочку... Потому что привлечь дѣвушку красотою или любезностями я не умѣлъ...

Порфирій. Такъ ты хотѣлъ изнасиловать ее ради палочки? Такъ любилъ ее?

Фидусъ. Всѣмъ помышленіемъ любилъ.

Порфирій. Твоя любовь будетъ награждена: ты получишь ее. Ты получишь палочку. Ты получишь также и дочь мою.

Меркурій. Магистеръ, опомнись!..

Порфирій. Молчи! Я знаю, что дѣлаю. Боже, кажется, и этотъ врагъ мой! (*Показываетъ пальцемъ на Лумена*). Кажется, и этотъ блѣдноликій отцеубійца, этотъ песъ, кусающій руку хозяина, хочетъ заговорить! Нѣтъ, вонъ, вонъ, я не потерплю больше тебя въ моемъ домѣ!

Лаура. Я не вѣрю своимъ ушамъ, баббо (*Рыдаетъ*).

Порфирій. Повѣришь. А не повѣришь ушамъ,— повѣришь свидѣтельству другихъ чувствъ, ибо сей достойный юноша въ кратчайшій срокъ станетъ твоимъ мужемъ. Милый Фидусъ, поведи этихъ нашихъ друзей, людей синьора подставъ кухню и дай имъ добраго вина. И не кручинься, мальчикъ. Ибо ты достойный ученикъ своего учителя. Дай я поцѣлую тебя!

(*Порфирій и Фидусъ цѣлуются, потомъ Фидусъ уходитъ со стражей. Лаура плачетъ*).

Порфирій. Не хныкать, кукла! Ты будешь счастлива съ нимъ, какъ твоя мать была счастлива со мной. Пойдемъ, пойдемъ... Я не оставлю тебя ни на минуту съ этимъ водянымъ прыщемъ, съ этимъ гороховымъ духомъ раздутаго чрева... Пойдемъ, пойдемъ!

(*Уходитъ, таща за собой Лауру*).

Пауза.

(*Лумень ошеломленъ и не можетъ придти въ себя*).

Меркурій. Видишь, что вышло.

Луменъ. О, ужасъ! (*Пауза*). Но пусть будетъ такъ! Пусть и эта великая жертва во имя истины. Пусть я буду мученикомъ истины, но я понесу ее по всему свѣту, ее, мою святую истину: духъ исцѣляетъ! Всѣ болѣзни тѣла суть слабость души, и сильная душа можетъ, пробудивъ душу ослабѣвшую, исцѣлить тѣло. Пусть я страдаю, но нѣтъ больше суевѣрій, и нѣтъ больше недуговъ... Скоро заговорятъ повсюду о великомъ Луменѣ, спасителѣ человѣковъ!

Меркурій (*улыбаясь*). Ты въ экстазѣ. Ты полубезуменъ, Луменъ. Успокойся. Послушай моей продуманной рѣчи. Ибо я много размышлялъ надъ истиной. Твоя истина, навѣрное,—лишь новое заблужденіе. Хочу вѣрить, что и оно принесетъ свою пользу. Научись же, наконецъ: истины нѣтъ,—есть лишь взгляды на вещи и на соотношенія вещей. И во взглядахъ этихъ, какъ показываютъ дальнѣйшія изслѣдованія, доля заблужденія всегда значительно перевѣшиваетъ то, что мы называемъ правдой и что въ сущности есть лишь болѣе прочное заблужденіе, не опровергнутое еще до нынѣшняго дня. Но если хочешь,—всякую ошибку можно назвать истиной, пока она служитъ хорошимъ оружіемъ въ рукахъ человѣка, борющагося съ міромъ за свое счастье. Но, Боже мой, какъ скорбна исторія истинъ до сихъ поръ! Бѣдные люди! Сколько жертвъ приносятъ они, какъ ненавидятъ другъ друга, крича: „Истина моя, нѣтъ моя“ и поражая другъ друга огнемъ и мечемъ. Когда-нибудь однако люди поймутъ, что тотъ родъ истины, который присущъ намъ, людямъ, доказываетъ себя лишь плодами:

приносящее плодъ — истинно, а когда усыхаетъ, становится безплоднымъ заблужденіемъ. Такова истина объ истинѣ. Ты, можетъ быть, найдешь ее печальной: я считаю ее единственно точной и, право же, утѣшительной. Когда люди поймутъ ее, они станутъ терпимѣе другъ къ другу и жизнь будетъ сноснѣе. Потухнетъ пламя познавательной ненависти, во имя которой злобно сталкиваются народы, секты, школы...

Луменъ. Но истина, которую я завоевалъ, вѣчна и непреложна, она незыблема, какъ земля среди вращающихся сферъ!

(*Меркурій улыбается*).

И ты не смѣешь улыбаться передъ лицомъ ея, моей истины, ради которой я принесъ столько жертвъ, изъ-за которой я теперь одинокій нищій!

(*Меркурій улыбается*).

Слышишь,—не смѣй улыбаться!.. Хамъ, непочтительный сынъ науки! Ты не вѣришь въ истину, ты думаешь, что самъ Богъ лжецъ, а человѣкъ осужденъ на вѣчное заблужденіе? Какое ненавистное ученіе! Если ты не перестанешь смѣяться, я ударю тебя!

Меркурій. Такъ. Новая истина родилась... (*Поворачивается къ нему спиной и уходитъ, громко смѣясь*).

Луменъ (*быстро и гордо подходя къ авансценѣ*). Истина моя! Я держу ее! Слышите вы всѣ! Истина—въ моей груди!

(*За сценой слышенъ смѣхъ Меркурія*).

Занавѣсъ.

Три путника и Оно.

Комедія въ 1-мъ дѣйствіи.

Лица:

Таинственное видѣніе.

Баронъ Іеронимусъ фонъ - Эйленгаузенъ, путешественникъ въ дормёзѣ, философъ.

Геръ Вальтеръ Фогельштернъ, путешественникъ верхомъ, поэтъ.

Ганцъ Гардтъ, путешественникъ пѣшкомъ, горный мастеръ.

Дворецкій графини Ады фонъ-Шлоссъ-амъ-Флуссъ.

Слуги.

Дѣйствіе происходитъ въ 1817 году въ садовомъ домѣ при замкѣ Шлоссъ-амъ-Флуссъ, въ Вюртембергѣ.

Декорація представляетъ обширную комнату, меблированную въ духѣ empire. Задняя стѣна-рама—съ желтой занавѣсью, скользящей по мѣдной проволокѣ. Посрединѣ рамы стеклянная дверь. Ночь. Въ широкія стекла видна тьма. Слышенъ шумъ дождя. Когда вспыхиваетъ молнія, вырисовываются черные силуэты кустарниковъ и подстриженныхъ деревьевъ. Отъ времени до времени громъ.

Въ комнатѣ направо горитъ большой огонь въ каминѣ. У лѣвой стѣны симметрично стоятъ три постели, отдѣленныя одна отъ другой ночными столиками. По сторонамъ стеклянной двери двѣ классическія статуэтки, копіи съ произведеній Торвальдсена. У камина три кресла и столъ. За каминомъ въ углу кушетка, заставленная желтой ширмой. Горитъ люстра о шести свѣчахъ и двусвѣчникѣ на столѣ. Слуга въ ливреѣ приготовляетъ одну изъ постелей.

Входятъ дворецкій и баронъ. Баронъ въ широкомъ черномъ плащѣ съ огромнымъ воротомъ и тальмой. На головѣ непомѣрно высокій, по тогдашней модѣ мохнатый цилиндръ раструбомъ. Онъ сбрасываетъ на руки дворецкому свою шинель и остается въ сѣромъ фракѣ и узкихъ черныхъ брюкахъ со штрипками. Шея его въ высокомъ галстухѣ, не слишкомъ накрахмаленномъ, по-дорожному. Манишка и манжеты украшены кружевами. Онъ слегка лысоватъ спереди, сѣроглазъ, костлявъ лицомъ и фигурой. Бритъ, небольшіе бакенбарды. Снимаетъ перчатки съ бѣлыхъ рукъ, унизанныхъ кольцами.

Баронъ. Здѣсь хорошо... Поблагодарите графиню. Еще разъ попросите извинить за безпокойство. Льщу себя надеждой завтра вновь увидать ея сіятельство и уже совершенно выразительно принести къ ея ногамъ дань моего уваженія и признательности.

Дворецкій *кланяется. Слуга барона въ это время вноситъ вмѣстѣ съ кучеромъ баулъ и саквояжъ.*

Баронъ. Мои вещи. Поставьте ихъ здѣсь (*Указываетъ на авансцену около первой кровати. Слуги ставятъ вещи и удаляются*).

Дворецкій. Сейчасъ принесутъ горячую воду, ромъ, сахаръ, вино и лимоны... Господинъ баронъ отказывается рѣшительно отъ закуски?

Баронъ. Рѣшительно... Уже десять часовъ вечера. Могу ли затруднять...

Дворецкій. Господинъ баронъ, простите, что я имѣю смѣлость перебить васъ: никакого затрудненія,— яичница, кофе, холодная пулярдка...

Баронъ. Нѣтъ, нѣтъ... Стаканъ пунша и.. мягкая постель (*Улыбается*).

Дворецкій. Не смѣю настаивать. Угодно будетъ господину барону приказать что-нибудь?

Баронъ. Пришлите мнѣ моего слугу. Ничего болѣе (*Дворецкій и слуга графини уходятъ*).

Тепло, свѣтло... (*Садится у камина и протягивается*). Я ощущаю bien être. Что за очаровательная женщина эта графиня!.. Я видалъ ее еще дѣвушкой въ Мюнхенѣ при королевскомъ дворѣ. Тогда это были одни обѣщанія... Одни милыя обѣщанія... Вдовой она предстала предо мной сегодня какъ пышное выполненіе. Вечеромъ, при шанделяхъ она выглядитъ женщиной Ренессан-

са... Екатерина Корнаро (*Протягиваетъ ноги въ изящныхъ ботинкахъ къ окну*). И глаза!.. Ласковые и немножко насмѣшливые... И un français tout à fait Parisien! Манеры... Charmante! Совѣтнику Миквицу Гете сказалъ о ней: „Это Порція“ и прибавилъ по-итальянски: „Una porzioncella bristante per far felice un dio. Но свинцовый ящикъ остается неоткрытымъ! (*Задумывается*). Быть-можетъ, мнѣ слѣдуетъ остаться здѣсь?.. Не надолго?.. (*Напыщенно*). О, жажда неизвѣданнаго, влекущая меня впередъ и впередъ, о, безпокойный демонъ тоски по познанію, поселившійся въ груди моей! Это ты, щелкая бичемъ, погоняешь мою четверку коней и трубишь меланхолически въ рожокъ почтальона. Между тѣмъ привѣтливо встрѣчаютъ молодого путника города и замки и грустно провожаютъ его, не сумѣвъ остановить его порыва. Впередъ, впередъ, новый Агасферъ! Иди, иди, ты нигдѣ не пустишь корня... ибо не дано тебѣ процвѣсти на землѣ... Ты лишь облетишь ее на крыльяхъ любознательности, чтобы памятью о ней обогатить, быть-можетъ, твое пребываніе въ иномъ мірѣ... Гдѣ же пуншъ?

(*Дворецкій входитъ съ подносомъ, заставленнымъ всѣмъ необходимымъ для пунша. За нимъ идетъ слуга барона*).

Баронъ. Какъ вы несли это въ дождь?

Дворецкій. Господинъ баронъ не замѣтилъ, что широкая кровля прикрываетъ фасадъ садоваго домика, а дальше до самаго крыльца замка мы имѣемъ густую аллею липъ. Земля подъ ними едва сыра.

(*Дворецкій разставляетъ все передъ барономъ*).

Баронъ. Благодарю васъ. Я самъ приготовлю пуншъ. Іоганнъ, раскройте мой чемоданъ и выньте „Философію тождества“. (*Іоганнъ возится съ чемоданомъ*). Громъ и молнія не прекращаются. Надѣюсь, они не будутъ мѣшать мнѣ спать... Въ противномъ случаѣ я буду читать.

Дворецкій. Быть-можетъ, баронъ пожелаетъ французскій романъ? Или что-нибудь Жанъ Поля?

Баронъ. Благодарю, я предпочитаю философію.

(*Дворецкій почтительно кланяется. Іоганнъ подаетъ барону книгу*).

Баронъ. Вы можете идти, Іоганнъ. Вы не нужны мнѣ больше.

(*Дворецкій и Іоганнъ кланяются и уходятъ*).

Баронъ. Ночь, молнія, одиночество... Огонь... Пуншъ... Шеллингъ... И воспоминаніе объ этой швабской Порціи... Графиня Ада! Прелестное имя... Мнѣ кажется, что она Аделаида... Но это итальянское сокращеніе мило и романтично... Она, конечно, читаетъ Шатобріана... О, сладкій чародѣй, сколько новыхъ струнъ зазвучало въ женской душѣ подъ твоими колдовскими пальцами!.. (*Пьетъ пуншъ и раскрываетъ книгу*). Шеллингъ, Шеллингъ! Твой бурный геній почти въ глаза глядитъ невѣдомому, но и онъ изнемогаетъ... О, Шеллингъ, атлетъ мысли, я не вѣрю твоему откровенію... Ноуменъ, великій Ноуменъ опутанъ узорнымъ плащемъ видимостей... Кто пойметъ суть становленія? О, бѣдный разумъ человѣческій, великій лишь великостью жажды!.. Но довольно мнѣ оглашать пустынный воздухъ сими жалобами, колеблющими лишь пламя шанделей. Влага, соединя-

ющая элементы, освѣжи грудь и воспламени мысль... Шеллингъ, я встрѣчаю тебя съ отточенной шпагой моей критической мысли (*Погружается въ чтеніе*).

(*Молнія. Черезъ окно видно, какъ по саду проходитъ дворецкій, а за нимъ закутанная въ плащъ фигура. Стукъ въ дверь*).

Баронъ (*Медленно поднимая голову отъ книги*). Войдите.

(*Дворецкій и незнакомецъ входятъ*).

Дворецкій. Прошу прощенія отъ имени ея сіятельства: путешественникъ, котораго вы видите, господинъ баронъ, проситъ гостепріимства... Графиня увѣрена, что вы не посѣтуете на нее, ибо высокородный господинъ, котораго вы видите,—поэтъ (*Кланяется*).

Баронъ. Любимецъ музъ, добро пожаловать! (*Встаетъ, кланяется*).

(*Фогельштернъ сбрасываетъ на руку дворецкаго свою мокрую шинель. Онъ остается въ голубомъ фракѣ, лосиныхъ штанахъ и высокихъ сапогахъ, забрызганныхъ грязью, со шпорами. Онъ снимаетъ также высокую широкополую шляпу. Это очень бѣлокурый юноша, слегка пухлый, съ широко раскрытыми глазами*).

Фогельштернъ. Позвольте представиться: скромный житель подножія Парнаса Вальтеръ Фогельштернъ...

Баронъ. Духовный потомокъ Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде? (*Оба кланяются*). Я — баронъ Гіеронимусъ фонъ - Эйленгаузенъ, философъ, дилеттантъ, авторъ трактата „Таинственное

какъ естественная и непреложная граница познаванія“ (*Кланяется*).

Фогельштернъ (*Кланяясь*). Чувствую себя несчастнымъ и пристыженнымъ, что не имѣлъ счастья читать вашъ глубокомысленный трудъ. Я также опубликовалъ книжку „На колѣняхъ. Пѣсни и молитвы кроткаго сердца“.

Баронъ (*Кланяясь*). Прекрасное заглавіе, навѣрное, чудныхъ строфъ... Сядемъ (*Дворецкому*). Можете идти (*Дворецкій кланяется и уходитъ*). Желаете пуншу, господинъ Фогельштернъ?

Фогельштернъ. Буду тронутъ вашей любезностью, господинъ баронъ.

Баронъ (*Готовя пуншъ*). Что сказалъ веймарскій полубогъ о вашихъ трудахъ?

Фогельштернъ. Онъ сказалъ: „Это молодой евнухъ“.

Баронъ (*Взглядываетъ на него удивленно*). Странный отзывъ, однако!

Фогельштернъ Справедливый, проницательный, лестный. Я—дѣвственнъ тѣломъ и душою, баронъ. Господь можетъ поручить мнѣ гаремъ своихъ красотокъ, не страшась за ихъ неприкосновенность. На колѣняхъ, баронъ, всегда издали, робко и на колѣняхъ. Послѣ отзыва тайнаго совѣтника и Юпитера поэзіи я послалъ ему такой сонетъ:

Не распаляемый страстями
Я бѣлоснѣжною чалмой
Склоняюсь передъ красотами
Твоихъ гаремовъ, Боже мой!

Шепчу хвалы, любуюсь пляской.
Все чисто—чистому: ихъ жестъ
Порывы, линіи и краски
Меня чарують, но невѣстъ
Твоихъ твой евнухъ даже въ грезахъ,
О, Боже, страстью не сквернилъ:
Какъ соловей въ душистыхъ розахъ
Пою, зане меня плѣнилъ
Твой чистый ликъ въ ихъ жаркихъ позахъ,
Игра твоихъ священныхъ силъ!
(*Кланяется*).

Баронъ. И что сказалъ Гёте?

Фогельштернъ. Онъ пожалъ плечами.

Баронъ. Ваши стихи прелестны.

Фогельштернъ (*Кланяется, садится и пьетъ пуншъ*). Боги Греціи называли этотъ напитокъ нектаромъ.

Баронъ. Вы помните Шиллерову пѣсню о пуншѣ?

Фогельштернъ. Божественныя строфы! Но я тоже написалъ пѣсню о немъ.

Баронъ. О, я прошу васъ...

Фогельштернъ Минутку (*Прижимаетъ пальцы къ своему лбу*). Вспомнилъ... Всего три строфы.

Аполлонова ручья
Воду трезвую сливаю
Съ Діониса влагой, чья
Мощь къ потерянному раю
Намъ откроетъ тайный путь.
Смертный, пей и богомъ будь!
Недовольство, кислоту

Недозрѣлаго лимона
Къ сладкимъ каплямъ я причту,
Равнымъ меду Геликона—
Каплямъ сахарныхъ утѣхъ.
Смертный, пей! Да снидетъ смѣхъ!
Смѣхъ, который въ хороводъ
Сочетаетъ пламя, рьяность,
Грезу съ болью, отцтъ и медъ,
Трезвость и святую пьяность.
Смертный, пей и богомъ будь:
Въ рай открытъ нетвердый путь!

Баронъ. Фамозъ! Еще что-нибудь.

Фогельштернъ (*Въ возбужденіи*). Охотно. Теперь нѣчто нѣсколько юмористическое.

Не страшася судьбы Актеона,
Затаивши дыханье, приникъ—
И смотрю я на бѣлое лоно
Сквозь колеблемый вѣтромъ тростникъ.
Артемида во влагѣ кипучей
Не Киприда ты—ты холодна,
И въ душѣ моей Эросъ могучій
Обезсиленъ—въ ней ясность одна.
Лишь эстетика—бѣлая дѣва—
Какъ чистѣйшая дѣва чиста,
Не страшась Артемидина гнѣва,
Созерцаетъ ее изъ куста...
Не пугай, Артемида, рогами,
И собаки пусть смирно лежатъ:
Лишь нечистый терзаемъ страстями,
Можетъ быть лишь ревнивецъ рогатъ!

Баронъ (*Хохоча и апплодируя*). Прелестно!.. До-

стойно Виланда, Ронсара, Парни. Позвольте пожать вамъ руку.

(*Фогельштернъ, скромный и польщенный, протягиваетъ ему руку*).

Баронъ. Но знаете, къ этой ночи тамъ, за окномъ, молніи и грому ваши милые стихи являются панданомъ по контрасту. Какой милый вечеръ!

(*Входитъ дворецкій*).

Дворецкій (*Начинаетъ говорить еще едва пріотворивъ дверь*). Высокородные господа, я очень, очень прошу извиненія... вѣрнѣе—ея сіятельство графиня проситъ извиненія; всѣ свободныя мѣста въ замкѣ заняты,—здѣсь же, какъ высокородные господа замѣчаютъ, есть третья кровать...

Баронъ. Третій путникъ? Добро пожаловать.

Дворецкій. Трудность заключается въ томъ, что это странствующій подмастерье... т.-е., собственно, онъ горный мастеръ. Еще молодой человѣкъ... Чрезвычайно симпатичной наружности. Я совѣтовалъ графинѣ отправить его въ людскую, но... она этого весьма рѣшительно не пожелала.

(*Стукъ въ дверь. Затѣмъ она растворяется, и на порогѣ стоитъ Гансъ Гардтъ. Широкая шляпа на затылкѣ, кожаная куртка, красный вязаный шарфъ съ длинными концами, кожаные штаны, грубые вязаные чулки сине-сѣраго цвѣта и башмаки на гвоздяхъ, подвязанные ремнями до колѣнъ. Въ рукахъ у него суковатая палка, за плечами огромный ранецъ. Лицо веселое, открытое, небольшіе рыжеватые усы и борода, высокій лобъ, правильныя дуги черныхъ бровей, живые аріе глаза. Фигура сильная, нѣсколько коренастая*).

Ганцъ Гардтъ. Прозитъ!

Баронъ (*Не вставая*). Пожалуйте... Не стѣсняйтесь... Будьте какъ дома. Мы здѣсь всѣ въ пути и безъ чиновъ.

Ганцъ Гардтъ. Господинъ дворецкій, барыня обѣщала мнѣ яичницу съ сосисками, — тащите ее... И побольше хлѣба!.. Почтенные господа не откажутъ мнѣ въ стаканѣ пунша.

(*Сбрасываетъ ранецъ на столъ у третьей кровати, кладетъ на него шляпу и палку*).

Ганцъ Гардтъ. Съ позволенія честной компаніи.

(*Снимаетъ шарфъ и кожаную куртку, остается въ красной фуфайкѣ, съ ременнымъ поясомъ, туго подвязывающимъ его штаны. Подходитъ къ столу, потирая руки, и молча готовитъ себѣ пуншъ. Баронъ и поэтъ нѣсколько шокированы. Дворецкій за спиной Гарта укоризненно покачиваетъ головой.*

Ганцъ Гардтъ (*Не оглядываясь*). Такъ, значитъ, яичницу съ сосисками и побольше хлѣба.

(*Придвигаетъ стулъ и садится къ столу. Дворецкій уходитъ*).

Ганцъ Гардтъ (*Поднимая стаканъ*). Прозитъ.

(*Съ нимъ чокаются неособенно охотно*).

Гансъ Гардтъ. Дьявольская ночь! А я иду пѣшкомъ. Спасаетъ кожа куртки, а иначе должна бы отвѣчать собственная кожа.

Баронъ. Вы рабочій?

Гансъ Гардтъ. Я—горный мастеръ съ вашего позволенія. А вы, бьюсь объ закладъ,—туристъ для собственнаго удовольствія.

Баронъ. Вы угадали. Вы идете въ гарцкіе рудники?

Гансъ Гардтъ. Именно... (*Фогельштерну*). А молодой господинъ ѣдетъ къ невѣстѣ.

Фогельштернъ. Я? О, нѣтъ... Моя невѣста со мною.

Баронъ. Его муза.

Ганцъ Гардтъ. Ба, ба!.. Поэтъ.

(*Слуга вноситъ блюдо и ставитъ передъ Гансомъ*).

Ганцъ Гардтъ. Поэтъ... такъ... Не хотите ли сосисекъ?

Фогельштернъ. О, нѣтъ... Впрочемъ одну...

Баронъ. Одну возьму и я.

Ганцъ Гардтъ. Чудесно! Щедротъ графини хватитъ на всѣхъ. А потомъ и на-боковую (*Пьетъ и ѣстъ съ аппетитомъ*). Впрочемъ эта гроза способна разбудить мертваго... Высокородные господа, вы люди образованные,—посудите, какъ сильны дѣтскія представленія: у меня борода, и я ни во что не вѣрю, кромѣ свидѣтельства чувствъ, провѣреннаго разсудкомъ; я знаю, что громъ и молнія производятся паромъ и электричествомъ, но какъ въ дѣтствѣ, такъ и теперь я всегда словно вижу, какъ тамъ ведутъ баталію, и радуюсь, и приговариваю: „Такъ его, бей его молотомъ, булавой, сѣкирой, пали, вали!!“... Ухъ! Будь у меня крылья, не медля ни минуты, поднялся бы въ облака, схватилъ бы налету первое копье молніи и крикнулъ бы Валкиріямъ: Ну, дѣвицы, держитесь! Мастеръ Гансъ Гардтъ покажетъ вамъ, что такое мужчина!.. Ха-ха-ха!

Фогельштернъ. На меня громъ наводитъ трепетъ... Не страха, но благоговѣнія.

О ты, гремящій, ты, великій,
Тысячерукій, многоликій,
Ты—Индра, Зевсъ и Саваоѳъ,
Ты—богъ людей и богъ боговъ,
Услыши среди треска грома
Мой жалкій голосъ—червя, гнома,
Я пыль у ногъ твоихъ...

Гансъ Гардтъ. Фу, фу, что за стихи! Чьи это? Ваши? Отвратительные стихи. Какъ же можно? Вы, вѣроятно, придворный поэтъ?

Фогельштернъ (*Обиженно*). Нѣтъ.

Ганцъ Гардтъ. Навѣрно, вы въ школѣ имѣли награду за хорошее поведеніе и ябедничали на товарищей? Ха-ха-ха!.. Выпьемъ?.. Къ чорту сахаръ и воду!.. Хватитъ и рому (*Пьетъ и крякаетъ*). Сдается, хорошій ромъ. Но стихи ваши плохи... Охъ, охъ, охъ, мой бохъ, я плохъ, я меньше блохъ, прими мой вздохъ, и сдѣлай, бохъ, чтобъ я не сдохъ!.. Ха-ха-ха!

Баронъ (*Сурово*). Будьте вѣжливѣе.

Гансъ Гардтъ. Э? Развѣ я сказалъ грубость? Простите, я прямъ. Не нравится. Пусть Богъ будетъ Богомъ, но меня Онъ поставилъ на ноги, а не положилъ на брюхо. А если бы положилъ, я самъ всталъ бы на ноги.

Фогельштернъ (*Запальчиво*). Но за всѣмъ тѣмъ вы—ничтожество... Великая вещь—ноги!..

Ганцъ Гардтъ. Когда-нибудь добудемъ и крылья. Не робѣйте только... Мой отецъ говорилъ: „Не робѣй, парень,—страхъ удачи не дастъ“.

(*Страшный ударъ грома, баронъ и поэтъ вздрагиваютъ*).

Баронъ. Какъ шумятъ дождь, вѣтеръ, деревья.

Фогельштернъ. Вы не находите, баронъ, что мы здѣсь словно на островѣ тепла, свѣта, уюта, что эти широкія окна—страшны: они зіяютъ, словно выходятъ прямо въ бездну, въ хаосъ, въ царство дьявола?

Баронъ (*Вставая*). Задернемъ занавѣску (*Задергиваетъ желтыя занавѣси передъ обѣими стеклянными стѣнами и заставляетъ дверь ширмой*). Замѣчаете, насколько стало уютнѣе и веселѣе?

Фогельштернъ. Вы правы. Сидя спиною къ окнамъ, я чувствовалъ сзади что-то жуткое. Вы знаете, мой дѣдъ сидѣлъ какъ-то разъ ночью спиной къ закрытому, но не задернутому окну. Онъ былъ пасторъ и читалъ Библію. Вдругъ онъ словно почувствовалъ, что кто-то смотритъ на него черезъ окно. Понимаете, спиной почувствовалъ. Тогда онъ потихоньку, потихоньку вынулъ карманное зеркальце и, не оглядываясь назадъ, навелъ его на окно... и посмотрѣлъ: это покойница бабушка, его жена, смотрѣла на него, т. е., вы понимаете, она уже умерла въ ту пору... она смотрѣла грустно, приникнувъ бѣлой маской своего трупнаго лица къ стеклу.

Ганцъ Гардтъ. Вотъ такъ случай! Очевидно, она была похоронена недавно.

Фогельштернъ. Больше года.

Ганцъ Гардтъ. Гдѣ же она добыла лицо и глаза? Къ этому времени у нея остался только черепъ да немножко гнили въ немъ.

Баронъ. Фу, фу! Какъ вы можете? Это вѣдь не былъ ея трупъ realiter, а духъ, принявшій видимость...

Ганцъ Гардтъ. Ага! Ну, это другое дѣло... Можетъ быть, была одна видимость, а принявшій ее духъ былъ самъ пасторъ? Вѣдь бываетъ, померещится. Послѣ того какъ залило гроссгутенскую шахту я много мѣсяцевъ слышалъ во снѣ призывы товарищей, — вскочу, бывало, крикну: „Иду!“ И, знаете, иной разъ бралъ веревку, фонарь и кирку и шелъ за цѣлыя двѣ мили къ шахтѣ. Одинъ разъ даже не вернулся съ дороги, а такъ и дошелъ... И слушалъ тамъ, хотя зналъ, что они давно всѣ померли. Но это были такіе славные ребята.

Фогельштернъ. Вы бывали ночью надъ шахтой?

Ганцъ Гардтъ. Ну да...

Фогельштернъ. А что, если бы при лунѣ оттуда поднялись загробныя тѣни?

Ганцъ Гардтъ. Чьи? Петера Баумана, Стефана Энте? Господи, какъ былъ бы радъ! Ужъ они-то, навѣрное, не сдѣлали бы мнѣ зла, хотя бы были распремертвые. Мы дружно жили. Энте, напримѣръ, полюбилъ одну дѣвушку, которая не очень чуралась меня... Я вижу, что онъ заглядывается на нее и блѣднѣетъ съ каждымъ днемъ. Смотритъ на меня такъ печально. Я говорю: Стефанъ, вѣдь ты любишь Грету? Онъ чуть не заплакалъ. Хейда! Постарайся ей понравиться,— не робѣй: страхъ удачи не дастъ. А чтобы тебѣ не мѣшать, я отправлюсь на пару мѣсяцевъ на дальнюю лѣсорубку, куда нуженъ надсмотрщикъ. И они сошлись, господа. Сказать, чтобы у меня не сосало на сердцѣ,—не могу. Но я думалъ, то у нихъ дѣло будетъ ладнѣе и прочнѣе.

Каюсь, самъ я не постояненъ. А вышло иначе: вскорѣ несчастье на шахтѣ убило его, а бѣдная Грета помутилась разумомъ. Она все приходила ко мнѣ и спрашивала дорогу къ милому: „Ты добрый, ты укажешь". Она была очень несчастна, мучилась невыразимо. Стала какъ земля. Какъ-то я сказалъ ей: „Дорогая, дорога къ нему—за дверью, что на днѣ пруда"... И она утопилась.

Баронъ. Чортъ возьми, мастеръ, но вѣдь это вы утопили ее!

Ганцъ Гардтъ. Зачѣмъ? Только такъ лучше. Съ нимъ ли она, я не знаю, не знаю, что она не безъ него. Всякое горе, почтенные господа, можно вылѣчить, увѣряю васъ, всякое горе, но иное вылѣчивается одной смертью.

Фогельштернъ. Какое страшное слово: смерть.

Баронъ. Почти всѣ слова страшны, если подумать, потому что за словомъ скрыта вещь, а за вещью тайна.

Фогельштернъ. Вы правы, баронъ. Я останавливаюсь на вещи, но изъ боязни, какъ бы она не сняла маски, я стою поодаль, любуюсь маской и пою ей, я боюсь, какъ бы нечаянно не сдернуть маски съ вещи.

Баронъ. Ея настоящее лицо—тайна. Для насъ у вещей нѣтъ лицъ, а только маски.

Ганцъ Гардтъ. Хейда! Но когда вы сорвете маску, что увидите? Либо ничего, либо что-нибудь. Если ничего, то чего же тутъ бояться? А если что-нибудь, то убей меня Богъ, если это опять не будетъ своего рода вещь.

Баронъ. Ваше простецкое разсужденіе не

лишено остроумія, но во второмъ случаѣ вы будете передъ новой маской.

Ганцъ Гардтъ. Непремѣнно болѣе страшной?

Баронъ. Н-не всегда... Часто первая маска страшна, а вторая смѣшна, ничтожна, иногда можетъ быть даже пріятна. Напримѣръ, подъ покровомъ безпорядочныхъ движеній лежатъ разумные законы механики...

Ганцъ Гардтъ. Мнѣ кажется, что мы сдергиваемъ съ вещей маски, пока не дойдемъ до такой, съ которой пріятно или удобно имѣть дѣло. Итакъ, слушай, вещь, если у тебя непріятное лицо, долой маску. И снимай ихъ хоть сто, а я, человѣкъ, не отпущу тебя до пріятнаго лица.

Фогельштернъ. Но тогда она сама неожиданно сниметъ маску пріятную и откроется какъ ужасъ и гибель.

Ганцъ Гардъ. Что же, тогда снова борьба, опять обдергивать ея маски, какъ листья капусты— до самой кочерыжки.

Баронъ *(Фогельштерну)*. Мнѣ нравится вульгарная образность его рѣчи. Кочерыжка — это, видите ли, Ноуменъ! (*Ганцу Гардту*). Другъ мой, Ноуменъ недоступенъ человѣку.

Ганцъ Гардтъ. Чортъ возьми! Я еще мальчишкой грызъ ихъ такъ, что они только трещали! (*Баронъ и Фогельштернъ смѣются*).

Баронъ (*Серьезно*). Другъ мой, природа—тайна, скрытая одеждами. Духъ людской, когда онъ обостренъ, не можетъ удовлетвориться ризами и страдаетъ по наготѣ вселенной, или божествен-

ной. Первоидеѣ, между тѣмъ, она не воспринимаема чувствомъ, она внѣ основныхъ категорій чистаго разума, она лишь интелигибельна, т.-е. познаваема только, какъ чистая непознаваемость, какъ предѣлъ самого познанія. Это грустно, другъ мой, это очень грустно, но это такъ! (*Вздыхаетъ*).

Ганцъ Гардтъ. Мнѣ природа всегда представляется женщиной. Большой аристократкой. Какъ бы высокомощной и родовитой императрицей какихъ-то дикарей. А человѣческій родъ кажется мнѣ молодымъ парнемъ безъ роду и племени, малограмотнымъ и косолапымъ... Можно сказать, щенкомъ. Но по мордѣ и лапамъ видать хорошую породу. Онъ растетъ, учится и становится ловчѣе. Дикарка-королева можетъ слопать его, сдѣлать изъ него жаркое, если онъ попадется ей еще слабымъ подъ сердитую руку. Но не робѣй, парень! Надо тебѣ подрости и укрѣпиться, а тамъ изловчись и хватай злую красавицу. Удастся тебѣ ее схватить,—держи крѣпко, обними жарко... И вдругъ она сдастся, сниметъ всѣ маски и всѣ одежды и скажетъ: „Милый!“ Ну... И дѣло кончится свадьбой, какъ всякій хорошій романъ. Знаете, высокородные господа, мнѣ думается, что природа хочетъ, чтобы у нея былъ хозяинъ, а его нѣтъ. Она невѣста безъ жениха. Всякому-то она не дастся. Она, какъ Брунгильда: побори меня. Камень—и тотъ упирается. Сколько приходится пропотѣть, чтобы раздобыть немножко золота; но чѣмъ больше потрудишься умѣлымъ трудомъ, тѣмъ дороже то, что природа дастъ тебѣ, а безъ труда дается только что-нибудь со-

всѣмъ нецѣнное. А чтобы природа отдала себя самою, всю цѣликомъ, высокородные господа, для этого надо затратить уймищу труда (*Пауза*)... А не собираетесь ли вы спать, господа? Громъ утихъ, ворчитъ издали, какъ недовольный песъ. Свѣчи люстры догораютъ. Спать, что ли, господа?

Баронъ (*Смотритъ на Фогельштерна*). Что же?

Фогельштернъ. Попытаемся.

Ганцъ Гардтъ (*Вскакиваетъ на столъ и тушитъ свѣчи люстры. Спрыгиваетъ*). Вотъ такъ!

(*Стало темнѣе, и сразу видно, что пора спать*).

Фогельштернъ. Стало страшно.

(*Стукъ въ дверь*).

Фогельштернъ. Слышите? Стучатъ.

Баронъ. Это дворецкій. Войдите.

Дворецкій (*Входя*). Я вижу, что вы затушили свѣчи люстры?

Баронъ. Да, мы хотимъ спать.

Дворецкій. Доброй ночи (*Колеблется*). Простите меня, господинъ баронъ, я долженъ все-таки предупредить васъ.

Баронъ. О чемъ?

Дворецкій. (*Понижая голосъ*). Слухи о томъ, будто это недобрая комната, невѣрны.

Фогельштернъ. Что? Какіе слухи?

Дворецкій. Говорятъ, будто иные выходили отсюда на-утро больными... что будто одинъ проѣзжій купецъ посѣдѣлъ здѣсь за одну ночь.

Фогельштернъ. Неужели?

Дворецкій. Но это глупые розсказни. Я не осмѣлюсь отрицать, что въ иную ночь сюда является привидѣніе. Слишкомъ многіе говорятъ

это. Но оно никому еще не сдѣлало зла, и я склоненъ думать, что это довольно-таки доброе привидѣніе. Къ тому же полночь уже пробила, а его не было. Послѣ полуночи оно врядъ ли можетъ придти. Въ случаѣ, если бы оно пришло, не пугайтесь. Оно себѣ постоитъ да и уйдетъ. Увѣряю васъ, господа.

Фогельштернъ. Но это Богъ знаетъ, что такое! Эта комната съ привидѣніями!

Дворецкій (*Разводя руками*). Графиня была увѣрена въ вашей храбрости.

Баронъ. Еще бы... Пустое, добрый человѣкъ... О, друзья мои, что такое для меня привидѣніе? Какъ могу я бояться привидѣній,—я, который знаетъ, что весь міръ привидѣніе? Мы всѣ привидѣнія,—я, вы, онъ, онъ!

Фогельштернъ. Ради Бога, не говорите такъ... это ужасно: мнѣ уже начинаетъ казаться, что вы дѣйствительно привидѣніе.

Ганцъ Гардтъ (*Сидя на кровати и снимая сапоги*). Но если я буду спать и оно меня разбудитъ, я, ей-Богу, наговорю ему непріятностей (*Ложится на кровать*).

Дворецкій. Я увѣренъ, что ничего не будетъ: полночь давно прошла. Но графиня приказала васъ все-таки предупредить. Покойной ночи, господинъ баронъ, покойной ночи, господа! (*Уходитъ*).

Фогельштернъ. Графиня сдѣлала бы лучше, если бы предупредила раньше. Можетъ быть, я добрался бы до ближайшаго постоялаго двора по дорогѣ къ Штуттгардту.

Ганцъ Гардтъ. Тамъ пропасть блохъ и клоповъ.

Фогельштернъ. Но нѣтъ привидѣній.

Ганцъ Гардтъ (*Зѣвая*). Баронъ разъяснитъ вамъ, что клопы тоже привидѣнія, и притомъ изъ наименѣе симпатичныхъ. Я сплю. Одна просьба— говорите потише. (*Поворачивается на бокъ*).

(*Небольшая пауза*).

Баронъ. У меня не выходитъ изъ головы ваша бабушка, смотрѣвшая въ окно. Мнѣ все кажется, что если отдернуть эти занавѣски, тамъ, пожалуй, стоитъ что-нибудь странное.

Фогельштернъ. Ради Бога, не пугайте меня. Я ужасно боюсь всего потусторонняго.

Баронъ. Меня жутко тянетъ къ нему... Смотрите, нашъ парень спитъ.

Фогельштернъ. Уже? Какое животное! Я увѣренъ, что не сомкну глазъ.

Баронъ (*Методически снимаетъ фракъ, жилетъ и галстухъ*). Все-же надо ложиться.

Фогельштернъ. Неужели вы заснете?

Баронъ. Врядъ ли. Я бы почиталъ еще, но свѣчи канделябры стали совсѣмъ короткими.

Фогельштернъ. Ради Бога не спите. Если я останусь одинъ, мнѣ будетъ слишкомъ страшно.

Баронъ. Сочиняйте стихи (*Потягивается и полуложится на постель, свѣсивъ ноги*).

Фогельштернъ (*Садится за столъ, вынимаетъ изъ кармана и раскладываетъ письменныя принадлежности*). Я постараюсь поработать. Надо использовать настроеніе. Можетъ быть, это успокоитъ меня (*Начинаетъ кусать перо, запускаетъ руку въ волосы. Пауза. Далекій громъ*).

Фогельштернъ.

Вдали ворчалъ сердитый громъ...
Вдали ворчалъ сердитый громъ.

Приходитъ въ голову некрасивая строка: Я пилъ съ водой ямайскій ромъ... Но изъ этого ничего не выйдетъ... Это юмористическій поворотъ... Между тѣмъ лучше использовать настроеніе и написать нѣчто въ мистическомъ тонѣ.

Ворчалъ далеко громъ сердитый...

Лѣзетъ на-умъ: Сюжетъ давнымъ-давно избитый... Но это юмористично, а не мистично.

Сердитый громъ вдали ворчалъ...

Гмъ-гмъ...

Я за столомъ одинъ торчалъ. Юмористично! Проклятіе! (*Бросаетъ перо*). Это само по себѣ мистично, что все, что я сейчасъ пишу,— юмористично.

Декламируетъ:

Сердитый громъ ворчалъ вдали...
Кончали битву короли
Надземныхъ странъ, воздушныхъ силъ...
Послѣдній дождикъ моросилъ...
Что шелеститъ тамъ за окномъ,
Кто вѣетъ шелковой завѣсой?
Мнѣ чудится, что страннымъ сномъ,
Толпой гостей ночного лѣса
Наполненъ садъ, что кто-то тамъ
Готовитъ странные миражи,
Что кто-то тамъ стоитъ на-стражѣ,

Чтобъ человѣческимъ очамъ
Не видѣть мутные секреты
И чары ночи за окномъ.
Мнѣ чудится, что тамъ скелеты
Тихонько пляшутъ менуэты,
И въ ритмѣ дождика больномъ
Шуршатъ согнившими листами
И шепчутъ, шепчутъ челюстями...
Я жду, что вдругъ рукой костлявой
Подыметъ занавѣсъ одинъ,
И гость безглазый, жуткоглавый—
Давно истлѣвшій исполинъ—
Беззвучно позоветъ поэта
Туда, гдѣ хладно плещетъ Лета.
„Приди въ хрустящій хороводъ
Костей разрушенныхъ и смрадныхъ,
Приди, ужъ ждутъ у Скейскихъ водъ,
У Леты водъ могильно-хладныхъ,
Ужъ ждутъ: твой часъ, твой часъ насталъ,
Иди на балъ, иди на балъ,
Гдѣ маски сложены и платья,
Гдѣ наги подлинно объятья,
Гдѣ черепъ настоящій ликъ!“...

Ой, страшно!.. Баронъ... Боже мой, онъ спитъ!.. Мнѣ страшно... Что за мутный, ужасающій бредъ льется съ моихъ устъ... Риѳма причудливо ведетъ меня какъ раба, сердце стучитъ, и волосы шевелятся на головѣ.

(Вдругъ занавѣсъ налѣво отъ двери самъ собой отодвигается и взору предстаетъ черная глубина).

Фогельштернъ (*Вскакивая, дрожащимъ голосомъ*). Я такъ и зналъ... На-начи-нается... (*Подбѣгаетъ*

къ барону и трясетъ его). Баронъ, баронъ, вставайте!—Начинается!

Баронъ (*Спросонокъ*). Что? Что такое начинается?

Фогельштернъ. Несказуемое, баронъ, смотрите: завѣса раскрылась. О, баронъ, мнѣ страшно!

Баронъ (*Садясь на кровати*). Вы сами отдернули ее. Это плоская шутка (*Свѣчи канделября гаснутъ, только свѣтятся тлѣющіе угли камина. Глубина за окномъ становится синей*).

Фогельштернъ. Ой! Свѣчи погасли сами собою,продолжа-ается.Несказуемое продолжается...

Баронъ (*Протирая глаза*). Странно... Это странно.

Фогельштернъ (*Вскрикиваетъ*). А! Баронъ, баронъ, оно идетъ!.. Глядите, оно идетъ!.. Несказуемое появля-ается!

(*За окномъ на синемъ фонѣ ночи вдоль всей стѣны до двери, какъ бы плыветъ мерцающая закутанная фигура... Медленно движется она и исчезаетъ за ширмой, заслоняющей дверь*).

Фогельштернъ. Баронъ, баронъ, мы умремъ... Оно войдетъ сюда. Слышите, дверь отворя-ется! Баронъ! Оно въ комнатѣ (*Взвизгиваетъ*).

Ширма падаетъ. Таинственная фигура, съ головой закутанная въ свѣтящійся плащъ, стоитъ на фонѣ двери.

Пауза.

Баронъ (*Встаетъ, преодолѣваетъ волненіе*). О, ты, невѣдомое, таинственное существо, внемли мнѣ! Я — рыцарь познаванія, отвѣть же мнѣ. Скажи мнѣ, если рѣчью одарила тебя природа, твоя мать и моя, — скажи мнѣ, для чего одѣлась ты

мерцающею плотью и явилось сюда въ этотъ часъ и въ это мѣсто?

Таин. существо (*Страннымъ нечеловѣческимъ голосомъ*). Трепещите!

Баронъ. Я трепещу.

Пауза.

Баронъ. Кто ты?

Фогельштернъ. Умремъ ли мы?

Баронъ. О, кто ты? Душа ли, прежде жившая, или та, что будетъ нѣкогда жить? Духъ ли безплотный, полуплотный или газоподобный или чистая видимость? Знаешь ты больше или меньше насъ?

Таин. сущ. Я„ Оно"! Падите!

Фогельштернъ (*тотчасъ же становясь на колѣни*). Пощади меня!

Баронъ (*Величественно опускаясь на колѣни*). Оно? Ужели ты само великое Оно, воплотившееся для меня, недостойнаго искателя?

Таин. сущ. Я—„Оно", котораго ты ищешь въ книгахъ старыхъ и новыхъ... Я—Оно, которое ты, поэтъ воспѣваешь... Въ этотъ часъ, въ этомъ мѣстѣ, въ человѣкоподобной формѣ я—Оно—здѣсь. Трепещите, молитесь, дабы не погибнуть, ибо видѣвшій ангела смертью умираетъ.

Фогельштернъ. Молюсь, благоговѣю, преклоняюсь (*Сжимается въ комокъ*).

Баронъ. (*Медленно и картинно склоняетъ голову*). Чту!

(*Гансъ Гардъ просыпается. Онъ быстро принимаетъ сидячее положеніе и съ крайнимъ любопытствомъ слѣдитъ за происходящимъ. Никто не замѣчаетъ его*).

Таин. сущ. Поэтъ, молись стихами; найди музыку, достойную меня, иначе ты разольешься въ волнахъ эфира безслѣдно, ибо напрасно я породило тебя, преходящая форма!

Фогельштернъ. О, дивное, мой бренный организмъ сведенъ судорогой страха, стихи же лежатъ на днѣ сердца, оледенѣвшіе отъ ужаса.

Таин. сущ. (*Грозно*). Молись, молись, какъ достойно поэта!

Фогельштернъ (*Торопливо*). Молюсь, молюсь...

О, ты, Оно, Оно, Оно.
Ты—все... И все тобой полно...
О, всѣ они и всѣ онѣ
Ничтожны предъ тобой вполнѣ.
Что числа, свойства, аттрибуты...
Вѣка, года, часы, минуты?
Одно—Оно, Оно одно...

Таин. сущ. Ты не поэтъ... Нѣтъ, ты—бревно. Передъ тобою душа вселенной, а ты цѣдишь какіе-то жалкіе ямбы (*Грозно*). Говори гекзаметромъ!

Фогельштернъ (Въ *крайнемъ ужасѣ*).

О, пощади и прости, кто найдетъ для тебя прославленье?
Славлю тебя я, Оно, страхомъ, которымъ я полонъ.
Славлю дыханьемъ моимъ, что прерывисто двигаетъ грудью,
Дробнымъ лязгомъ зубовъ, страннымъ движеніемъ волосъ...
Жизнь мнѣ оставь, о, Оно, и когда я немного ободрюсь,—
О, тебѣ я клянусь, что тебя я наполню тобой!

Таин. сущ. (*снисходительно*). Это лучше.

Ганцъ Гардтъ тихонько встаетъ и прокрадывается къ двери. Никто не замѣчаетъ этого.

Таин. сущ. Философъ, ты танцуй въ мою честь.

Баронъ (*Удивленно*). Танцовать? Но я не танцоръ.

Таин. сущ. Мудрецы всегда полны дивныхъ ритмовъ. Я провижу ритмъ въ глубинѣ твоего духа, мною рожденнаго. Прояви ритмы твоего духа въ движеніяхъ твоей плоти.

Баронъ (*Встаетъ, упорно выходитъ на середину комнаты и становится въ комически торжественную позу*). Но нѣтъ музыки...

Таин. сущ. Поэтъ, возьми бокалы и отбивай ими ритмъ. При этомъ импровизируй стихи.

Фогельштернъ (*Отбивая ритмъ стаканами*).

Ты являешь ритмы духа,
О, философъ и баронъ,
Я являю ихъ для слуха,
Ты являешь ихъ для глазъ,
Я даю ритмичный звонъ,
Ты танцуешь –разъ, два, разъ.
Какъ мистично, непонятно,
Здѣсь Оно пріяло зракъ,
Ты идешь впередъ, обратно,
Снявши галстухъ, снявши фракъ.
Тлѣетъ углей тусклый свѣтъ,
Пляшетъ тѣнь твоя, баронъ,
И взволнованный поэтъ
Издаетъ ритмичный звонъ.

Баронъ важно и комично вышагиваетъ, разводитъ руками, сановито кланяется, отступаетъ. Вдругъ Таинственное Существо громко вскрикиваетъ. Это Гансъ Гардтъ, подкравшись сзади, рѣшительно обхватываетъ его руками. Фогельштернъ взвизгиваетъ еще громче Таинственнаго Существа и роняетъ бокалы, которые разбиваются у его ногъ.

Таин. сущ. Пустите!

Ганцъ Гардтъ. Низачто!

Баронъ и Фогельштернъ ошеломлены.

Таин. сущ. (*Овладѣвая собой*). Кто не хочетъ умереть, бѣги съ этого мѣста!

Фогельштернъ стремительно, баронъ болѣе медленно выбѣгаютъ за дверь.

Таин. сущ. Ради Бога задерните хорошенько занавѣску.

Гансъ Гардтъ. Можно. Но раньше я запру дверь, а ключъ положу въ карманъ.

Таин. сущ. Заставьте дверь ширмой.

(*Гансъ Гардтъ дѣлаетъ это*).

Ганцъ Гардтъ. Но кто же вы, шалунья?

Таин. сущ. (*Сбрасываетъ свѣтящійся плащъ. Это очень красивая, статная женщина въ черномъ шелковомъ платьѣ. Видъ у нея испуганный и безпомощный*). Ради Бога—тайна! Тайна... Скажите имъ, что „Оно“ исчезло въ вашихъ рукахъ. И довольно... Посмотрите, далеко ли они. Могу ли я пройти въ черномъ незамѣченная до замка?

Ганцъ Гардтъ. Графиня, тайну я обѣщаю вамъ... Но, чортъ меня возьми, если я отпущу

васъ! Что я разъ схватилъ, того не выпущу: я упрямъ.

Графиня (*Окончательно приходя въ себя*). Не будьте нахальны, голубчикъ. Я пошалила,— что же въ томъ? Меня страшно забавляетъ это. Сколько видовъ страха перевидала я такимъ образомъ. Потомъ я всегда хохочу до упаду. Вѣдь выдумка, какъ-никакъ, остроумна? Правда? Но меня никто не хваталъ еще...

Ганцъ Гардтъ. А признайтесь, въ глубинѣ души вамъ хотѣлось именно этого?

Графиня. Вотъ еще! (*Подходитъ къ камину*). Ну, довольно. До свиданія. (*Кладетъ пальцы на губы*). Итакъ, молчаніе. Правда?

Ганцъ Гардтъ. Вы хотите уйти? Вы въ самомъ дѣлѣ хотите уйти? Но это же совсѣмъ неумно! А я было принялъ васъ за настоящую смѣлую, горячую, шаловливую, свободную, остроумную женщину. Вы такъ молоды, такъ красивы, у васъ такъ горятъ глаза, такъ вздымается ваша грудь... Графиня!.. Не уходите!.. Женщина, послушай, не уходи! Все равно я не пущу тебя!.. Умоляю тебя, не уходи... Графиня, умоляю васъ... Ада, Ада, не уходите... Мы одни... Тайна, о, да, тайна полная и честное слово рудокопа! Завтра — ранецъ на плечи, послѣднее почтительное „Прощайте, сіятельная графиня“—и никогда больше этой дорогой.. Слышишь?

Графиня (*Пристально и съ улыбкой смотритъ на него*). Какъ вы смѣлы!.. Въ васъ совсѣмъ нѣтъ страха... Хорошо, я поцѣлую васъ... Въ награду за вашу отвагу.

Ганцъ Гардтъ (*Радостно*). Начнемъ съ это-

го, графиня. Но, замѣтьте, я не поэтъ и не философъ!

Голосъ барона. Гансъ, вы живы?

Гансъ Гардтъ (*Подходя къ дверямъ, сердито*). Живъ-то живъ, но выходитъ тутъ такая чертовщина. Дверь захлопнулась, и ее, оказывается, невозможно отпереть. Вообще тутъ чортъ знаетъ что творится.

Голосъ барона. Но идетъ дождь.

Ганцъ Гардтъ. Сакраментъ! Проваливайте, высокородный господинъ! Подъ липами не очень каплетъ?

Баронъ. Но...

Ганцъ Гардтъ. Громъ и молнія два раза! Если вы не уйдете, то, повѣрьте честному слову рудокопа, вы получите незабвенную непріятность. Еще немного,—и я сойду съ ума. Я взбѣшусь, стану драться... Я не шучу.

Голосъ барона (*Фогельштерну*). Слышите? Мнѣ кажется,—онъ сошелъ съ ума.

Гол. Фогельштерна (*жалобно*). Пойдемте на скамеечку подъ липы, баронъ.

Ганцъ Гардтъ (*Возвращаясь къ графинѣ, которая присѣла на диванъ и задумчиво улыбается*). Время до утра—наше. О, милая, ты не пожалѣешь, а я... я всегда говорилъ, что Оно—она.

Графиня (*задумчиво*). Вѣдь вы правы... Я понимаю теперь, что мнѣ хотѣлось такого конца (*Улыбается ему*). Но какой ты смѣлый, Гензель!

Ганцъ Гардтъ. Робѣть не надо,— страхъ удачи не даетъ.

Графиня. Гансъ, ты, навѣрно, не сталъ бы на колѣни передъ этимъ Оно?

Гансъ. Теперь ты—она, моя она, и передъ тобой я стану на колѣни, да... Вѣдь на эту ночь ты моя?

(*Становится на колѣни передъ нею и обхватываетъ руками ея колѣни*).

Графиня (*Наклоняется и цѣлуетъ его*). Твоя..

Занавѣсъ.

Король-художникъ

Комедія въ двухъ картинахъ.

Дѣйствующія лица:

Хіальмаръ XXI, король Нордландіи.

Графъ Эрихъ Ульмъ, первый министръ.

Пьеръ Поль Лоранъ, архитекторъ.

Мастеръ Рагнаръ Браузе, бронзолитейщикъ и художникъ-кузнецъ.

Торъ Эликайненъ, молодой скульпторъ, королевскій пансіонеръ.

Пасторъ Самсонъ Линдфорсъ.

Оскаръ Ценкеръ, бронзолитейщикъ.

Докторъ Куфеке, придворный врачъ (безъ словъ).

Юліанъ, камердинеръ короля.

Придворный лакей (безъ словъ).

Принцесса Эльза, кузина короля.

Дѣйствіе происходитъ въ столицѣ Нордландіи въ серединѣ прошлаго вѣка.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Кабинетъ короля. Полъ устланъ дорогимъ темнымъ ковромъ. Стѣна направо занята библіотекой. Наверху шкафовъ стоятъ бюсты античныхъ божествъ. Надъ маленькой дверью спальни большое кровавое Распятіе испанской работы. Двѣ другія стѣны обиты темно-тисненой кожей. Въ глубинѣ два окна съ опущенными зелеными драпри. Налѣво большая выходная дверь. По стѣнамъ фотографіи, чертежи и гравюры съ изображеніемъ причудливыхъ зданій; модели какихъ-то, башенъ церквей и замковъ сказочнаго вида стоятъ на высокихъ консоляхъ у стѣнъ. Ближе направо письменный столъ, заваленный и заставленный прессами, бездѣлушками, книгами, кипами бумагъ и чертежами. На немъ въ богатомъ севрскомъ вазонѣ великолѣпный букетъ огненно-красныхъ розъ. Кресла, стулья, диваны обиты кожей того же типа, что на стѣнахъ. У ногъ рабочаго кресла шкура бураго мѣдвѣдя. Въ углу віолончель, въ другомъ -- довольно большая статуэтка скорбящей Богоматери испанской работы. Передъ нею особая мебель для молитвы. Рядомъ пюпитръ со стариннымъ рукописнымъ Евангеліемъ, освѣщеннымъ особой, полускрытой лампочкой. Вообще же въ кабинетѣ — зеленый полусвѣтъ отъ драпри.

Въ креслѣ сидитъ король. Это высокій, тонкій мужчина, лѣтъ двадцати восьми. Онъ бѣлокуръ, волосы причесаны на проборъ, завиты и взбиты съ одной стороны; небольшіе рыжеватые усы; лицо блѣдное и нервное, нелишенное красоты и выигры-

вающее отъ большихъ синихъ глазъ подъ почти черными бровями. Руки благородныя, подвижныя. Одѣтъ по-домашнему въ черную бархатную куртку, застегнутую доверху; широкій отложной воротникъ мягкой рубашки перевязанъ шелковымъ голубымъ шнуркомъ съ серебряными кистями, падающими на грудь. Брюки широкія, свѣтло-сѣрыя, съ тонкимъ чернымъ лампасомъ. Онъ сидитъ, закрывъ лицо руками. Передъ нимъ стаканъ, графинъ съ водой и бутылка аракъ-пунша. Входитъ Юліанъ, вымуштрованный пожилой лакей въ желтой ливреѣ.

Юліанъ. Ваше высочество, господинъ архитекторъ *(Пауза)*.

Король *медленно отводитъ руки отъ лица и разсѣянно смотритъ на Юліана.*

Юліанъ. Господинъ архитекторъ, ваше высочество.

Король. Мосье Лоранъ? Проси.

(Юліанъ уходитъ. Почти тотчасъ же входитъ II. II. Лоранъ, небольшого роста вертлявый французъ во фракѣ, съ цилиндромъ въ одной рукѣ, съ портфелемъ въ другой. У него густые усы и фавориты, четкій проборъ посрединѣ головы. Кланяется; его лакированная черная голова, разсѣченная проборомъ, долго остается наклоненной).

Король. Bonjour, m-r: Laurans! Отлично, что вы пришли. Разсѣйте мои мысли дуновеніемъ вашего генія.

Лоранъ. Ваше высочество слишкомъ добры ко мнѣ.

Король. Присядьте, Лоранъ. Итакъ?

Лоранъ (*Вынимая чертежи изъ портфеля*). Итакъ, между сѣверной и восточной башнями я рѣшилъ на самомъ верху перебросить мостъ аркой. Форма

будетъ нѣсколько напоминать Ponte dei Sospiri.. Въ мѣстѣ, гдѣ мостъ смыкаетъ свои половины будетъ возвышаться надъ всѣмъ замкомъ ажурная готическая башенка, верхъ великолѣпія. Мотивъ нѣмецкаго Ренессанса. Оттуда вы будете имѣть единственный въ своемъ родѣ видъ, фасадъ же приметъ при этомъ изумительно оригинальный и нарядный характеръ. И никто не упрекнетъ меня въ латинизмѣ. Вѣдь здѣсь боялись этого. Между тѣмъ я—убѣжденный германистъ. Ничто меня такъ не волнуетъ, какъ пятнадцатый вѣкъ нѣмецкихъ странъ.

Король (*Разсматривая чертежъ*). Это превосходно. Это достойно васъ и меня. Мосье Лоранъ, прошу васъ, подымите одну стору.

(*Лоранъ, граціозно скользя, идетъ къ окну и подымаетъ драпри*).

Король. Это отлично! (*Смотритъ на чертежъ и въ то же время протягиваетъ руку архитектору*). Благодарю васъ, милый Лоранъ. Вы красавецъ душою, геніемъ. Но приготовили ли вы также черновой чертежъ усыпальницы?

Лоранъ (*Вынимая другой чертежъ*). Усыпальница короля, разумѣется, должна быть выдержана въ египетскомъ стилѣ.

Король. Въ египетскомъ? (*Задумывается на минуту*). Да, вы правы, Лоранъ... Именно... Благодарю васъ (*Смотритъ на чертежъ*). Это прекрасно; эти массивныя, черныя колонны.

Лоранъ. Живопись однако, какъ и надписи, по моей идеѣ, должны имѣть въ себѣ нѣчто руническое. Это сдѣлаетъ вашему высочеству мой

другъ Бонифасъ де-Бокеръ, художникъ, богатый фантазіей и разнообразный.

Король. Да, да... Но отчего же я такъ долго не вижу его у себя, этого дорогого живописца, котораго уже люблю потому, что вы любите его?.. Бога ради, Бога ради, Лоранъ, не затягивайте сооруженіе Серебрянаго Дворца. Моя судьба такъ тѣсно сплетена съ судьбою этого великаго зданія! Все, что я строилъ до сихъ поръ,—замокъ въ Хіальмарскронѣ, большой охотничій, замки, воздвигнутые этимъ неудачникомъ Брендомъ и педантомъ Бормиліусомъ, — все это вѣдь игрушки по сравненію съ задуманнымъ теперь мною и вами. Я не скрою отъ васъ, какое значеніе въ моей жизни долженъ играть этотъ домъ любви, смерти и безсмертія. Едва онъ будетъ законченъ, какъ я введу въ него мою новую подругу, новую королеву, которая утѣшитъ меня въ моей потерѣ... которая подаритъ мнѣ наслѣдника. Вотъ почему домъ мой долженъ носить характеръ гнѣзда, истинно-королевскаго гнѣзда. За этимъ-то нужны мнѣ: брачная зала, большая капелла, аппартаменты во вкусѣ принцессы Эльзы, дѣтскія, оранжереи, зимній бассейнъ и прочее. Но путь мой открывается передъ моимъ взоромъ весь до конца. Ибо я взошелъ уже на вершину холма жизни. Вдали я вижу кипарисы. И я уже сейчасъ думаю о моей усыпальницѣ... Любовь, красота, надежды и вѣчность слиты для меня въ каждой мысли. Лоранъ, когда я начинаю думать объ этомъ, священная экзальтація овладѣваетъ мной, обильныя слезы текутъ изъ глазъ, и мнѣ кажется, что звучитъ музыка, которая торжественно

сопровождаетъ каждый шагъ мой по жезненному пути (*Встаетъ и въ волненіи ходитъ по комнатѣ*). Ахъ, Лоранъ, зачѣмъ я не поэтъ? Зачѣмъ не композиторъ? О, Лоранъ, дайте, дайте мнѣ поэта, дайте мнѣ композитора, который сумѣлъ бы пассивно повиноваться велѣніямъ фибръ души моей, дайте мнѣ ихъ, какъ бы божественные инструменты,—и я создамъ сквозь ихъ духъ, ихъ умѣніемъ, ихъ талантомъ неслыханныя еще по глубинѣ и совершенству произведенія (*Останавливается посреди кабинета и торжественно протягиваетъ руку къ бюсту Аполлона*). О, ты, Фебъ-Аполлонъ, дай мнѣ быть прекраснымъ во всѣ дни моей жизни (*Обращается къ Распятію, умоляюще сложивъ руки. Въ голосѣ его слышны слезы*). Спаситель мой, вѣдь я знаю: ты не низвергъ во адъ бѣднаго, тобою побѣжденнаго, но свѣтлаго демона—Аполлона... Въ страхѣ бывшій богъ прибѣжалъ къ тебѣ среди громовъ, возвѣщавшихъ твою побѣду, и палъ передъ тобой. Ты же простеръ пронзенную руку и каплями своей крови крестилъ его и тѣмъ далъ намъ Аполлона христіанскаго, моего патрона... Силы небесныя, дайте мнѣ жить красиво и по-христіански (*Садится къ столу и задумывается*).

Лоранъ (*Тихо*). Я пораженъ... Я благоговѣю... Въ словахъ вашего высочества слышится нѣчто пророческое...

Король. Вы думаете? Мнѣ самому кажется, что такъ (*Небольшая пауза*). Но вернемся къ предмету нашего разговора. Почему другъ вашъ де-Бокеръ не здѣсь еще?

Лоранъ. Приходится, наконецъ, открыть при-

чину вашему высочеству. Я уже говорилъ вашему высочеству, что другъ мой находится на югѣ Франціи и что, очутившись временно въ денежномъ затрудненіи, онъ не можетъ предпринять путешествія безъ нѣкоторой помощи со стороны вашего высочества.

Король. Но, Боже мой, вы удивляете меня, мосье Лоранъ! Не говорилъ ли я вамъ тысячу разъ, что вы можете брать деньги на все относящееся къ построенію Серебрянаго Дворца? Берите безотчетно. Зачѣмъ вновь и вновь разговоры о деньгахъ? Кого это интересуетъ?

Лоранъ. Но, ваше высочество, я не осмѣлился бы...

Король. И не надо, не надо, Лоранъ... Будьте другомъ,—никогда о деньгахъ. Берите на постройку, на себя, на вашихъ друзей, сколько вамъ надо. Приносите съ собою ордеры казначейству на такую-то сумму, я не читая подпишу, и поскорѣе къ дѣйствительности, къ настоящему дѣлу, къ красотѣ.

Лоранъ. Ваше высочество, я радъ поступить согласно вашей волѣ...

Король. И будемъ друзьями. Довольно объ этомъ! (*Мѣняя тонъ*). Видались ли вы сегодня съ моей кузиной? Какая сегодня погода въ этой прекрасной, но измѣнчивой душѣ?

Лоранъ. Ваше высочество, позвольте мнѣ, какъ мнѣ ни тяжело, вернуться къ вопросу о деньгахъ.

Король (*Съ досадой*). Вы сегодня несносны, Лоранъ (*Принимаетъ видъ скучающій и надутый*).

Лоранъ. Простите... Но... Какъ это ни странно... Графъ Ульмъ отдалъ приказъ не выдавать

больше денегъ по королевскимъ ордерамъ, не контрасигнованнымъ его подписью.

Король (*Тихо и весело смѣется*). О, старый чудакъ, старый чудакъ этотъ мудрецъ! Вы знаете, это замѣчательный человѣкъ. Онъ— авторъ большого труда по политической экономіи, переведеннаго на англійскій языкъ и о которомъ этотъ скучный Милль отозвался съ большой похвалой. Кромѣ того онъ написалъ „Введеніе въ науку объ обществѣ“, а сейчасъ кончаетъ первый томъ своей „Науки объ обществѣ“—„Первобытныя общества дикаго сѣвера“. Вы знаете, Лоранъ, его книги, которыя я имѣлъ терпѣніе просмотрѣть, не лишены стиля. Да, да... это литераторъ и по-своему, поэтъ. Но у него много чертъ чудаческихъ. Такъ, онъ считаетъ мое королевство конституціоннымъ. Принимаетъ всерьезъ сеймъ и держится за права министра, отвѣтственнаго передъ страной... Бѣдная, дѣтская, некультурная, не вышедшая еще изъ полуживотнаго существованія, страна моя! Ты такъ нуждаешься въ любящихъ и снисходительныхъ правителяхъ, а тебѣ навязываютъ странную и смѣшную роль стада, контролирующаго своего пастыря. Ха-ха ха! Графъ Ульмъ хочетъ быть псомъ, отвѣтственнымъ передъ баранами и ослами за дѣйствія пастуха. Ха-ха-ха!

Лоранъ (*Принужденно смѣется*). Мой портфель набитъ ордерами вашего высочества. У меня накопилось тринадцать неоплаченныхъ ордеровъ на сумму около 400,000 кронъ. Графъ обѣщалъ немедленно придти сюда. Я очень прошу ваше высочество повелѣть ему скрѣпить эти бумаги своею подписью.

Король. Непремѣнно... Но, Лоранъ, неужели вы безпокоитесь? Неужели вы предполагаете?..

Лоранъ (*Въ ужасѣ*). О, за кого принимаетъ меня ваше королевское высочество? Или я не знаю, что хозяинъ Нордландіи есть его высочество король Хіальмаръ XXI!

Король. Такъ видали ли вы мою кузину? Все такъ же ли она зла, какъ вчера, моя золотая оса?

Лоранъ. Я видалъ ея высочество. Принцесса приказала осѣдлать Орла... Она уѣхала вмѣстѣ съ графиней Уной и нѣсколькими молодыми людьми.

Король. Да? Это, чтобы разсердить меня, Лоранъ. Ха-ха-ха! Это существо живетъ и дышитъ для меня. Какъ она меня любитъ! Она никогда не бываетъ нѣжной, никогда... Моя драгоцѣнная оса!.. Можно подумать, что она ненавидитъ своего Хіальмара, Лоранъ... А между тѣмъ, глаза ея безпокойно слѣдятъ за мною, боясь, какъ бы я не разсердился всерьезъ. Ха-ха-ха!

(*Лоранъ почтительно смѣется*).

Король. Но какая женщина! Не будь она моей кузиной, принцессой королевской крови, будь она просто-на-просто, скажемъ, актрисой, я все равно увлекся бы ею... Но имѣть ее женой, своей королевой, вмѣсто скучныхъ нѣмокъ, которыхъ мнѣ навязывали... О, Лоранъ! Мы будемъ счастливы. Стройте наше мраморное и серебряное гнѣздо, Лоранъ!

(*Входитъ Юліанъ*).

Юліанъ. Ваше высочество, графъ Эрихъ Ульмъ.

Король. Проси (*Юліанъ уходитъ*).

Король. Сейчасъ вы увидите, какъ я распушу стараго бунтовщика, либерала, свободомыслящаго!

(*Входитъ графъ Ульмъ. Это старикъ съ сердитымъ желтымъ лицомъ, лысый, съ клочками сѣдинъ на вискахъ, бритый, въ очкахъ. На немъ расшитый золотомъ синій мундиръ и бѣлыя панталоны, въ рукахъ треугольная шляпа и бѣлыя перчатки*).

Графъ Ульмъ. Привѣтствую ваше высочество.

Король. О, господинъ министръ, въ немилости (*Кокетничая*). Да, да, вашъ обожаемый монархъ сердитъ на васъ. Печальтесь же, пожелтѣйте еще больше, похудѣйте, склоняйтесь къ гробу,—солнце вашей жизни отвернулось отъ васъ!

Графъ Ульмъ (*Сурово*). По какому поводу эти шутки.

Король. Конечно, по поводу вашего недобронравнаго поведенія, господинъ неблагонамѣренный вѣрноподданный. Вы не мальчикъ, чтобы тѣшиться побрякушками и ради вашихъ „конституціонныхъ“ формальностей портить мнѣ нервы, замедлять теченіе дѣлъ первѣйшей важности и огорчать бѣднаго художника (*Указываетъ на Лорана*).

Графъ Ульмъ (*Съ кислой улыбкой*). Бѣднаго? Господинъ Лоранъ скоро будетъ богаче насъ съ вами, ваше высочество.

Лоранъ (*Вспыхивая*). На что вы намекаете, графъ?

Графъ Ульмъ. На безслѣдное исчезновеніе почти милліона кронъ, которыя я имѣлъ слабость выдать. Ваше высочество, ваши постройки за послѣдній годъ превышаютъ стоимостью три милліона кронъ, по расписанію на два предстоящіе года, составленному господиномъ Лораномъ, пришлось бы прибавить къ обычнымъ тремъ милліонамъ кронъ вашего ежегоднаго цивильнаго листа еще чудовищную сумму въ восемь почти милліоновъ кронъ. Такое маленькое государство, какъ Нордландія, не въ силахъ нести подобные экстренные расходы. Къ тому же изъ трехъ милліоновъ, взятыхъ на постройку такъ-называемаго Серебрянаго Дворца, по отзывамъ вполнѣ компетентныхъ спеціалистовъ, широко считаясь съ жирными окладами для господина Лорана и его французскимъ помощникамъ, истрачено до сихъ поръ не болѣе милліона двухсотъ тысячъ кронъ, а господинъ главный архитекторъ за три послѣднія недѣли представилъ вдругъ еще цѣлый градъ ордеровъ въ общемъ на четыреста тысячъ кронъ. Но, ваше величество, въ кассѣ двора нѣтъ столько денегъ. Да, да, зная хрупкость вашей нервной системы, я всячески стараюсь отстранить васъ отъ непріятной дѣйствительности. Но теперь вы должны узнать, что значительная часть вашихъ расходовъ покрыта мною только совершенно незаконнымъ въ сущности займомъ изъ секретнаго фонда. Но безъ этого вы не могли бы довести до конца текущій годъ. Мнѣ горько говорить объ этомъ, но я выполняю мой долгъ: дворъ вашего высочества, вообще, непомѣрно роскошенъ. Вы тратите въ два съ половиной раза больше, чѣмъ

вашъ покойный родитель. Надо помнить, что Нордландія—бѣдная страна рыболововъ и крестьянъ. Народъ очень несчастенъ, ваше высочество, народъ ропщетъ. И неотложно необходимы мѣры къ поднятію его благосостоянія; онѣ необходимы если не для него, то для васъ и для правящей страною аристократіи. Вы знаете, что еще недавно Европа была потрясена опасной революціей. Не перебивайте меня, ваше высочество: никакихъ денегъ больше на затѣи господина Лорана у вашего высочества въ этомъ году нѣтъ! Въ будущемъ году, какъ это ни трудно, я постараюсь провести увеличеніе цивильнаго листа на полмилліона кронъ, и тогда ваше высочество сможетъ при экономіи въ другихъ статьяхъ придворнаго бюджета реализовать пару милліоновъ на довершеніе вашего зданія. Но пусть господинъ Лоранъ перестанетъ и думать чуть ли не о десяткахъ милліоновъ на всякія безумія. Впрочемъ я не ручаюсь даже и за этотъ успѣхъ. Я надѣюсь, что мнѣ поможетъ популярность въ странѣ вашего брака съ принцессой Эльзой. Итакъ, ближайшіе мѣсяцы ни одного öре!..

Король (*Кусая усы*). Что за тонъ, что за тонъ! Я едва сумѣлъ выслушать васъ, графъ. Вы забыли уваженіе къ коронѣ.

Графъ Ульмъ (*Раздраженно*). Не будемъ ребячиться, ваше высочество!

Король. Но что съ вами? Не укусила ли васъ бѣшеная собака или радикальный журналистъ Пееръ Обстъ?

Графъ Ульмъ (*Холодно*). Нѣтъ, но надо положить и конецъ этому невыносимому положенію.

Вы расточительны, ваше высочество, съ вашей маніей строительства, а нѣкоторые люди удваиваютъ вашу расточительность крайней... крайней неряшливостью въ веденіи счетовъ.

Король (*Вставая, гнѣвно*). Графъ Ульмъ... (*Пауза*). Графъ Ульмъ! Ступайте вонъ!

Графъ Ульмъ (*Выпрямляясь*). Да? Прекрасно... Я буду ждать распоряженія, кому я долженъ сдать власть. И я немедленно уѣзжаю изъ Нордландіи!.. Вотъ мое послѣднее слово вашему высочеству: черезъ какой-нибудь годъ страна будетъ охвачена пожаромъ революціи (*Идетъ къ двери*).

Король (*Дрожащимъ голосомъ*). Графъ Ульмъ останьтесь... (*Графъ останавливается*). Сядьте... и попробуйте понять... (*Въ волненіи ходитъ по комнатѣ*). Графъ, слышали ли вы, что сказано въ писаніи: „Не единымъ хлѣбомъ живъ бываетъ человѣкъ“. Народъ бѣдствуетъ, но вѣрьте мнѣ: голодъ физическій — ничто передъ духовнымъ голодомъ. Мнѣ случалось по цѣлымъ суткамъ не ѣсть во время большихъ охотъ, такъ что я по опыту хорошо знаю, что такое голодъ. Такъ вотъ, графъ, это ничто по сравненію съ голодомъ духа... Если бы душа моя одинъ день не питалась красотою, я умеръ бы, быть-можетъ! Мало того,— даже отсутствіе какой-нибудь спеціальной красоты мучительно, какъ тягчайшая пытка. Вы знаете старинную копію Джоконды въ большой галлереѣ? Когда мнѣ пришлось отослать ее въ Дрезденъ для ремонта, сравнительно ненадолго... Что же? Я признаюсь безъ стыда:. я плакалъ когда! И вотъ часто я думаю, какое хрониче-

ское унижающее, убивающее душу голоданіе переживаетъ мой народъ въ духовномъ, въ эстетическомъ отношеніи? Много ли зданій въ нашей странѣ, достойныхъ любованія? То, что есть,—не все ли создано мною за семь лѣтъ моего правленія? Вы скажете, что у народа есть природа? Но онъ не понимаетъ ее, ибо и къ природѣ человѣкъ приходитъ черезъ искусство. Пейзажъ написанный открываетъ глаза на пейзажъ дѣйствительный. Вы будете говорить о картинахъ, статуяхъ, музыкѣ и литературѣ; но масса,—не то, что отдѣльный человѣкъ,—дорогой графъ, масса, видите ли, нуждается въ монументальномъ. Я воспитываю народъ мой. Мои зданія рождаютъ его второй разъ, рождаютъ въ духѣ. Я могу повторить о себѣ эти слова святого Павла. А вы, не понимая роли красоты въ развитіи человѣческаго и общественнаго организма, думаете, что я легкомысленно потакаю капризамъ моей воли. Дорогой Ульмъ, не говорилъ ли я вамъ много разъ, что въ вашей политической экономіи и въ соціологіи вашей я нашелъ значительные пробѣлы? Въ главѣ о цѣнностяхъ вы ничего не говорите о самомъ важномъ—о цѣнностяхъ эстетическихъ. Въ соціологіи вашей отсутствуетъ вовсе глава о народовоспитаніи силою искусства... И вотъ теперь педантическая односторонность нашего научнаго міросозерцанія, недостаточность вашей подготовки обрушивается на меня и заставляетъ меня страдать, страдать, страдать! Скажите, Лоранъ, развѣ все, что я сказалъ, не незыблемо? Развѣ всякая идея не укладывается здѣсь одна на другую, какъ въ совершенномъ зданіи?

Лоранъ. Именно, ваше высочество, и я охотно написалъ бы все вами сказанное золотыми буквами на мраморныхъ доскахъ.

Графъ Ульмъ (*Насмѣшливо*). Желаю зданіямъ господина главнаго архитектора подобной прочности.

Король. Вы хотите оскорбить меня ироніей?

Графъ Ульмъ. Разговоры безполезны. Денегъ нѣтъ! По ордерамъ, не подписаннымъ мною,— пока я министръ, — казначейство не выдастъ ни одного бре. Я же твердо рѣшилъ ничего не подписывать для господина Лорана, кромѣ развѣ паспорта для отбытія въ прекрасную Францію, изголодавшуюся по его генію.

Король. Конечно! Оскорблять себя и друзей моихъ не позволю! (*Весь дрожа, указываетъ на дверь*). Идите! Отвѣтственность за кризисъ возлагаю цѣликомъ на васъ (*Ульмъ молча кланяется и уходитъ*).

(*Король бросается въ кресло и плачетъ, какъ дитя*).

Лоранъ (*Бросаясь къ нему*). Ваше высочество, ваше высочество, ради Бога.

Король (*Слабымъ голосомъ*). Оставьте, оставьте, Лоранъ. Вѣдь вы не представляете себѣ, какое несчастье произошло. Безъ него государство погибло. Онъ—духъ низшаго порядка, но совершенно необходимый въ этой огромной кухнѣ. Недаромъ онъ правитъ страною уже 16 лѣтъ... Да, да... Революція придетъ теперь. О, Лоранъ, какое неожиданное несчастье! Все погибло! Кого я позову? Его министры, болѣе или менѣе опытные, не пойдутъ безъ него... Я знаю... Остальные— волки и обезьяны или, еще того хуже, завзятые

радикалы, скрытые анархисты. Я не знаю, за что и какъ взяться (*Опять горько плачетъ*). Ахъ, Лоранъ, какая кара! За что? Поддержите меня: я боюсь, что одинъ не дойду до аналоя... Между тѣмъ мнѣ такъ хочется, мнѣ такъ надо молиться, молиться... Скорѣе молиться.

(Съ *помощью Лорана идетъ къ аналою и становится на колѣни*).

Король. Лоранъ, тамъ, въ лѣвомъ ящикѣ стола есть эфиръ, дайте его сюда.

(*Лоранъ подаетъ ему флаконъ, который онъ ставитъ рядомъ съ собой, онъ беретъ въ руки четки*).

Король. Молиться, молиться...

(*Быстро возвращается Ульмъ*).

Графъ Ульмъ. Ваше высочество, каменоломни въ Стокгардѣ обрушились. Двадцать разъ говорилъ я Лорану, что работа ведется тамъ съ рискомъ для человѣческой жизни. Болѣе шестидесяти рабочихъ убито и искалѣчено (*Лорану*). Милостивый государь, собственно говоря, васъ слѣдовало бы арестовать.

Король (Съ *трудомъ подымаясь съ колѣнъ*) Графъ, мнѣ не до того!.. Не до того мнѣ, понимаете? Вы подняли со дна моего сердца всю таящуюся въ немъ безграничную тоску мою и моего рода,—тоску, которая затопляетъ звѣзды, которая грозитъ затопить своими черными волнами самого Бога! Вы толкнули меня къ порогу ночи моего отчаянія! Быть можетъ, святая католическая религія отцовъ моихъ спасетъ меня! Вы толкнули высокую, хрупкую, дивную башню моего духа, и она грозитъ рухнуть. Молчите же и

благоговѣйте. Удалитесь къ вашимъ крохотнымъ дѣламъ, къ обвалу какого-то подземелья.

Графъ Ульмъ (*Топая ногой*). Нестерпимо!

Лоранъ (*Крикливо*). Но уходите же, графъ; вы мучаете его высочество. Уйдите. Дайте его высочеству отдохнуть и повѣрьте, что мы сумѣемъ обойтись безъ васъ.

Король (*Пожимая ему руку, слабымъ голосомъ*). Благодарю, Лоранъ... Позовите мнѣ Куфеке.

Занавѣсъ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Мастерская Рагнара Браузе. Въ глубинѣ ея два окна, выходящія въ поле. Вдали видны залитые солнцемъ и поросшіе лѣсомъ холмы. Комната старинной стройки, большая, можетъ быть, бывшій амбаръ; вмѣсто потолка покатая крыша со стропилами; Налѣво большой каминъ, за нимъ дверь въ кузницу, изъ которой отъ времени до времени доносится стукъ молота. Слѣва выходная дверь, за нею ниша, задернутая красной занавѣсью. Посрединѣ сцены тяжелый столъ съ табуретами вокругъ. На немъ боченокъ пива и много глиняныхъ кружекъ. Стѣны голыя, деревянныя. Между окнами постаментъ съ неоконченной работой, завернутой въ мокрую простыню. Около него на ящикахъ и табуретахъ гипсовые эскизы. Вокругъ стола сидятъ мастеръ Рагнаръ и его гости.

Мастеръ Рагнаръ—сѣдоватый человѣкъ, косолапый и коренастый. На головѣ у него красный колпакъ съ кисточкою; одѣтъ въ разстегнутый сѣрый жилетъ, такого же цвѣта штаны до колѣнъ, поддерживаемыя красными подтяжками, грубые чулки и башмаки, какъ у крестьянъ. Движенія спокойны и лѣнивы. Куритъ большую трубку.

Ценкеръ—длинный, словно пыльный, уже пожилой блондинъ съ острой бородкой и прядями волосъ, лѣзущими въ глаза. На затылокъ нахлобучена старая войлочная широкополая шляпа. Одѣтъ въ широкіе плисовые штаны и такую же куртку, горло повязано желтымъ платкомъ. Жестикуляція порывистая, голосъ крикливый.

Пасторъ Линдфорсъ—тяжеловѣсный человѣкъ съ совершенно круглымъ лицомъ; волосы рыжіе; носитъ очки. Одѣтъ въ долгополый черный сюртукъ, застегнутый до двойного подбородка. Говоритъ басомъ.

Всѣ пьютъ.

Ценкеръ (*Вставая и протягивая впередъ кружку*). И еще разъ и снова за великое произведеніе кузнеца Браузе, за „Новый Народъ“!

Пасторъ (*Встаетъ, взмахиваетъ кружкой. Браузе сидитъ посмѣиваясь*). И да почіетъ на немъ благословеніе Бога, пламеннаго и ревниваго, благословеніе того, кто сказалъ о себѣ: Я есмь Сущій!

Ценкеръ (*Садясь и вытирая усы рукой*). Пасторъ задираетъ меня... Но я не поддамся... Я вотъ что вамъ скажу, пасторъ Самсонъ, — вы славнѣющій малый. Вы... словомъ... парень, какихъ намъ надо побольше! Да, чортъ побери! И вотъ что я вамъ скажу, пасторъ Самсонъ, — это даже доказываетъ, что у васъ есть-таки сердце, т.-е. то, я хочу сказать, что хотя васъ ушибли въ семинаріи всѣми пятью книгами Моисея и многими другими, а вы все-таки,—я скажу хоть такъ,— человѣкъ народный!

Пасторъ. Словно бы Библія не народная книга. Библія—не книга для князей, это слово Бога тьмамъ темъ простолюдиновъ (*Оборачивается къ Браузе*). Не похожъ ли, напримѣръ, вашъ юноша на Давида, возставшаго противъ Голіафа?

Браузе. Что-жъ? Можетъ быть, на меня повліялъ нѣсколько Давидъ Микель Анжело, котораго копія стоитъ въ королевскомъ музеѣ.

Ценкеръ. Стой, стой, старичина Рагнеръ, не говори пустяковъ! Какой Давидъ? Какіе Ми-

кель Анжело? Это жизнь, это память сорокъ восьмого года, это гулъ и гомонъ народный, скажу хоть такъ, вдохновили тебя! И гдѣ бы ты взялъ твоего старика, если не въ нашихъ лѣсныхъ деревушкахъ? Стой, старина, я въ ударѣ и сейчасъ я разъясню, такъ сказать, пастору съ помощью всего мною продуманнаго, прочувствованнаго и... только-что выпитаго, что такое отлилъ изъ металла дружище Рагнаръ... коему слава (*Старается пѣть басомъ*). Сла-а-а-ва! Сла-ава!

Пасторъ (*Октавой ниже*). Сла-а-ава!

Ценкеръ. Не посѣтуйте, друзья, но я долженъ сказать... Да, такъ сказать, слово или спичъ. Старина Браузе, налей мнѣ кружку пива (*Браузе наливаетъ и подаетъ ему съ улыбкой*). Мы съ тобою старые черти и друзья, хоть не всегда ладили. Потому что я—душа порывистая и, скажу хоть такъ, вибрирующая. Я до страсти люблю шумную толпу, громовую пѣсню (*Растопыривая передъ собой руку*). Рука у меня прострѣлена на баррикадѣ! А ты—хитрый скептикъ... Но за скептицизмомъ твоимъ, Рагнаръ Браузе,—скажу тебѣ и не скрою,—народное сердце! Вотъ! И теперь оно показало себя, отшельникъ, медвѣдь! (*Пьетъ и вытираетъ усы рукой*). Допустимъ, самый простой парень изъ лѣсу подойдетъ къ твоему монументу. Что онъ видитъ? Своихъ! Старикъ... Что такое старикъ? Это мужикъ-лѣсовикъ! Почему онъ сидитъ? Почему понуръ? Почему плечи у него согбены? Руки, могучія руки, какъ корявые корни, спустились на землю? Почему скрюченъ, поджалъ ноги въ растрепанныхъ лаптяхъ? Почему узокъ и морщинистъ лобъ, колтуномъ взбиты во-

лосы, взглядъ боязливъ? Потому, что онъ усталъ отъ жизни! Да. Скажу такъ: работать на прокормъ себя и семьи это у насъ уже штука, но вѣдь у него всю жизнь отнимали заработанное... Да, эти плечи несутъ на себѣ такъ-называемое государство... Оно острымъ угломъ своего фундамента,— скажу хоть такъ,—легло вотъ на эту самую спину. О, Каріатида! Да. Терпѣливый. Ой, какой тупо-терпѣливый человѣчина! Но силачъ. Гей! Старичина, мужикъ-лѣсовикъ, попробуй разогнуться, попробуй встать! Ого-го! Что это? Горилла? Ого! Великанъ! Кулаки по пуду. Распрямь грудь, медвѣдь! О, тутъ матеріалъ для героя саги! Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ хаживалъ одинъ-на-одинъ на медвѣдя, осушалъ бездонныя болота, рубилъ деревья въ три обхвата, ковырялъ землю, спутанную кореньями, ловилъ рыбу въ ледяной водѣ... А ѣлъ... толченую кору, траву да грибы; ржаной хлѣбъ — пирожное! Вотъ такой сидитъ: покорный и угрюмый. Ты дѣдъ всѣмъ намъ... Бѣдный, могучій, загубленный строитель жизни, Каріатида цивилизаціи, становой хребетъ человѣчества!.. А? Довольно? Нѣтъ, я еще много могу сказать о немъ. Я хилъ, тонокъ, нервенъ, простуженъ, но я его внукъ, онъ во мнѣ! Но, къ счастью, онъ не только во мнѣ, заморышѣ и полуинтеллигентѣ. Посмотри, парень, замѣчаешь? Дѣдушка немножко удивленъ. Это онъ на внука! Вонъ видишь: взвился. Какъ взрывъ! Рубаха распахнулась,—видна желѣзная грудь, и изъ нея растутъ плечи, шея викинга, и могучее тѣло увѣнчано гнѣвной головой... Ангелъ-мститель! А все-таки мужикъ: въ немъ есть лопарская кровь,

скулы, что-то земляное! Это его такимъ выростили снѣга, буйные вѣтры, сѣрое море, пышныя ночныя зори... Сѣверянинъ!.. Выдернулъ топоръ изъ срубленнаго ствола и держитъ его на головѣ, а другой рукой размахнулся, словно внятнымъ голосомъ говоритъ: „Подожди!“ Подожди,—говоритъ дерзкому врагу... Подожди,—говоритъ,—Новый Народъ. И страшно до трепета сердца смотрѣть на молодого гиганта... И радостно! Онъ похожъ на восходящее солнце надъ бурнымъ моремъ, скажу я... И все это—блокъ! Глыба желѣза!.. Разинь ротъ, потому что ты захваченъ, человѣкъ! А! А! А! Вотъ это значитъ сковать желѣзную пѣсню! И это сдѣлалъ, ворча подъ носъ, молчаливый и ухмыляющійся Браузе. Слава ему!.. (*Старается пѣть басомъ*). Сла-ва! Сла-ва!

Пасторъ (*Октавой ниже*). Сла-а-ва!

Браузе. Напечатай это въ газетахъ, Оскаръ, тогда никому не надо будетъ смотрѣть на группу (*Допиваетъ кружку и улыбается*). Когда Оскаръ разойдется,—откуда берутся слова. Онъ можетъ разсказать все на свѣтѣ и еще многое сверхъ того. Особенно когда выпьетъ. Старикъ съ парнемъ работаютъ въ лѣсу... Ну... можетъ быть, заслышали медвѣдя. Что же старикъ? Защищаться? Пожалуй, нѣтъ силъ, а бѣжать—поздно... Ну, а молодой за топоръ. Можетъ быть, и такъ...

Ценкеръ. Врешь, врешь! Не такъ! Нѣтъ, братъ, не то... Не медвѣдь!.. Развѣ ты самъ не назвалъ свою вещь „Новый Народъ“?

Браузе. Ничуть... Это вотъ пасторъ (*Пускаетъ огромные клубы дыма*).

Пасторъ (*Торжественно*). Долго молчалъ Гос-

подь, говорящій черезъ судій и пророковъ. Но вотъ голосъ его раздался въ сердцѣ народа, и народъ преобразился. Теперь Господь владѣетъ имъ, Господь свободныхъ, Богъ правды, любовь огненная. Пробужденіе совершается здѣсь, въ тиши дремучихъ лѣсовъ. Если уже не имѣетъ ушей, чтобы слышать, старое поколѣніе и навѣки осутулилась спина его, такъ Богъ проложитъ себѣ дорогу черезъ души молодежи (*Пьетъ и со стукомъ ставитъ кружку на столъ*). Въ слѣдующее воскресеніе я буду говорить о вашей статуѣ и потомъ я приведу сюда прихожанъ св. Павла... И пусть смотрятъ!

Ценкеръ. Это такъ! Пасторъ, ваше здоровье (*Чокаются и пьютъ*). О, намъ весело здѣсь, старымъ чертямъ! Мы блеснули! Да! Скажу: такъ мы грянули съ нашимъ Браузе! Пусть попляшутъ господа изъ академіи. Потому что идея идеей, а какова техника! Какова лѣпка? А анатомія?.. И какъ колоссально!.. Вихрь!.. И вмѣстѣ... сколько скорби, правды и... надежды. Музыка! Да, скажу такъ: ты вбилъ гвоздь въ башку человѣческому роду, такъ что этого-то уже нельзя не замѣтить.

(*Эликайненъ просовываетъ голову во входную дверь. Это почти мальчикъ еще, свѣтлый блондинъ, съ длинными волосами и некрасивымъ веснущатымъ лицомъ, черты котораго однако очень выразительны. Онъ одѣтъ въ элегантный бархатный костюмъ, на головѣ такой же беретъ*).

Эликайненъ. Можно?

Ценкеръ. А, малютка! Къ намъ! Твоя кружка ждетъ!

Пасторъ. Юный другъ мой, добро пожаловать.

Браузе (*Вынимая трубку изо рта*). Иди, Торъ.

Эликайненъ. О, мастеръ,не сердитесь! Произошло нѣчто невѣроятное.

Ценкеръ. Все-таки выпей кружку, которую я нацѣдилъ тебѣ... Смотри: она увѣнчана снѣгами, такъ сказать...

Эликайненъ. Ахъ, не до того, мастеръ Ценкеръ! Друзья мои, произошло нѣчто чудесное. Я вчера восторженно говорилъ о „Новомъ Народѣ“ принцессѣ Эльзѣ, и вотъ она рѣшила сегодня побывать здѣсь и посмотрѣть своими глазами...

Браузе (*Морщась*). Охъ, придворныя сферы!.. Мы люди простые! Здѣсь кузница, сарай. А впрочемъ, пусть.

Ценкеръ. Это другой міръ, малый: ни одной принцессѣ это не можетъ понравиться.

Пасторъ. Чего надо здѣсь этой Саломеѣ?

Эликайненъ. Это бы еще ничего... Потому что принцесса Эльза вовсе не Саломея, а очень милый человѣкъ... просвѣщенная, со вкусомъ... вообще прелесть. Я между прочимъ не могу позволить при себѣ непочтительно отзываться о ней. Да!.. Такъ и знайте. И если вы, Ценкеръ, скажете, что это потому, что она - высочество, а я — пенсіонеръ короля ,то вы докажете этимъ, что вы не демократъ, а завистливый плебей. Да.

Ценкеръ (*Прищуривая глаза*). Не распаляйся. Бьюсь объ закладъ, ты влюбился въ ея духи, манеры и туалеты.

Эликайненъ (*Вспыхивая*). Ахъ! Не смѣйте!.. Что-жъ это такое?

Пасторъ. Вы живете въ станѣ филистимлянъ,

мой юный другъ! Вы живете въ нехорошемъ мѣстѣ. Рѣдко кто ѣлъ безнаказанно хлѣбъ царей.

Браузе (*Вынимая трубку*). Но въ чемъ дѣло, Торъ?

Эликайненъ. Дѣло въ томъ, что черезъ четверть часа за нею пріѣдетъ король съ этимъ выхоленнымъ Лораномъ и со своимъ докторомъ. Потому что король, надо вамъ знать, нездоровъ и поѣхалъ въ ихъ сопровожденіи покататься за городъ и,—я знаю это достовѣрно,—заѣдетъ сюда; приказано, однако, не предупреждать васъ.

Ценкеръ. Король?! Вотъ такъ штука!.. Ну, я ухожу. Мы не питаемъ другъ къ другу симпатій. Я одинъ только разъ разговаривалъ съ королемъ. Не съ этимъ, а съ его отцомъ. Я сидѣлъ тогда въ тюрьмѣ. Это было въ эпоху контръ-революціи. Вдругъ насъ вывели всѣхъ на тюремный дворъ, и туда явился король въ эполетахъ, аксельбантахъ, лентахъ, шпорахъ и съ бѣлымъ султаномъ. Съ нимъ былъ лисица Ульмъ и прочая знать. Тогда онъ сказалъ: „Я милую васъ, но вы должны принять вновь присягу на вѣрность“. Мы молчали. Онъ тоже. Потомъ Ульмъ сказалъ: „Вы присягнете въ тюремной церкви“... Изъ девяносто восьми заключенныхъ не присягнуло только семь... Среди нихъ былъ я! Но насъ все равно помиловали черезъ нѣсколько недѣль. Потому что лисица Ульмъ хотѣлъ взять насъ добромъ. Послѣ...

Пасторъ. Satis eloquentiе! Это все мы уже знаемъ, но я слышу стукъ копытъ кавалькады: это принцесса. Мастеръ Ценкеръ, отойдемте въ сторонку (*Оба удаляются въ дальній уголъ*).

(Дверь раскрывается. Придворный лакей придерживаетъ ее. Входитъ Эльза, стройная, свѣжая, въ элегантной амазонкѣ, цилиндрѣ на пышной рыжей прическѣ, съ хлыстикомъ въ рукахъ. Ея лицо и движенія нервны).

Эльза. Мастеръ Браузе... Это... вы? (*Съ любезной улыбкой идетъ къ нему*).

Браузе (*Застегиваетъ меленно жилетъ и кладетъ трубку на столъ*). Я, принцесса.

Эльза. Простите, что я обезпокоила васъ. Маленькій Торъ такъ распѣлся вчера о вашей группѣ, что я ночь не спала,—такъ хотѣла поскорѣе увидѣть вашъ шедевръ. Я помню вашу статую „По слѣду“. Я знаю васъ, кузнецъ-ваятель... Вы мнѣ покажете ваше новое произведеніе?

Браузе. Что же мнѣ ломаться? Я сдѣлалъ группу для того, чтобы на нее смотрѣли. Она тамъ, за занавѣсью (*Подходитъ и отдергиваетъ*).

(Эльза становится поодаль. Когда занавѣсъ раскрывается, она отшатывается съ легкимъ крикомъ ужаса, потомъ наклоняется впередъ и жадно смотритъ, крѣпко сжавъ хлыстъ въ кулакѣ. Пауза. Лицо ея блѣднѣетъ, на глазахъ выступаютъ слезы).

Ценкеръ (*Тихо пастору*). Она ошеломлена.

Пасторъ (*Тихо*). Она уподобилась женѣ Лота.

Браузе. Съ вашего позволенія я задерну занавѣсъ.

Эльза (*Молча дѣлаетъ отрицательный жестъ рукою, съ усиліемъ глотаетъ, говоритъ шопотомъ*). Стулъ...

(*Эликайнень быстро подноситъ ей табуретъ. Она садится и беретъ его за руку. Пауза*).

Эльза. Торъ, вы были правы... Мнѣ прямо больно... (*Мастеру Барузе*). Это страшно, это радостно... Словъ нѣтъ... (*Съ тоской*). Мастеръ Бра-

узе, если бы такіе люди существовали въ дѣйствительности. О, если бы! Но вѣдь это—символы.

Браузе *пожимаетъ плечами и молчитъ.*

Эльза. Это—титаны. Передъ юношей хочется преклониться, какъ передъ грознымъ богомъ. Это красота. Красота и въ старой руинѣ гиганта... Но только какой же это реализмъ, Торъ? Развѣ жизнь даетъ такіе образы? Вы помните, что сказалъ Фидій о Зевесѣ? Что въ воображеніи, какъ бы во снѣ самъ богъ явился ему. Фантазія выше жизни. Въ ней сами боги являются намъ... Это—боги!

Ценкеръ (*Торжественно выступаетъ изъ тѣни съ полупоклономъ*). Съ позволенія... Я не согласенъ съ вами, принцесса. Нѣтъ, не согласенъ. Зачѣмъ такія слова: боги, жизнь этого не даетъ?.. Это, такъ-сказать, слова, простите, поверхностныя. Какъ жизнь не даетъ? Она-то и даетъ... Но надо, скажу хоть такъ, умѣть брать. Вы не видали такихъ крестьянъ, принцесса, а я только такихъ и видалъ, я въ каждомъ изъ нихъ вижу такого... Да, въ каждомъ вижу, единое, огромное, народъ! Но, хотя я немножко художникъ, я, могущій, пожалуй, взять, не умѣю вновь дать! Браузе сумѣлъ. Медъ и воскъ находятся въ цвѣтахъ, но вы никакъ не извлечете ихъ оттуда безъ пчелъ (*Вновь отвѣшиваетъ полупоклонъ*). Простите мою смѣлость, принцесса, но ваше искреннее восхищеніе передъ этимъ народнымъ произведеніемъ, дало мнѣ поводъ, такъ сказать, мужество...

Эльза (*Вставая. Любезно*). Прошу васъ... То, что вы говорите, интересно.

Пасторъ (Въ *свою очередь медленно выходя изъ*

тьни). Высокомощная дама! Я, скромный служитель простонародной церкви (*Поправляетъ очки).* Позвольте мнѣ одинъ разъ возвысить мой голосъ, которому обычно внемлютъ земледѣльцы, ремесленники, охотники и рыбари, возвысить его до высшихъ ступеней трона. Высокомощная дама, не поддержите ли вы передъ правительствомъ петицію, которую я предложу народу Нордландіи покрыть тысячами подписей,—петицію о постановкѣ на большой площади, противъ собора св. Духа, этого памятника?

Эльза. О, съ восторгомъ, господинъ пасторъ!

Браузе. Ну, ну, не зарывайтесь, дружище Самсонъ; вы еще не знаете, понравится ли вещь народу.

Ценкеръ (*Возмущенно*). О!

Пасторъ. Я немножко знаю нордландскихъ простолюдиновъ.

Эльза (*Съ сомнѣніемъ*). Вы думаете, что народъ, что масса умѣетъ цѣнить произведенія искусства?

Пасторъ. Не знаю. Но *это* они поймутъ и оцѣнятъ. И *это* принесетъ имъ большую пользу.

Эльза (*Удивленно*). Я немножко удивлена, простите. Вѣдь вамъ, какъ пастору, ближе проповѣдь смиренія? Здѣсь его мало! Это мятежное произведеніе.

Браузе (*Усмѣхаясь*). Ну, вотъ! Ценкеръ, стало быть, правъ. Того же мнѣнія будетъ, навѣрное, и господинъ директоръ полиціи.

Эльза (*Смущенно*). Но развѣ вы сами иного мнѣнія?

Браузе. Кому нужно мое мнѣніе? Что сдѣлалъ,— сдѣлалъ.

Пасторъ (*Торжественно*). Высокомощная дама, я—служитель Бога. И, какъ протестантъ, вѣрю не традиціи, а слову Господа въ его откровеніи избранному народу. И еще болѣе его шопоту въ моемъ собственномъ сердцѣ. Онъ долженъ быть моимъ Богомъ, чтобы я служилъ Ему. Иначе Онъ будетъ изъ тѣхъ, о комъ сказано: Не послужи имъ и не поклонись имъ. Но мой Богъ, для меня единый, это—Богъ Правды и Свободы. Далеко ушли сыны человѣческіе отъ путей его! Развѣ надо вамъ говорить объ этомъ? Всякій видитъ, что братство людей стало смѣшнымъ словомъ. Одни братья стали слугами, другіе—господами, и души тѣхъ и другихъ гибнутъ одинаково. Гдѣ же спасеніе? (*Подымаетъ палецъ къ небу*). Въ Богѣ, принцесса, который въ назначенное время воздвигнетъ пророка и судію. Мы не должны, смиренные передъ Его волей, но гордые передъ владыками земли, воистину какъ Іоаннъ, сынъ Захаріи, уготовать пути ему. Вотъ почему я хотѣлъ бы, чтобы противъ собора высилась эта группа. Она многому научитъ паству Божію.

Эльза. Признаюсь, все, что я здѣсь слышу, для меня странно и неожиданно. Но я начинаю понимать, какъ зародилось это дивное произведеніе. Господа, я—принцесса и, вѣроятно, потому нисколько не демократка... Но меня покоряютъ мощь и красота. Только чьи онѣ здѣсь? Вы говорите: народа, Бога, живущаго въ немъ. А я думаю, мастера Браузе, въ немъ живущаго Бога.

Браузе. Принцесса... Я—кость отъ кости, плоть отъ плоти моего народа. Я—кузнецъ изъ Вемескьельда, сынъ и внукъ кузнецовъ. Можетъ

быть, я ошибаюсь, потому что я не эстетъ и не теоретикъ, но мнѣ страшно лестно, когда старые друзья Самсонъ и Оскаръ говорятъ, что рукою моей двигало народное сердце. Впрочемъ, что есть въ моемъ произведеніи плохого,—а въ немъ-таки много плохого—то, конечно, отъ слабости руки моей, но что есть хорошаго,—если есть,—то отъ мощи его сердца.

Дверь съ шумомъ распахивается. Юліанъ въ ливреѣ входитъ стремительно и вытягивается въ струнку.

Юліанъ (*Кричитъ*). Его высочество король!

(*Всѣ вздрагиваютъ. Пасторъ и Ценкеръ вновь уходятъ въ темный уголъ. Эльза нервно идетъ навстрѣчу королю. Эликайненъ труситъ. Браузе спокоенъ*).

Браузе (*Эликайнену*). А я все безъ сюртука.

Эльза (*Нервно*). Ничего. Оставайтесь, мастеръ. Не уходите.

(*Входятъ Хіальмаръ, хромой докторъ Куфеке въ парикѣ, элегантный Лоранъ и графъ Ульмъ въ черномъ сюртукѣ, въ бѣломъ галстухѣ, съ портфелемъ подъ мышкой. На королѣ сѣрое военное пальто и желтая кепе съ бѣлымъ султаномъ*).

Король. Эльза. Птичка! Мы тебя еще застали? Поймали? Порадуйся, Эльза: я нагналъ ландо графа, который уѣзжалъ къ себѣ въ имѣніе. И мы тутъ же, на дорогѣ, среди золота хлѣбовъ, подъ Божьимъ небомъ христіански помирились! Да, да, мы помирились. Я просто опьянѣлъ отъ радости (*Къ Ульму*). О, мой Ульмъ, мой старый Ульмъ, какъ вы меня заставили страдать! (*Графъ сдержанно улыбается*). Лоранъ тоже радъ. Вы вѣдь рады, Лоранъ? Вѣдь мы подождемъ, Лоранъ? Мы еще, слава Богу, молоды съ вами.

Лоранъ (*Съ кислой улыбкой*). Я весь къ услугамъ вашего высочества.

Эльза. Кузенъ Хіальмаръ, вотъ мастеръ Браузе. Мы застали его врасплохъ. Онъ проситъ простить его. Вы видите, онъ даже безъ сюртука.

Король (*Снисходительно*). Ничего. Вы кузнецъ-ваятель, о которомъ говорятъ? (*Браузе кланяется*). Радъ васъ видѣть. (*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и садится на табуретъ, оставленномъ Эльзой*). А, вотъ и ваше новое произведеніе (*Надѣваетъ пенснэ*).

Пауза.

Король. Какъ вы находите, Лоранъ?

Лоранъ. Pas mal... Un pen grossier... un pen pretencieux... Mais pour un marechal—ferrant c'est pas mal du tout.

Король (*Сбрасывая пенснэ*). Vous avez raison! Графъ Ульмъ?

Ульмъ. Мнѣ не нравится. Я радъ теперь, что заѣхалъ сюда. Я рѣшительно попрошу мастера Браузе отказаться отъ мысли выставлять это произведеніе публично.

Эльза (*Вспыхивая*). Почему?

Ульмъ (*Улыбаясь*). По соображеніямъ политическимъ, принцесса.

Эльза. Полицейскимъ?

Ульмъ (*Улыбаясь еще шире*). Неужели, принцесса, вы презираете полицію? Но вѣдь это же ваша сторожевая собака.

Король (*Сидя оборачивается къ мастеру*). Мастеръ Браузе, вы—даровитый человѣкъ... да... безспорно.., Но произведеніе ваше вредно. О, не подумайте

что я присоединяюсь къ графу Ульму и хочу подойти къ вашей вещи съ той „сторожевой“, какъ онъ сказалъ, точки зрѣнія. О, нѣтъ! Нѣтъ, Эльза, нѣтъ, вы вѣдь не думаете этого обо мнѣ? Графъ Ульмъ—прежде всего министръ. Я же не прежде всего король, мастеръ. Нѣтъ, моя Эльза, я не король прежде всего. Прежде всего, и мой другъ Лоранъ, — одинъ изъ первыхъ, если не первый зодчій нашего вѣка, подтвердитъ это; — прежде всего я художникъ. И къ вашему произведенію, мастеръ, я подойду именно, какъ художникъ. Но постойте, вы спросите: въ чемъ мое художество? Я творю культуру, мастеръ. Да, Эльза! (*Напыщенно*). Провидѣніе вручило мнѣ страну и ея населеніе, какъ матеріалъ, и сказало: Хіальмаръ, сынъ Хіальмара, вотъ тебѣ десять талантовъ, умножь ихъ, ибо я собираю, гдѣ не потеряло, и жну, гдѣ не сѣяло. Взрасти на скалахъ и болотахъ Нордландіи новую Элладу! (*Короткая пауза. Разстроганно*). Это было какъ бы благовѣщеніе мнѣ, Эльза, такое сладкое и скорбное, какъ благовѣщеніе Присноднѣвѣ. И какъ она на полотнѣ Ботичелли, такъ я отстранился, склонился и сказалъ: „Слабъ я, не возлагай на меня тяжелаго бѣломраморнаго креста“. Но архангелъ отвѣтилъ: „Возьми крестъ и иди“. И я иду, Эльза (*Короткая пауза. Другимъ тономъ*). Такъ вотъ, мастеръ, изъ какой высокой таинственной, торжественной идеи я исхожу. И говорю: это вредное произведеніе.

Лоранъ (*Въ восхищеніи*). О, слушайте всѣ! Какъ вы должны быть счастливы, художники сѣвера, имѣя такого монарха.

Ценкеръ (*Пастору тихо*). Ну, да, Августъ—сапожникъ передъ нимъ. О, льстецы!

Пасторъ. Но какъ онъ увѣренъ въ своемъ богѣ! Однако его богъ—не мой богъ.

Ценкеръ. Надѣюсь.

Король (*Послѣ раздумья*). Ваше произведеніе, мастеръ, вредно не потому, что въ немъ,—правда, тускло, простите,—выражена именно эта идея, повидимому, если вѣрить чутью Ульма...

Ценкеръ (*Тихо*). Сторожевой собаки.

Король. Субверсивная. Нѣтъ, оно вредно тѣмъ, что вообще выражаетъ идею. Развѣ искусство для этого, мастеръ? Развѣ оно дополненіе къ газетѣ? Стыдитесь!

Общее движеніе.

Король. Что вы отлили? Передовицу для „Народнаго Вѣстника“? Нехорошо! Вы, навѣрное, утилитаристъ? Но художникъ, который хочетъ, чтобы искусство было полезно... Вѣдь такого нужно изгнать, изгнать изъ Аѳинъ, отъ лица Аполлона. Вѣдь вы не только кузнецъ, вы—художникъ. А это что? Подкова для коня революціи! (*Смѣется. Лоранъ и Ульмъ хохочутъ, даже Юліанъ улыбается*). Да, да, подкова, подкова на ея хромыя ноги. Вдумайтесь...

Браузе. Ваше высочество! Я все это давно слыхалъ. Вы пріѣхали посмотрѣть мою вещь. Она не понравилась вамъ. Мнѣ это относительно безразлично. А ваши мотивы еще безразличнѣе. За первую половину урока я изъ вѣжливости поблагодарю, а вторую прочтите передъ болѣе избранными слушателями.

Король (*Хмурясь и кусая губы*). О, о! Я понимаю что вы раздражены... Всѣ художники слишкомъ

самолюбивы и обидчивы. Но повѣрьте, я хотѣлъ для пользы вашей.

Браузе. Я не настолько утилитаристъ, ваше высочество. Оставимъ мою пользу въ сторонѣ.

Король. Оставимъ, оставимъ. Я предлагаю вамъ двѣ тысячи кронъ за вашу вещь.

Браузе. Но..

Король. Мало? Три.. Четыре. Я хочу купить ее... Мало?

Браузе. О, довольно! Но вамъ она не нравится, зачѣмъ же вы ее пріобрѣтаете?

Король (*Съ картиннымъ жестомъ*). Чтобы ее уничтожить.

Лоранъ. Oh, c'est beau, c'est grand!

Браузе. Вы не будете имѣть ее, ваше высочество, даже въ обмѣнъ на вашъ дворецъ и музей.

Эльза (*Все время страшно волновавшаяся.-Порывисто*). Но Хіальмаръ, ради Бога, развѣ вы не видите, что это прекрасно? Хіальмаръ, сморите же, смотрите: вѣдь это грандіозно! Да неужели у васъ такая вялая, сморщенная, дряблая душа?

Ульмъ. Принцесса, принцесса!.. Этикетъ.

Эльза. Вы меня убиваете, Хіальмаръ. Я вся дрожу. Сколько разъ я уже мучительно задумывалась о томъ, кто вы! Сколько разъ колебалась, гнала отъ себя больныя мысли, оскорбительную правду. Но вы... Вы самодовольный паяцъ!

Общее движеніе.

Графъ Ульмъ. О, принцесса!

(*Лоранъ закрываетъ уши. Юліанъ открываетъ ротъ. Король блѣднѣетъ, встаетъ и потомъ почти падаетъ на табуретъ. Пауза*).

Эльза. Мастеръ Браузе... (*Она хватаетъ его за руку, въ ея голосѣ дрожатъ слезы*). Я, я покупаю ваше произведеніе, и я найду ему достойное мѣсто, увѣряю васъ... И простите... Я уйду... Торъ, пойдемте!

(*Едва удерживая рыданія, она почти выбѣгаетъ, встревоженный Эликайнен бѣжитъ за нею*).

Ульмъ. Господа, я крайне сожалѣю о происшедшемъ. Принцесса страдаетъ нервнымъ недомоганіемъ. Прошу, чтобы ни одно слово не вышло за эти стѣны. Прошу... (*Всматриваясь въ темный уголъ*), Кто это тамъ? А, это пасторъ Линдфорсъ... А, господинъ Ценкеръ. Ваше высочество напрасно пожаловали сюда. Это гнѣздо республиканцевъ. Господа, если бы вы вздумали распространять слухи, то кромѣ того, что я буду хорошо знать виновниковъ молвы, вамъ никто не повѣритъ, какъ желчнымъ врагамъ монархіи и монарха.

Ценкеръ. Успокойтесь, графъ, мы всему тому не придаемъ значенія.

Пасторъ. Я говорю лишь то, что достойно говорить съ каѳедры, но изъ того, что я сочту достойнымъ сказать, я не опущу слова.

Король (*Вставая. Слабымъ голосомъ*). Куфеке, Куфеке, дайте капли. О, Лоранъ, Лоранъ! Какъ тяжко королю-аѳинянину править страной грубыхъ беотійцевъ! (*Уходитъ, опираясь, на руку Лорана. Хромой Куфеке забѣгаетъ впередъ съ флакономъ. Мастеръ Ценкеръ и пасторъ провожаютъ его насмѣшливыми взорами*)

Занавѣсъ.

Юный Леонардо

Драматическая элегія.

Трудно представить себѣ человѣка счастливѣе Леонардо-да-Винчи.

Изъ біографіи Винчи.

Разочарованный, полный досады на людей, бросившій кисть, замкнутый въ сердитое молчаніе, онъ умиралъ.

Изъ другой его біографіи.

Лица:

Вероккіо.—Мастеръ живописи и золотыхъ дѣлъ, бронзолитейщикъ и москотильщикъ.

Леонардо.—Его ученикъ, мальчикъ лѣтъ 17.

Ченчиво-Каваденти. — Молодой флорентіецъ. Погребатель труповъ.

Дѣйствіе происходитъ во Флоренціи въ концѣ XV столѣтія въ мастерской при ботегѣ Вероккіо.

Небольшая комната сводомъ. Въ глубинѣ широкое окно въ огородъ, гдѣ кромѣ овощей есть кустарники розъ и жасмина. Окно раскрыто, и свѣтъ ранняго вечера широко вливается въ мастерскую. Справа дверь, ведущая въ лавку, слѣва—въ кухню. Наискось къ окну поставленъ мольбертъ съ неоконченнымъ полотномъ. Налѣво, ближе къ зрителю, круглый стол, заставленный множествомъ разнообразныхъ склянокъ, на немъ также кисти, палитры и краски. Рядомъ высокій табуретъ съ брошеннымъ на него широкимъ суконнымъ плащемъ. Надъ столомъ виситъ фонарь, другой неподалеку привѣшенъ къ крюку, вбитому въ стѣну. Справа другой столъ, меньшихъ размѣровъ, покатый, вродѣ конторки: на немъ можно работать стоя. На немъ картоны и карандаши. Въ глубинѣ, у окна видѣнъ еще столъ, приспособленный для ювелирной работы. На стѣнахъ широкія полки съ самыми разнообразными бутылями, свертками, чучелами птицъ и рыбъ, кустами кактусовъ, череповъ, костями и т. п. Стѣна возлѣ правой двери обита потертымъ ковромъ арацо, къ ней прислонено лицевой стороной къ стѣнѣ нѣсколько полотенъ въ грубыхъ деревянныхъ рамахъ. Въ углу на высокомъ постаментѣ полуобдѣланная глина, обернутая мокрой тряпкой.

Вероккіо въ узкихъ штанахъ коричневаго цвѣта и одной рубашкѣ съ широкимъ воротомъ, засучивъ рукава, работаетъ надъ картиной. Онъ могучаго сложенія; плечи, голыя руки, шея, грудь, несмотря на нѣкоторое ожирѣніе, показываютъ геркулесовскую

мускулатуру. Лицо толсто, съ дряблыми щеками и подбородкомъ, съ нѣжнымъ женскимъ ртомъ. Лобъ высокъ, чистъ и ясенъ. Носъ сухой, рѣзкій съ энергичной горбинкой. Глаза черные, проницательные, освѣщенные неугасающимъ живымъ огнемъ.

Леонардо рисуетъ у стола направо. Онъ одѣтъ такъ же, какъ мастеръ, но строенъ какъ аѳинскій эфебъ. Его профиль энергично-этрусскаго типа, великолѣпный, сіяющій лобъ, лучистые синіе глаза подъ красиво начерченными темными бровями, русые волосы съ чувственной роскошью обрамляютъ это божественное лицо съ мягкимъ овалomъ и сочнымъ веселымъ ртомъ. Природа щедро, полной чашей зачерпнула свои дары изъ источника жизни, когда создавала это тѣло и эту душу. Движенія Леонардо быстры и граціозны.—Вероккіо дѣлаетъ все медленно и плавно, говоритъ задумчиво, словно взвѣшивая на вѣсахъ ювелира каждое свое слово. Смѣхъ и рѣчи Леонардо неудержимо звучны.

Оба работаютъ нѣкоторое время въ молчаніи. За окномъ поютъ птицы.

Вероккіо. Оге, Нарди.

Леонардо. Маэстро?

Вероккіо. Ты не боишься, что твоя золотая краска перекипитъ?

Леонардо. Когда придетъ время, кто-то толкнетъ меня... Ужъ я знаю: какъ я ни занятъ какимъ-нибудь дѣломъ, какая-то часть меня слѣдитъ за другимъ... иногда мнѣ кажется, маэстро, что во мнѣ нѣсколько душъ.

Вероккіо. Гм! Тебя только слушай! (*Отходитъ отъ своего полотна и, прищуривъ глаза, критически смотритъ*). Хочу, чтобы кираса была свѣтла и чиста, какъ ключевая вода. Вѣдь это кираса архан-

гела! Она должна отражать весь міръ, какъ зеркало.

Леонардо. Знаете, мастеръ, чѣмъ яснѣе и ярче отражаетъ предметъ лучи свѣта, тѣмъ меньше проникаютъ въ него лучи теплоты. Замѣтили ли вы, что черное согрѣвается на солнцѣ скорѣе бѣлаго? Иногда мнѣ кажется, что свѣтлый металлъ, который такъ славно отражаетъ лучи, будто бы гордо отвергаетъ ихъ, будтострого не впускаетъ постороннюю силу въ свою глубину, будто хочетъ быть всегда холоднымъ... Но, впрочемъ, металлы, отлично отражая свѣтъ, въ то же время быстро нагрѣваются. И художникъ всего болѣе похожъ на серебряное зеркало,—онъ отражаетъ вещи такъ же ясно, какъ самый холодный мудрецъ, но согрѣвается ихъ тепломъ такъ же быстро, какъ самая темная женская душа.

Вероккіо. Гм... И такъ же скоро остываетъ?

Леонардо (*Улыбаясь*). Да, маэстро... Художнику нужно много тепла. Онъ такъ охотно и щедро даетъ его всему холодному, что окружаетъ его... Поэтому его сердцу легко замерзнуть.

Вероккіо. Вѣтеръ носитъ по землѣ сѣмена не только растеній, но и мыслей, Нарди. Въ твою голову сѣмена эти никогда не попадаютъ напрасно: все въ ней прорастаетъ. Но, смотри ужъ скоро не хватитъ мѣста твоимъ цвѣтамъ: они начнутъ душить другъ-друга.

Леонардо. Пусть выживутъ тѣ, что сильнѣе.

Вероккіо. Тѣ, что благороднѣе и полезнѣе, мой мальчикъ.

Леонардо. Сильное всегда благороднѣе и полезнѣе болѣе слабого, мастеръ.

Вероккіо (*Оглядываясь на него*). Такъ ли, мальчикъ.

Леонардо *увѣренно киваетъ головой, не оглядываясь и продолжая работать.*

Вероккіо. Такъ ли? Мой опытъ не подтверждаетъ этого мнѣнія.

Леонардо. Но опытъ Божій, думается мнѣ, подтверждаетъ его.

Вероккіо. Откуда эта увѣренность?

Леонардо. Зачѣмъ же Богу давать силу неблагородному и безполезному? Сильное можетъ казаться намъ дурнымъ, но будь оно дурно и въ предвѣчныхъ глазахъ Природы, она бы не сдѣлала его сильнымъ. Это просто какъ геометрія.

Вероккіо. Ты вѣришь въ Бога больше фра-Джироламо, право.

Леонардо *киваетъ головой.*

Вероккіо. А ты знаешь, что сказалъ Перуджино, этотъ кондитеръ ангеловъ и святыхъ женъ? Онъ сказалъ... Это было, когда онъ былъ здѣсь, во Флоренціи; и онъ сказалъ это при всѣхъ послѣ проповѣди въ Санта-Марія дель-Фіоре. Онъ сказалъ: „Кричи себѣ, Богъ есть, Богъ есть! Міръ кричитъ громче тебя, что надо всѣмъ царитъ случай!“

Леонардо. Пусть будетъ случай... Но міръ такъ хорошъ, что я буду молиться этому прекрасному, святому случаю. Фортуна означаетъ случай, и судьба, и счастье, и богатство. Когда-нибудь я построю храмъ святой Фортунѣ...

Вероккіо. Но не всѣ находятъ міръ хорошимъ.

Леонардо. Потому что у нихъ плохіе глаза уши или желудки, баббо!

Вероккіо. Счастливецъ! Иногда мнѣ завидно... Право, я завидовалъ бы тебѣ, если бы не было такъ печально твое будущее.

Леонардо (*Насвистываетъ, потомъ встряхиваетъ своими кудрями*). Я всегда буду такимъ.

Вероккіо. Жизнь разочаруетъ тебя, Нарди. Міръ безпорядоченъ. По крайней мѣрѣ та часть, часть его, которая окружаетъ человѣка.

Леонардо. Прежде всего человѣкъ самъ привелъ эту часть въ безпорядокъ. И это ничего. Это онъ передвигаетъ и передѣлываетъ ее посвоему. Передѣлать міръ не шутка, это не сдѣлается въ одинъ часъ или въ какую-нибудь пару тысячелѣтій. А потомъ меня не окружаетъ никакая часть (*Подходитъ къ Вероккіо и описываетъ вокругъ себя широкій кругъ*). Меня окружаетъ все... всегда—все!

Вероккіо. Мнѣ иногда бываетъ страшно съ тобою. Мнѣ кажется иногда, что мастеръ Пьетро, твой отецъ, принесъ мнѣ въ домъ жемчужину съ куриное яйцо... И я долженъ уберечь ее... И боишься спать, ѣсть,—какъ бы не украли сокровище. Но человѣкъ причудливѣе и нѣжнѣе жемчужины и даже самаго хрупкаго цвѣтка... Я хотѣлъ бы быть Геркулесомъ... или сказочнымъ дракономъ, чтобы уберечь тебя.

Леонардо. Кто же мнѣ повредитъ?

Вероккіо. Тьма... Тьма!

Леонардо. Тьма мертва, баббо, лучи пронзаютъ ее легче, чѣмъ шпага воздухъ... (*Пауза*). Знаете, маэстро, я иногда двадцать разъ бросалъ

наудачу плащъ на этотъ табуретъ, и каждый разъ онъ ложился такъ красиво, что я .. Ну, смѣйтесь... Я наконецъ, поцѣловалъ его складки... Вотъ вамъ и случай... Вы знаете, мнѣ всегда хочется поцѣловать все красивое.

Вероккіо (*Лукаво прищуривая глаза*). Маленькую Лизу, напримѣръ.

Леонардо (*Спокойно и серьезно*). О, ее больше всего!..

Вероккіо (*Смѣясь*). Но и луну также... Креди мнѣ разсказывалъ, какъ ты посылалъ воздушный поцѣлуй лунѣ, когда вы купались съ нимъ въ Арно.

Леонардо. Мы цѣловались съ нею. Это она поцѣловала меня первая,—въ глаза, лобъ и въ сердце.

Вероккіо. Ея поцѣлуи—отраженные поцѣлуи солнца.

Леонардо. Что-жъ, маэстро, вѣдь и всѣ наши ласки родились на солнцѣ. Отъ него всякая жизнь. Это знали всѣ древніе, какъ говоритъ князь Мирандолы. А солнце само получило силу отъ первопламенной Гестіи,— очага вселенной... Вульгата говоритъ: „Ты—земля и въ землю вернешься“. Но можно сказать и такъ: „Ты—пламя и въ пламя вернешься“.

Вероккіо. Да, милый мой мудрецъ. Они говорятъ, что міръ кружится и кружится... Я не нахожу въ этомъ большого толку.

Леонардо. Это божественный танецъ для тѣхъ, кто не усталъ. А усталыя души отдыхаютъ тихонько... (*Вдругъ смѣется громко*). Въ видѣ, напримѣръ, коровъ... Онѣ такъ спокойны!.. Или въ ви-

дѣ сочной зеленой травы. Мнѣ часто кажется, что въ растеніяхъ души отдыхаютъ.. И въ нихъ понемногу растетъ жажда танцовать опять такъ бурно и сложно, какъ танцуемъ мы съ вами, маэстро... И душа рвется наружу цвѣткомъ. Потомъ тайными путями — она подымается все выше вплоть до человѣка. Человѣкъ, который не усталъ, а только накопилъ силы, долженъ умереть молодымъ, хотя-бы и подъ сѣдыми волосами: тогда онъ возвысится и станетъ полубогомъ. (*Вновь бросаетъ работу и подходитъ къ мастеру*). Вотъ гдѣ будетъ безумное веселье и для насъ прямо ужасное кипѣніе мысли и страсти.

Вероккіо. Гдѣ?

Леонардо. Въ раю.

Вероккіо. Когда - нибудь ты —таки сойдешь съ ума.

Леонардо. Хотѣлось бы, конечно; умъ, это— вѣрная тропинка въ гору... Но пріятно иногда покувыркаться по бездорожью, прямо по дичи, зажмуривъ глаза... (*Хохочетъ и возвращается къ работѣ. Пауза*). Нѣтъ ничего красивѣе волосъ... Не трогательно ли это, не смѣшно-ли, что на нашей мудрой головѣ растетъ себѣ эта шолковая Божья травка? Иногда, когда я стараюсь вникнуть въ глубь бытія и разгадать, какой духъ тамъ работаетъ, я вдругъ говорю себѣ: Будь какъ волосъ. Расти себѣ на поверхности Божьей головы, вейся и сплетайся съ другими въ душистый локонъ, украшай Господа, не вникая въ его работу, которая не по плечу тебѣ... Но въ сущности всѣ наши мысли—только красивые и причудливые завитки (*Смѣется*). Маэстро, что мнѣ пришло въ

полову... Если бы природа потеряла все живое, это вовсе не значило бы, что она перестала жить и думать, но она, какъ бы облысѣла... Пока это женщина съ роскошными волосами. И она растить ихъ и гордится своими косами, которыя обвили безмѣрность пространствъ... Потому что она молода и никогда не можетъ постарѣть... Хотя, конечно, было бы умнѣе, если бы она была однимъ лысымъ шаромъ, однимъ абсолютнымъ богомъ, о которомъ болтаютъ схоласты. Этотъ абсолютный богъ—плѣшивый мудрецъ, а Богъ живой—красавица съ кудрями, еще болѣе прекрасными, чѣмъ у Венеры мастера Сандро. Посмотрите, баббо, на эту головку въ локонахъ (*Показываетъ ему свой рисунокъ*).

Вероккіо. Прелестно... (*Пауза. Вероккіо возвращаетъ рисунокъ*). Птицы такъ распѣлись. Онѣ поютъ о томъ же, должно быть, о чемъ болтаешь ты, мой соловей.

Леонардо (*Прислушиваясь*). Это правда... Но знаете ли кто-то сильно стучится въ дверь лавки.

Вероккіо. Я ужъ много дней держу ее на запорѣ. Не такъ-то скоро уйдетъ злая гостья.

Леонардо. Стучатъ все сильнѣе. Надо отпереть (*Уходитъ направо*).

(*Вероккіо продолжаетъ работать. Черезъ минуту Леонардо возвращается и садится на высокій табуретъ съ жестомъ досады*).

Леонардо. Это Ченчіо. Онъ надоѣлъ мнѣ своими ухаживаніями.

Вероккіо. Онъ влюбленъ въ тебя.

Леонардо. Мнѣ ничуть не лестно (*Обнимаетъ колѣно обѣими руками и сидитъ немного надувшись*).

Входитъ Ченчіо Кавадентн въ широкомъ сѣромъ плащѣ; на головѣ его маленькая черная шапка съ большими наушниками, она нахлобучена на голову, и изъ-подъ нея торчатъ рѣзкія черты его худого желтаго лица.

Ченчіо (*Останавливается молча у дверей и смотритъ на присутствующихъ*). Малюете? Изъ всѣхъ людей самые безчувственные—это живописцы, а среди нихъ нѣтъ никого безсердечнѣе Вероккіо и да-Винчи.

Вероккіо (*Продолжая работать*). Ченчіо не въ духѣ.

Ченчіо (*Съ злобной радостью вцѣпляется въ эти слова*). А! А! Вы двое въ духѣ! Вы рады! У васъ праздникъ! Хотя Флоренція умираетъ. Сегодня умерла монна Дина... Красавица... Вдова... Когда она проходила мимо молодыхъ мужчинъ, каждый жадно оглядывался и думалъ: вотъ идетъ счастье! Я зналъ такихъ, которые бы умерли за ея поцѣлуй, но ее поцѣловала теперь безносая странница своими синими губами. Дина была благочестива, но когда она увидѣла пятна на груди, и уже не было сомнѣній въ прикосновеніи ангела, она прокляла Бога... Слышите ли? Она кричала: Хочу жить, любить! Она вѣдь ждала со своей любовью, красовалась какъ спѣлый плодъ осенью... Но червь подточилъ ее въ одинъ часъ. Она металась и проклинала, тамъ, среди своей роскоши... Пока недугъ не превратилъ мысли въ бредъ и жесты въ судороги... Адъ на вашу голову! Вамъ это все равно...

(*Молчаніе. Всѣ опустили головы. Вероккіо продолжаетъ работать; онъ сопитъ, и движенія его становятся грузны*).

Ченчіо. Я вышелъ изъ собора, гдѣ ее хоронили, и пошелъ въ мизерекордію, чтобы сказать, что я хочу помогать убирать мертвыхъ. Вѣдь каждый неубранный мертвецъ тащитъ за собою въ могилу живыхъ. И тутъ же при входѣ опять кровь: окончилась исторія Пико Ньоки (*Молчаніе*). Я разскажу вамъ эту смѣшную исторію, чтобы позабавить васъ, пока вы малюете. Вы знаете, что третьяго дня Пико Ньоки убилъ маленькаго Джанбени дельи Фабриканти? Нѣтъ? Да, онъ убилъ его. Мальчикъ прицѣпилъ ему сзади чорта изъ тряпокъ. Пико увидѣлъ и далъ ребенку затрещину, отъ которой у того брызнули изъ глазъ огонь и вода. Но бѣдняжка былъ упрямъ. Тотчасъ же онъ прицѣпилъ синьору того же чорта снова. Только у Понте Веккіо всеобщій смѣхъ открылъ Пико шутку... Онъ взбѣсился, взъерошился бросился назадъ къ Синьоріи и тутъ у всѣхъ на глазахъ схватилъ мальчика. Можно было видѣть по его лицу, что онъ обезумѣлъ и что у него дурныя намѣренія. Но всѣ только хохотали. Онъ тащилъ дитя за руку съ глазами, полными крови и яда и приговаривалъ дрожащимъ голосомъ: „Пойдемъ, пойдемъ, я дамъ тебѣ панфорте и сладкаго вина, дружокъ, я люблю, дружокъ, веселость, я люблю хорошую шутку“... А тотъ ревѣлъ. И какъ завернули въ переулокъ напротивъ хлѣбной лавки Тинто Пико ударилъ его въ горло ножомъ: „Перестань кричать, гадина!“—и бросилъ...

Вероккіо. Какое подлое преступленіе!

(*Леонардо блѣдный смотритъ на Ченчіо*).

Ченчіо. Преступленіе? Ничуть. Въ тотъ же

вечерь мессеръ Беинтези зашелъ въ лавку къ Тинто и просилъ не дѣлать шуму. Медичисамъ нуженъ на все готовый человѣчекъ... Теперь Пико сталъ бы ихъ проклятой душой... Да не вышло дѣло.

Леонардо. Ну? Что же случилось?

Ченчіо. Пьеро дельи Фабриканти съ толпою каменщиковъ подошелъ сегодня возлѣ Санъ-Джіованни къ Пико и низко поклонился. Онъ сказалъ: „Мессеръ Пико, вы убили моего мальчика... Да, да... Вы напрасно качаете головой... Но Флоренція видѣла довольно крови... Пусть на могилѣ твоего сына вырастетъ олива мира,—сказали мнѣ сильные и обѣщали сто флориновъ. Такъ и да будетъ... И во свидѣтельство, мессере, не побрезгайте поцѣловаться съ рабочимъ человѣкомъ". И Пико пошелъ цѣловаться. Но Пьеро разжалъ челюсти, какъ могъ, и вонзилъ зубы въ его лицо, лѣвой рукой онъ прижалъ его къ себѣ, какъ любовницу, а правой пять разъ ударилъ кинжаломъ межъ реберъ. Тутъ его схватили и потащили въ Барджело. И была бы сѣча, но ее остановило духовенство. Хорошенькія дѣла? (*Подходитъ къ Леонардо*). Видишь, Нарди, кровь на моей ногѣ? Это кровь покойнаго Ньокки... Чума недостаточно работаетъ,—флорентійцы ей помогаютъ... А Пьеро попадетъ, пожалуй, въ лапы къ красному брату.

(*Пауза*).

Леонардо. Маэстро, теперь пора снять олифу съ огня... Иначе опять краска побурѣетъ.

(*Уходитъ налѣво въ кухню*).

Ченчіо (*Въ негодованіи*), Клянусь кровью Богородицы, у васъ нѣтъ сердецъ. У васъ они завяли и сморщились какъ сухой лимонъ. Адъ и молнія! (*Топаетъ ногой*).

Вероккіо. Тише, тише... Видишь, у меня дрожатъ руки... Ты думаешь, я равнодушенъ? Не правда... Но что же я могу сдѣлать?

Ченчіо. Такъ говорятъ всѣ.

Вероккіо. И правы.

Ченчіо. Но я же вотъ иду подбирать мертвецовъ? И если меня не тронетъ странница, клянусь святымъ Себастьяномъ, я напомню кое-кому о справедливости.

Вероккіо. И тебя замучаютъ въ подземельяхъ Барджело. Человѣкъ не можетъ итти противъ своего времени, Ченчіо. И въ старину было плохо, но была свобода и надежда. А нынче мы пошли по ломбардскому пути и отдали себя Медичисамъ. Они обстригутъ крылья Флоренціи: она разукрашена какъ никогда, но я то чувствую, что сердце у нея перестаетъ биться... Когда я былъ молодъ, Ченчіо, я вѣрилъ, что мы разожгли большой костеръ, но теперь Лоренцо превратилъ наше жаркое пламя въ потѣшные огни... Мы блестимъ, Ченчіо, мы блестимъ... Но скоро останется только вонючій дымъ да сѣрный пепелъ.

Ченчіо. Скажите это Леонардо.

Вероккіо. Зачѣмъ?

Ченчіо. Чтобы онъ не смѣялся безстыдными губами, когда въ пору рвать волосы на головѣ.

Вероккіо. Зачѣмъ, зачѣмъ, Ченчіо? Этотъ мальчикъ, Ченчіо, это—чудо... Въ немъ созрѣ,

ваетъ новая душа Флоренціи. Все, что сдѣлали прадѣды и дѣды,—Кавальканти, Данте, Петрарка, Боккаччіо, Фичино, все, что сдѣлали Джіотто, Орканья, Мазаччіо, Гиберти, Брунелеске, Донателло и Поллаюоло и многіе другіе—все, это въ немъ сплелось, Ченчіо, чтобы удивить звѣзды небесныя. Это несчастный мальчикъ, добрый мой Ченчіо. Я чуть не плачу, слушая его и глядя на его чудеса... потому что, видишь ли, Ченчіо... это правда, что онъ хочетъ летать какъ птицы, но когда земля проваливается въ холодъ и мракъ, никакая птица не улетитъ, добрый Ченчіо... или она должна падать вмѣстѣ съ землею во мракъ и холодъ, или остаться одна въ пустотѣ, гдѣ все равно замерзнетъ... Флоренція больна. Италія больна. Отжило гордое, свободное гражданство. Оно, видишь ли ты, испугалось черни, оно испугалось также козней богачей и пошло въ рабство къ наглымъ выскочкамъ. Это начало конца. У Леонардо огромное сердце, Ченчіо, а не маленькое, какъ ты говоришь, но его сердцу станетъ скоро тѣсно на этой землѣ, которая вновь захотѣла быть тюрьмой... О, я знаю, добрый другъ, что князья и герцоги будутъ баловать его. Ахъ, Ченчіо, горекъ хлѣбъ гордеца, который каждое утро говоритъ тебѣ: „Я—господинъ здѣсь, всѣ здѣсь—мои слуги!“ Развѣ отдалъ бы я Нарди въ золотыя игрушки дукамъ? Но они возьмутъ его и сломаютъ. Онъ гибокъ, но они сломаютъ его, Ченчіо... Наше искусство еще заблеститъ какъ никогда, но вѣрь, Ченчіо, это передъ смертью...

Ченчіо. Эта музыка мнѣ по сердцу. Все идетъ къ дьяволу въ пасть! Вы—умный человѣкъ,

я всегда говорилъ это... Пойте почаще эту пѣсню Леонардо: пусть онъ знаетъ, гдѣ и когда живетъ, а то онъ ходитъ словно въ тепломъ туманѣ.

Вероккіо. Ахъ, если бы не развѣялся этотъ туманъ!.. Но куда онъ запропастился? Нарди, Нарди!

Леонардо (*Входитъ, въ одной рукѣ у него небольшая кастрюлька, въ другой дощечка съ наброскомъ*). Я говорилъ, что моя краска будетъ похожа на золото, которымъ окрашены облака вечеромъ. Посмотрите, баббо!

Вероккіо (*Разглядывая эскизъ*). Удивительно.

Леонардо. Природа создаетъ золото изъ свѣта и холодной мглы. Намъ тоже не нужно металла, чтобы золотить. Мы тоже немножко живописцы.

Ченчіо. А тюрьма и убійства не касаются тебя?

Леонардо (*Зло*). Нѣтъ.

Ченчіо. Молодецъ!.. Я готовъ кулаки откусить себѣ за то, что люблю тебя!.. Моя страсть къ тебѣ—грѣхъ, грѣхъ, откуда ни посмотри! Но я люблю тебя, и мнѣ стыдно. Видишь, я покраснѣлъ (*Отчаяннымъ жестомъ сдергиваетъ съ себя шапку*). Это за тебя, за то, что у тебя нѣтъ сердца.

Леонардо. Это неправда, что у меня нѣтъ сердца. Я просто пьянъ.

Ченчіо. Пьянъ?

Леонардо. Да, моею молодостью. И хочу пить, пить, пить еще. Всю красоту, которая меня окружаетъ. А потомъ плясать. Моя работа будетъ моею пляской. Я проведу каналы, какъ рѣки, я построю дворцы для императоровъ, построю для

великановъ башни, чтобы ангеламъ было легче слетать на землю. Я отражу міръ на полотнѣ такъ, что онъ засмотрится на себя и впервые пойметъ, какъ онъ хорошъ. Я прочту книгу прошлаго и поверну страницу книги будущаго. Я пьянъ, пьянъ виномъ міра, виномъ бога Пана. Не мѣшайте же мнѣ! я помогу вамъ, я помогу вамъ, люди, но дайте мнѣ идти моею дорогой, не мучьте меня... Старуха Джина вчера цѣлый день орала пѣсни, и я положилъ по комку шерсти въ уши... Оставьте меня съ моимъ міромъ, съ моимъ богомъ... Потомъ Я помогу вамъ.

Ченчіо (*Совершенно сбитъ съ толку*). Нарди, Нарди, ты говоришь дѣйствительно какъ пьяный, какъ одержимый.

Пауза.

Вероккіо (*У окна, дрогнувшимъ голосомъ*). Вечеръетъ...

Леонардо возбужденный ходитъ легкими шагами по комнатѣ. Ченчіо, разставивъ широко ноги, растерянно смотритъ за нимъ глазами.

Леонардо (*Тоже подходя къ окну*). Видите, баббо,—тѣ же оттѣнки, что у меня.

Вероккіо. Торжественные, пышные, нѣжно-грустные.

Ченчіо. И всему міру наступаетъ вечеръ.

Леонардо. А потомъ опять будетъ утро (*Подходитъ къ столу и беретъ лежащую тамъ мандолину*). Ну, будетъ намъ ссориться... Пора успокоиться. У меня есть для васъ новая нѣжная, спокойная спокойная пѣсня.

(*Полупоетъ полудекламируетъ, тихо аккомпанируя себѣ на мандолинѣ*).

Леонардо. Куда стремитесь вы, туманы легкихъ думъ?
—Въ страну огня, гдѣ край земного міра,
Гдѣ грань небесъ. Послалъ насъ гордый умъ
За золотымъ виномъ божественнаго пира.
—Но не вернешься ты, прозрачных парусовъ
Летучая, родная вереница:
Ты таешь, ты горишь въ пожарѣ нѣжныхъ сновъ,—
Но далека еще завѣтная граница.
О, вѣтеръ воли, къ истинѣ сильнѣй
Мчи въ свѣтлый океанъ разрушенные челны:
Таинственный покровъ блѣднитъ игру огней,
Глубинъ эфирныхъ потемнѣли волны.
Вотъ вечеръ. Облака поблекли и грустятъ.
—Скорѣй летите прочь отъ запада—къ востоку!
Лучи на-утро тамъ маняще заблестятъ,—
И истина откроетъ ликъ свой оку!

(*Онъ кончаетъ свою мелодію... Верокіо и Ченчіо слушаютъ въ задумчивости. Никто не замѣтилъ, что*

дверь отворилась и на порогъ призракомъ появилась черная фигура: это силуэтъ въ острома шлыкѣ съ двумя дырами для глазъ, въ рукахъ его крюкъ, онъ говоритъ глухо).

Погребатель. Ченчіо, ты обѣщалъ помочь мнѣ прибрать мертвецовъ... Пойдемъ, работы много... Можно подумать, что злая гостья хочетъ затушить всѣ очаги Флоренціи.

Ченчіо. Иду... Нарди, дай мнѣ тебя поцѣловать...

Леонардо *гибкимъ жестомъ отдается его объятію и цѣлуетъ его много разъ.*

Ченчіо. Прощай... Мнѣ кажется, что я умру.

Леонарди. Видишь ли, Ченчіо, я, по правдѣ, не думаю, чтобы ты могъ умереть. Да и вообще, можетъ быть, мы ошибаемся съ этой смертью. Иди, Ченчіо, милый, мы много еще будемъ любить другъ друга... Это-то я тебѣ обѣщаю. Это-то я знаю.

Ченчіо. Фантазіи! Все кончается.

Леонардо. Какіе тамъ концы, Ченчіо? Ты видишь стѣну тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ туманъ, а за нимъ... опять нѣтъ конца.

Ченчіо *пожимаетъ руку Вероккіо и уходитъ сгорбившись за погребателемъ.*

Вероккіо *подходитъ къ авансцены и садится на табуретъ. Онъ задумчиво смотритъ передъ собою. Леонардо подходитъ къ нему и обнимаетъ его за плечи*).

Леонардо (*Съ безконечной лаской въ голосѣ*). Ну? Вамъ грустно?

Вероккіо. Ты—вечернее облако, о которомъ ты пѣлъ, мой свѣтлый Нарди. Тьма сгущается.

Леонардо. Баббо, вѣдь вернется и утро.

Вероккіо. Но утреннее солнце освѣтитъ уже не тѣ облака.

Леонардо. Но вѣдь тѣ же звѣзды встрѣчаютъ солнце и провожаютъ. И каждое утро продолжаетъ работу, которую міръ тихонько отложилъ, когда насталъ вечеръ. А теперь закроемъ ставни и зажжемъ фонарь. Мы опять будемъ изучать свѣтъ и тѣни. Онѣ такъ восхитительно сложны... Можетъ быть, я—вечерняя душа, вы правы,—я такъ люблю тѣни и борьбу съ ними свѣта... Я—вечерній Леонардо. Но я вижу ясно тамъ, тамъ... (*Указываетъ впередъ*) Леонардо утренняго... Какъ въ зеркалѣ вижу!.. Оге, Нарди, оге! (*Посылаетъ воздушный поцѣлуй*),

Занавѣсъ.

Гости въ одиночкѣ

Драматическая фантазія.

Камера одиночной тюрьмы. Въ глубинѣ окошко съ рѣшеткой, передъ нею откидной желѣзный столъ и табуретъ. У одной стѣны койка, въ противоположной—дверь съ форткой и глазкомъ. Груздевъ лежитъ на койкѣ. Приподымается.

Груздевъ. Опять вечеръ... Развѣ я обѣдалъ? Ахъ, да, обѣдалъ... Докторъ опять не приходилъ... Что же это такое? (*Вскакиваетъ, подбѣгаетъ къ звонку и звонитъ*). Я долженъ добится... Это хуже смерти Я совершенно не могу, совершенно не могу!

Отворяется фортка, въ нее заглядываетъ надзиратель.

Надзиратель. Чего вамъ?

Груздевъ. Я же просилъ доктора. Я же совершенно боленъ... У меня все болитъ, и я боюсь... Что же это такое? Двѣ недѣли нѣтъ доктора; вѣдь я боленъ, боленъ, вѣдь вы же сами знаете, какіе со мною бываютъ припадки! Я подаю каждый день разныя прошенія, я каждый Божій день требую доктора,—и ничего! Что же это, пустыня? Есть же у васъ докторъ? Есть, а?

Надзиратель. Какъ не быть? Только дѣла у нихъ очень много... Фершалъ былъ же... Онъ док-

тору докладывалъ; стало быть—докторъ на находитъ нужнымъ... Фершалъ...

Груздевъ (*Кричитъ нервно*). Фельдшеръ дуракъ! Совершенный дуракъ!

Надзиратель. Ругаться неполагается, кричать тоже самое.

Груздевъ. У меня раскаленныя иглы въ мозгу, у меня ледяной потъ по всей спинѣ, я брежу.

Надзиратель. Очень многіе жалуются. Тюрьма, конечно мѣсто,—грустное, господинъ. Ежели угодно, фельдшеръ придетъ, а врачъ ужъ ушли.

Груздевъ. Не надо фельдшера. Я ненавижу фельдшера. Я съ ума схожу.

Надзиратель (*Тяжело вздыхаетъ*). Какъ угодно. (*Форточка захлопывается*).

Груздевъ. Что же это такое? Я же съ ума схожу. Ну, пусть съ кѣмъ-нибудь вмѣстѣ меня... или въ больницу... Я совершенно не могу больше терпѣть (*Пауза. Груздевъ ходитъ по камерѣ. Гремятъ замки. Отворяется дверь, входитъ фельдшеръ.*

Фельдшеръ. Здравствуйте. Чего вамъ?

Груздевъ. Я сто разъ говорилъ. Я прошу въ общую камеру, въ больницу, куда-нибудь. Я не могу оставаться одинъ въ камерѣ подъ вечеръ, я боюсь...

Фельдшеръ (*Пожимая плечами*). У насъ же есть бромъ и тріоналъ, чтобы вы спали. Можно прописать вамъ ванны.

Груздевъ. Уйдите! И не смѣйте ко мнѣ являться! Я требую доктора. Онъ, можетъ быть, поймётъ.

Фельдшеръ. Здѣсь нельзя капризничать, это

не гостиница и не лѣчебница, а тюрьма (*Повертывается*).

Груздевъ. Я съ ума сойду, умру, у меня порокъ сердца!

Фельдшеръ (*Пожимая плечами*). У меня у самого порокъ сердца (*Уходитъ*).

Дверь съ грохотомъ запирается. Гремитъ замокъ.

Груздевъ (*Бросаясь на койку*). А! Готовъ рвать зубами подушку! (*Пауза*). Завтра среда. Придетъ сестра Маша. Пять минутъ. Жандармъ и рѣшетка. Мучители! (*Подымая голову*). Совсѣмъ темнѣетъ, кажется. Какъ страшно! Въ этой камерѣ, навѣрное, кто-то умеръ. На этой койкѣ. Я знаю. Чувствую. Тутъ хрипѣлъ кто-то. Въ углахъ остались клочки вырванной изъ тѣла души. Душа вырывается изъ тѣла, а потомъ... потомъ Сама умираетъ... Тѣло вынесли, а мертвая душа осталась... Я, кажется, брежу?

(*Доносятся глухіе аккорды общей арестантской молитвы „Царю Небесный утѣшителю“ и т. д.*).

Поютъ... Вечеръ... Я любилъ вечеръ... Я любилъ писать вечерніе эффекты. Это трудно. У вечера грустная поэзія (*Пауза*). Мама подходила говорила: „Мальчику пора спать, постелька ждетъ“. Я долго связывалъ съ вечеромъ представленіе о материнскомъ объятіи, о лампадкѣ, о пѣсенкѣ, о дремѣ... Вечеръ мнѣ всегда казался ласковымъ. Но тутъ, въ каменномъ мѣшкѣ! Уфъ! Страшная вещь вечеръ въ тюрьмѣ. Отчего не зажигаютъ лампы? Вѣдь уже повѣрка идетъ. (*Мимо двери слышенъ топотъ многочисленныхъ шаговъ,*

фортка на секунду открывается и вновь закрывается). Да... Тюрьма... Сейчасъ отовсюду поползетъ храпъ, нехорошій воздухъ, потный, промозглый... Все будетъ дышать широко открытымъ ртомъ; масса тѣлъ на нарахъ... тѣла на койкахъ, бѣдные. А надзиратели слипающимися глазами смотрятъ на желтый огонь лампочекъ... зѣваютъ... гулко прохаживаются... Буду спать и я. Съ головой въ одѣяло и забыться... *(Завертывается съ головой. Тихо. Доносятся тихіе стуки издалека. Вдругъ Груздевъ быстро вскакиваетъ и устремляетъ ужаснувшіеся растиренные глаза въ уголъ, губы его перекашиваются, онъ весь дрожитъ, крикъ замираетъ на устахъ. Въ углу мракъ сгущается, ворочается, формируется, оттуда медленно выдвигается существо съ полулягушачьей головой, большая пасть, гребень рыжей щетики, выпученные глаза тускло свѣтятъ, лапа съ длинными жабьими пальцами опирается на столъ, нижняя часть туловища остается во мглѣ).* Галлюцинація. Что? Что? Безуміе?

Чудовище (*Тихо хихикая*) Хе-хе-хе!.. Спокойствіе, спокойствіе, храбрецъ. Ну-ну, будь мужественъ: я интересное существо.

Груздевъ. Что, что надо?

Чудовище. Развлечь тебя... Вѣдь ты скучаешь? Хе-хе-хе!.. Бѣдняга... Когда ты еще не родился, глупый ангелъ Левкосъ тихо пѣлъ .. Онъ находилъ твою звѣзду счастливой, ибо тебѣ былъ данъ большой талантъ. На роду написано счастье. Левкосъ—это очень глупый ангелъ,—предсказывалъ, что какъ-разъ въ будущемъ году ты долженъ былъ создать картину, которая удивила бы міръ... Она уже давно росла въ твоемъ сердцѣ. Помнишь? Природа поздравляетъ освобожденнаго Прометея... или что-то въ этомъ родѣ... И фигу-

ра вѣчнаго зла въ углу, которая, понявъ свое безобразіе, плачетъ, закрывъ лицо свое руками... А года черезъ два ты долженъ былъ встрѣтить твою подругу, вѣнецъ твоего счастья. О, что за женщина! Она принесла бы тебѣ чарующую красоту, умъ, веселость, восторженную любовь и милліоны... Глупый Левкосъ находилъ, что даже твое слишкомъ сильное воображеніе и неудачное сердце не принесутъ тебѣ несчастья... Она сможетъ, видите ли, успокоить это сердце, и его болѣзнь скажется только особой причудливой игрой свѣтовъ на твоихъ картинахъ. Глупый ангелъ!.. Картины! Женщины! Въ будущемъ году! Ты умрешь очень скоро, не выйдя изъ этой ямы... Дрожи, дрожи, Левкосъ не принялъ во вниманіе твоей глупости. Ты сбился съ золотой дорожки, тонкой какъ ниточка,—за это умри (*Съ ядовитой иронією*). Ты принялъ участіе въ борьбѣ за свободу. Ну утѣшайся, что палъ ея жертвой.

Груздевъ. Кто ты?

Чудовище. Я? Все самое лучшее: разумъ расчетъ, предвидѣніе. Я также раскаяніе. Я ублюдокъ Мефестофеля и королевы пресмыкающихся... счастливая рептилія... умная рептилія... Хе-хе-хе!.. У меня подъ горломъ мѣшокъ, въ немъ золотое счастье для разумниковъ... Мой девизъ: „всякій за себя!“ Ты меня знаешь. Тебѣ много было написано на роду. Ты отступилъ отъ меня. Не угодно ли покаяться? Года черезъ два!.. Смотри, что могло бы быть. Вотъ она, предназначенная подруга. Какіе синіе глаза, а лобъ бѣлый и чистый, лобъ мудрый подъ золотымъ вѣнцомъ тяжелыхъ

косъ, подлинно лобъ венеціанки... Золотая роза.. Слышишь ароматъ ея волосъ, чувствуешь ея голову на твоей груди... Слышишь шопотъ: „Мой геній, мой красавецъ, люблю безумно, богъ мой", и теплыя объятья, пышныя Венерины объятья сжимаютъ... Ты сидишь за мольбертомъ, а она оперлась на твое плечо... И робко, тихонько даетъ совѣтъ... Восхитительный совѣтъ. Сколько ея граціи вложено въ твои картины!.. Каждая картина—ваше дитя. Каждое ваше дитя—картина. Черезъ два года... милый другъ!.. Почувствуй, насколько это можно чувствовать: одинъ желтый скелетъ во прахѣ и гніющемъ гробу... Мозгъ, сердце—немножко земли!

Груздевъ *глухо рыдаетъ.*

Чудовище. Плачь, это полезно,—такъ ты скорѣй умрешь. Больше ничего тебѣ не осталось. Такъ будетъ рыдать сестра твоя надъ твоимъ трупомъ, который полиція покажетъ ей, прежде чѣмъ забросать глиной въ шести сосновыхъ доскахъ.

(*Тихо и нараспѣвъ, съ прорывающейся иронiей*).

Къ жизни, къ славѣ, къ солнцу звало,
Къ счастью, къ страсти, къ торжеству,
Двери рая открывало,
Какъ земному божеству,
Въ головѣ рождало планы,
Чудо, образы въ очахъ,
Воскресали Тиціаны
И Ватто въ твоихъ рукахъ.
Устилало предъ тобою
Солнце пурпуромъ твой путь:
„Дорожи своей судьбою,
Будь собой, собою будь!"

(*Глухо и грозно*). Но поклонился ты иному богу!..
Вступилъ на чуждую тебѣ дорогу!..
Померкло золото вокругъ, и мгла
На жизнь твою кошмаромъ налегла...
Земля зоветъ тебя!
Зовутъ ея гроба!
Земля и разверзла черный ротъ,
Постель гнилая ждетъ!
Мозгъ творческій—горсть праха, праха...
Смотри: въ покровѣ блѣдномъ страха
Идетъ земли сестра,
Идетъ!..
Еще далеко до утра...
Пусть ждетъ
Сестру земли, владычицу могилъ—
Кто солнцу измѣнилъ...
Двѣнадцать бьетъ! (*Тьма поглощаетъ чудовище*).

Груздевъ (*Вдругъ опомнившись, дико вскрикиваетъ*). Лампу, лампу! (*Бросается къ звонку и нервно звонитъ*). Лампу!

Надзиратель. (*Отворяя форточку*). А, лампочку забыли вамъ зажечь... Сейчасъ.

(*Замокъ гремитъ, дверь отворяется*).

Груздевъ. Лампу... лампу... Свѣту!

Надзиратель. Сейчасъ лампочку зажжемъ.

(*Становится на табуретъ и зажигаетъ опускающуюся съ потолка керосиновую лампу, отперевъ рѣшетчатый фонарикъ ключемъ. Потомъ смотритъ на Груздева*). Ну, и блѣдный же вы какой, господинъ... или мерещится что? Не спится?

Груздевъ. Не спится... Галлюцинаціи у меня.

Съ ума схожу, но никому нѣтъ дѣла. Что же я долженъ сдѣлать, чтобы, наконецъ, обратили вниманіе?

Надзиратель. Завтра ужъ обѣщаю вамъ, господинъ, безпремѣнно докторъ придетъ... Ужъ вѣрно, что придетъ.

Груздевъ. Въ больницу что ли?.. Не могу одинъ.

Надзиратель. Одному жутко.

Груздевъ. Тутъ умеръ кто-нибудь?

Надзиратель. Не знаю я, господинъ. Тюрьма давно стоитъ, а мы тутъ надавно. Всякое, чай, бывало.

Груздевъ. Всякое бывало.

Надзиратель. Вы бы курили, господинъ, вѣдь разрѣшаютъ теперь табакъ-отъ.

Груздевъ. Я не курю. Мнѣ вредно... Тюрьма вреднѣе всего. Тутъ смерть моя.

Надзиратель. Вы, господинъ, на волѣ чѣмъ занимались?

Груздевъ (*садится сгорбившись на койкѣ*). Художникъ я... живописецъ. Картины пишу.

Надзиратель. Ага... Божественныя или такъ, разныя?

Груздевъ. Всякія писалъ. Больше ужъ не буду писать.

Надзиратель. Отчего-же? Ежели, къ примѣру, васъ въ Вологодскую вышлютъ или куда,— тамъ можете. Не вѣкъ же будете въ тюрьмѣ вѣковать, (*Пауза*). Ну, пойду, а то старшій увидитъ, что я у васъ замѣшкался,—сейчасъ штрафъ мнѣ. Теперь свѣтло у васъ... Спокойнѣе будетъ. А ежели что,—позвоните—я сейчасъ... Порошочки при-

мите ваши, они хорошіе порошочки многимъ помогаютъ (*Уходитъ*).

Груздевъ (*Подходитъ къ окну, становится на табуретъ*). Черно... Только лампы разныя мигаютъ... На ночь Богъ все закутываетъ въ черную вату, всѣ свои игрушки... И онѣ спятъ и Богъ спитъ, только лампадки дрожатъ (*Сходитъ съ табуета*). Ноги отекаютъ, что ли? Странное какое-то ощущеніе. Приснилось какое-то страшилище... Это отъ сердцебіенія. Въ самомъ дѣлѣ, принять тріоналъ? Къ чорту бромъ! Насмѣшка! (*Принимаетъ порошокъ и запиваетъ изъ мѣдной кружки*). Усну до завтра. Завтра докторъ придетъ... устроитъ меня хоть какъ нибудь. Маша на минуту заглянетъ... Пожалуюсь ей... Боленъ я, боленъ серьезно, глубоко. Это несомнѣнно... Ужасно страшно быть глубоко серьезно больнымъ, когда ничто въ частности не болитъ... Словно знаешь, что гдѣ-то притаился страшный врагъ, грозящій самой смертью, а гдѣ—не знаешъ и все ждешь, откуда онъ выскочитъ на тебя... Лягу. (*Ложится на койку и смотритъ въ потолокъ. Неясные звуки. Чудится какая-то музычка*). Поетъ кто-то, что ли? Вродѣ пѣсни что-то... Ночь поетъ, должно быть, тишина поетъ. Какой-то монотонный аккордъ,—подымается, подымается, подымается, потомъ—внизъ, внизъ. Словно музыкально дышетъ большая-большая грудь... А голова моя катается по подушкѣ. (*Тянетъ одну ногу высокую, потомъ другую, низкую*). А-а-а,—а-а-а! Никто не боится, что завтра не взойдетъ солнце? Солнце-то взойдетъ, да не всѣ его увидятъ. Множество людей умираетъ каждую ночь. Почемъ я знаю, можетъ быть, и я умираю. Что-то очень ужъ

больно и сладко на сердцѣ и въ горлѣ. И не слыхивалъ я никогда раньше, чтобы пѣла такъ ночь. А-а-а,—а-а-а! Боря?.. Это я... Я—Боря. Маленькій, у мамы на колѣняхъ... Борисъ Борисовичъ свободный художникъ... Подающій надежды... Надежды... Боже мой, какое сладкое слово! Надежды, (*Садится*). Гдѣ мои надежды? Есть ли у меня надежды? (*Смотритъ передъ собой широко раскрытыми глазами*). Надежды мои, придите, поддержите (*Покачиваетъ головой. Тихо:*) А-а-а,—а-а-а! (*Опять подымаетъ голову*). Гдѣ-то плачетъ кто то? Можетъ быть я самъ плачу?. Они пришли и просили спрятать. Я это сдѣлалъ сознательно. Я зналъ, на что иду. Клариса Людвиговна сказала: „Мы прячемъ у васъ, потому что здѣсь искать не станутъ. Но я ни за что въ жизни не хотѣла бы васъ подвести. Если бы пришли и отыскали,—говорите прямо, что этотъ сундучекъ принадлежитъ Кларисѣ Гринъ и что вы не знаете, что въ немъ“... И въ ту же ночь нагрянули и скоро отыскали сундучекъ. Ни на минуту не всходило мнѣ на мысль говорить про добрую, мужественную дѣвушку. „Кто вамъ поручилъ хранить?“ И я отвѣтилъ имъ: „Люди, которые довѣрились моей чести и не ошибутся!“ Ротмистръ криво усмѣхнулся... Меня не казнятъ, меня сошлютъ куда-нибудь; за храненіе, за содѣйствіе. Но я умру... я—хрупкій... „Захотѣлъ быть жертвою борьбы за свободу, утѣшайся этимъ!“ Кто это сказалъ? И такъ гадко ухмылялся при этомъ непомѣрно широкимъ ртомъ? Ротмистръ? Товарищъ прокурора? Нѣтъ,—чудище... чудище, которое мнѣ приснилось. Штуковское... Штуковская рептилія.

Борисъ Борисовичъ, ты умираешь, понялъ? Что это лампа такъ мигаетъ и колеблется? Дуетъ въ окно? (*Встаетъ, идетъ къ окну, вновь становится на табуретку*). Что это? Какое-то мутное пятно?.. Приближается... Странно. Это летитъ человѣческая фигура. Да, да, бѣлая женщина летитъ... Да-да, какъ жена Бланки прилетала къ нему въ тюрьму... Это немножко страшно. Раллюцинація (*Соскакиваетъ*). Удивительно... а у меня руки онѣмѣли. Холодно что ли? Прилягу. Закроюсь (*Ложится*). Бѣлая женщина летитъ, навѣрно, ко мнѣ. Можетъ быть, это смерть? Не позвонить ли? (*Смотритъ на окно*). Вотъ она; я такъ и зналъ.

Въ черное окно смотритъ бѣломраморная голова женщины въ странной повязкѣ, напоминающей египетскій головной уборъ.

Груздевъ. Смерть. Что же, войди... Войди... Боря тутъ.

Стѣна раздвигается, и бѣлая женщина входитъ. Она останавливается на черномъ фонѣ, какъ бы въ брешн стѣны.

Груздевъ. Ты... Смерть?

Бѣл. Жен. Ты зналъ надежду.

Груздевъ. Ты—Надежда?

Бѣл. Жен. *киваетъ головой.*

Груздевъ. Я думалъ, ты—смерть...

Бѣл. Жен. Я—воскресенье.

Груздевъ. Ты... Хорошая... На твоемъ бѣломъ лицѣ такіе хорошіе глаза. Я никогда не видывалъ такихъ хорошихъ глазъ. Можетъ быть, ты ангелъ Левкосъ, который радовался моему счастью?

Бѣл. Жен. Нѣтъ.

Груздевъ. У тебя глаза какъ у мадонны... Ты величественна и прекрасна. Ты чуть похожа

на мою маму... На мою сестренку Машу. Ты галлюцинація моя... Или лжетъ школьная премудрость? Или глаза умирающаго видятъ міры иные? Знаешь? Я не боюсь тебя. Я не одинокъ съ тобой. Мнѣ хочется говорить съ тобой какъ съ живымъ существомъ. Хорошо, если бы ты сѣла на табуретку и была не такъ бѣла. Теплая ли ты? Я хотѣлъ бы, чтобы ты была теплая (*Пауза*). Ангелъ, ты видишь, какъ я несчастенъ?—Я, навѣрное, умираю, и мнѣ вовсе не вѣрится въ безсмертіе души. Кто-то мнѣ говорилъ: мозгъ и сердце—немножко земли. Это страшно. Хочется жить. Знаешь ли ты что-нибудь о смерти? Немножко земли, да?

Бѣл. Жен. Великая мать земля рождаетъ и вновь беретъ, и вновь рождаетъ. Я говорю тебѣ, ты тоже сѣмя,—взойдутъ чудесные цвѣты... Ты сталъ однимъ изъ братьевъ будущаго, изъ самоотвергающихся ради грядущаго. Ты воскреснешь. Развѣ въ тебѣ нѣтъ радости, когда ты вспоминаешь, что ты сдѣлалъ? Ты молча принятъ въ братство благородныхъ, которымъ не жаль себя. Боря, Боря, не жалѣй себя, не жалѣй себя до конца.

Груздевъ. Ангелъ... жалко себя. Я никогда не поступилъ бы иначе, но себя мнѣ жаль: жизнь одна у человѣка.

Бѣл. Жен. Неправда. Прильни къ великому роду. Въ минуту переживи будущее: оно прекрасно, и вся дорога къ нему, сіящему будущему, трагически сверкаетъ, убранная рубинами вашей крови, собственной крови, пролитой сознательно. Иди сюда, смотри.

Груздевъ подымается съ койки и подходитъ къ фантастическоей брешн въ стѣнѣ; онъ слабъ и садится на табуретъ. Бѣлая Женщина одной рукой обнимаетъ его плечи, другую протягиваетъ въ темноту: черный фонъ зажигается съблескомъ.

Бѣл. Жен.

Ты видишь—радостію полный
Необозримый вѣчный садъ,
Каналовъ темно-синихъ волны,
Вершины мраморныхъ палатъ?
Ты видишь этотъ храмъ высокій,
Кровавой башни стройный шпиль?
Ты слышишь перезвонъ далекій,
Поющій про сѣдую быль?
Все стало ближе: передъ нами
Громада лѣстницы, по ней
Толпами, мощными толпами
Восходятъ тысячи людей.
Какія лица! Гордо, чисто
Глаза сіяютъ, по плечамъ
Волною пышно золотистой
Струятся кудри. Въ красный храмъ
Они идутъ легки и стройны:
Подъ легкой тканью черныхъ тогъ
Ихъ станъ торжественно спокойный
Восхитить Фидія бы могъ.
Тутъ всѣ— Діаны и Веперы,
Всѣ Аполлоны,—гибкихъ рукъ
Сплелись объятья... Полный вѣры
Зови, художникъ: „Здравствуй внукъ!“
Но слышишь, ввстрѣчу имъ несется
Хоралъ трепещущей волной,
Все громче трубы. Сердце бьется

Любовью, счастьемъ и тоской!
И всѣ поютъ, и лица строги,
И строенъ многогласный хоръ...
О, слушай,—въ честь вамъ внуки-боги
Свершаютъ мессу! А соборъ
Сіяетъ красными огнями,
Гремитъ, какъ бы одинъ органъ,
Поетъ, поетъ колоколами
Злато-багровый великанъ.

Въ могилахъ кровавыхъ герои лежатъ,
Купившіе нашу побѣду,—
Греми же псаломъ благодарныхъ внучатъ
Себя не жалѣвшему дѣду.
Клянемся впередъ мы идти и впередъ
Нести ваше пламя святое:
Покою не знаетъ воинственный родъ,
Кому такъ сіяетъ былое.
Мы станемъ богами, мы міръ побѣдимъ.
Мы съ корнемъ исторгнемъ страданье,
Погибшую жизнь мы опять воскресимъ,
Раздвинувши сводъ міровданья.
Мы станемъ богами, и смерти конецъ
Добудемъ усиліемъ воли,
Имірь превратится въ нетлѣнный вѣнецъ
Немеркнущей, божеской доли.
Такъ спите же, дѣды, спокойно, но день
Настанетъ воскреснуть вамъ скоро.

Тотъ умеръ, кто жилъ для себя: словно тѣнь
Прошелъ онъ въ пучину былого.
Герой не умретъ. Если мы побѣдимъ
Прекраснаго мы не уступимъ
И смерти сраженье мы снова дадимъ,
И въ тартаръ мы съ факеломъ вступимъ!..

Гремитъ ихъ пѣсня. На мгновенье
Измѣрь ты будущность людей,
Услышь вѣковъ грядущихъ пѣнье...
И, милый,—жизни не жалѣй.
Есть смерть желаннѣй самой жизни:
Когда она служить смогла
Единой дорогой отчизнѣ—
Грядущему—и смерти зла!

Груздевъ. Мнѣ кажется... что я... что я уже не живу больше. Мать, возьми меня... Вѣдь мнѣ будетъ спокойно?

Бѣл. Жен. Спокойно.

Груздевъ. Внуки, до свиданья, милые... какъ жаль... что я... не послужилъ вамъ больше, много больше. Простите. До свиданья...

Бѣл. Жен. Ты—милый сынъ грядущаго.

Груздевъ. Возьми мою голову на свою грудь... Какъ мама.

Бѣл. Жен. Пора спать, мой мальчикъ. Постелька ждетъ... Спи, мой свѣтикъ.

Спи, мой свѣтикъ, до утра:
Утро ясное придетъ
И въ рожокъ изъ серебра
Спящихъ къ жизни призоветъ...

Свѣтикъ, Боря, засыпай,
Баю-бай, баю-бай.

Свѣтъ меркнетъ. Лампа тускло коптитъ. Въ камерѣ темно. Свѣтлымъ квадратомъ открывается форточка.

Надзиратель. Спите, господинъ? Спитъ, должно. Ахти-хти-хти!.. Господи-Iисусе.

Конецъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	3
Мудрый Чарудатта	5
Скрипачъ	17
Лунный свѣтъ	21
Крылья	25
Арфа	36
Философъ, который смѣется	40
Статуэтка	45
Элементы души	50
Ночь во Флоренціи	55
Воскресеніе	65
Вавилонская палочка	75
Три путника и Оно	111
Король-художникъ	145
Юный Леонардо	183
Гости въ одиночкѣ	205

на і руо.

Книгоиздательство „Заря“

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Москва: Кн. магазинъ „Сотрудникъ Провинціи“ уг. Тверского бульв. и Мал. Бронной.
Петербургъ: Невскій, 55, кв. 14, кн. скл. „Земля“
Вильна: Большая, 56.
Одесса: Софійская, 32, кв. 3. Бороховъ.
Кіевъ: Пушкинская, 11, Лапицкій.

ХРОМО-ПЕЧАТНЯ И ХРОМО-ЦИНКОГР Ю. ВЕЛЬМАНЪ М